ISSN 2560-3752 (Online)

АСПЕКТ

ЧАСОПИС
ЖУРНАЛ
друштвене и хуманистичке науке
социальных и гуманитарных наук

Западна Русија
Западная Русь

у етно-политичких
в этнополитических
и етно-културних
и этнокультурных
процеса
процессах

№1(1)
2017

БЕОГРАД - МИНСК

BELGRADE - MINSK

ASPECT

АСПЕКТ

Журнал
социальных и гуманитарных наук

№1(1)
2017

Западная Русь в этнополитических и этнокультурных процессах

⇒ Теплова В.А. «СВЯТИТЕЛЬ ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ» - стр. 3

⇒ Шевченко К.В. «ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ СЛОВАЦКОЙ ГАЗЕТЫ «ПЕШТБУДИНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»(«PEŠTBUDÍNSKÉ VEDOMOSTI») – стр. 8

⇒ Бендин А.Ю. «СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛОЗУНГИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 Г. В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» – стр. 13

⇒ Священник Алексий Хотеев «ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКОГО КАТЕХИЗИСА НА СТРАНИЦАХ «РУССКОГО АРХИВА» - стр. 23

⇒ Середа А.С. «ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 - 1864 ГГ. И ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ» – стр.28

⇒ Загорнов А.А. «ВВЕДЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» – стр. 33

⇒ Казак О.Г. «ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ СКРЕЩЕННЫХ СТРЕЛ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ (1939–1944 ГГ.): ПРАВОРАДИКАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА» – стр. 39

⇒ Зоран Милошевич «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ В ПРОГРАММАХ СЕРБСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ» - стр. 43

⇒ Криштапович Л.Е. «СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ» - стр. 58

⇒ Чарота И.А. «ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО РУСОВЕДЕНИЯ» - стр. 67

⇒ Гронский А.Д. «БЕЛОРУССКИЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК О РОССИЙСКОМ ПЕРИОДЕ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ» - стр. 74

⇒ Шимов В.В. «ЯЗЫКОВЫЕ ВОЙНЫ ЗАПАДНОЙ РУСИ» – стр. 85

⇒ Хамутовская С.В. «БЕЛАРУСЬ КАК УЧАСТНИК ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ» -стр.94

⇒ Алексейчик Я.Я « ПРЕДСЛАВА (НЕ) ДЛЯ БОЛЕСЛАВА» - стр. 99

⇒ Гигальчий А.В. «ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ СЕГОДНЯ. ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА» - стр. 110

⇒ СВЕДЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ «АСПЕКТ» - стр. 118

Международное научное электронное издание

Издается совместно:
- Центар академске речи
(Београд-Шабац, Србија) www.carsa.rs
- Научно-просветительский проект "Западная Русь"
(Минск) http:// apadrus.su

Редакционный совет:

Александр Бендин (Минск)
Александр Гегальчий (Прага)
Александр Гронский (Минск)
Александр Киселев (Минск)
Анатолий Аврутин (Минск)
Валентина Теплова (Минск)
Всеволод Шимов (Минск)
Кирилл Шевченко (Минск)
Юрий Аверьянов (Москва)

Главные редакторы:

Др Зоран Милошевић (Београд)

Игорь Зеленковский (Минск)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија
http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com

ISSN **2560-3752** (Online)

ASPECT

Humanities and Social science magazine

№1(1)
2017

West Russia in the ethno-political and ethno-cultural processes

⇒ Valentin Teplova “ St. George Konissky and his tim ” - page 3

⇒ Kirill Shevchenko. UPRISING IN 1863 IN REFLECTION OF THE SLOVAK NEWSPAPER “PEŠTBUDÍNSKÉ VEDOMOSTI” - page 8

⇒ Alexandr Bendin. SOCIAL FORCES, RELIGIOUS AND POLITICAL SLOGANS OF POLISH UPRISING IN 1863 IN NORTHERN-WESTERN REGION OF RUSSIAN EMPIRE” - page 13

⇒ Alexi Hoteev “ A POLEMIC ABOUT POLISH CATECHISM IN THE RUSSIAN ARCHIVE JOURNAL.” - page 23

⇒ Artiom Se eda. "THE POLISH UPRISING OF 1863 - 1864 AND THE INSTITUTION OF SOCIAL MEDIATORS" - page 28

⇒ Alexsander Zagornov. "INTRODUCTION JURY TRIALS IN THE NORTHWEST REGION OF RUSSIAN EMPIRE" - page 33

⇒ Oleg Kazak. "ACTIVITY OF THE ARROW CROSS PARTY IN THE SUBCARPATHIAN RUS (1939–1944): right-wing ideology in the nationa -cultural life of the region's context" - page 39

⇒ Zoran Miloshevich. "EURASION UNION IN THE PROGRAMS OF THE SERBIAN POLITICAL PARTIES" - page 43

⇒ Lev Krishtapovich. "UNION STATE AS NATIONAL IDEA OF RUSSIA AND BELARUS" - page 58

⇒ Ivan Charota. "CONTRADICTIONS OF THE CONTEMPORARY BELARUSIAN RUSSIAN STUDIES" - page 67

⇒ Alexander D. Gronskii. "BELARUSIAN SCHOOL TEXTBOOK ABOUT THE RUSSIAN PERIOD OF BELARUSIAN HISTORY" - page 74

⇒ Vsevolod Shimov. "IDEOLOGICAL ASPECTS OF BELARUSIAN-RUSSIAN RELATIONS" - page 85

⇒ Svetlana Khamutovskaya. "BELARUS AS A PARTICIPANT OF INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA AS REFLECTED BY PUBLIC OPINION POLLS" - page 94

⇒ Yakov Alekseichik. “PREDSLAVA (NOT) TO BOLESLAV” - page 99

⇒ Gegalczij Alexandr. "SUBCARPATHIAN RUS TODAY. LITERATURE AND POLITICS" - page 110

⇒ ABOUT MAGAZINE - page 120.

International esearch electronic publishing

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs

- Scien fic and educational p oject "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editorial Council::

Alexander Bendin (Minsk);
Alexander Gegalchy (Prague);
Alexander Gronskii (Minsk);
Alexander Kiselev (Minsk);
Anatoly Avrutin (Min k);
Valentine Teplova (Minsk);
Vsevolod Shimov (Minsk);
Kirill Shevchenko (Minsk);
Yury Averyanov (Moscow)

Editor in Chief:

Zoran Milosevic (Belgrade)

Igor Zelenkovsky (Minsk)

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сѐбија

http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com

ISSN **2560-3752** (Online)

Святитель Георгий Конисский и его время

St George Konissky and his time

УДК 930.85

Валентина Анатольевна Теплова,
кандидат исторических наук, профессор Минской Духовной Академии

Valentina A. Teplova,
Candidate of Historical Sciences, Professor of the Minsk Theological Academy

РЕЗЮМЕ. В 2017 году православная Беларусь отмечает 300 лет со дня рождения архиепископа Могилевского и Белорусского Георгия (Конисского). Он в течение сорока лет (1755 – 1795 гг.) возглавлял единственную в XVIII веке православную кафедру на белорусско-украинских землях Речи Посполитой. Рассматривается историческое значение архиепископа Георгия (Конисского) в сложной политической и религиозной ситуации того времени.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Архиепископ Георгий (Конисский), Белоруссия, Могилев, Русская православная Церковь

ABSTRACT. In 2017, Orthodox Belarus celebrates 300 years since the birth of the Archbishop of Mogilev and the Belarusian George (Konissky). He is forty years (1755 - . 1795) led only in the XVIII century Orthodox chair at the Belarusian-Ukrainian lands in Polish–Lithuanian Commonwealth. We consider the historical signifi ance of Archbishop George (Konissky) in a complex politi al and religious situation of the me.
KEY WORDS. Archbishop Georgy (Konissky), Belarus, Mahilyow, Russian Orthodox Church

В 2017 году православная Беларусь отмечает знаменательную дату – 300 лет со дня рождения архиепископа Могилевского и Белорусского св. Георгия (Конисского), в течение сорока лет (1755 – 1795 гг.) возглавлявшего единственную в XVIII веке православную кафедру на белорусско-украинских землях Речи Посполитой. Для понимания исторического значения архипастырской деятельности св. Георгия необходимо представлять непростые политические и религиозные реалии времени, в которое жил и трудился святитель.

Ключевым событием, определившим религиозно-политическую ситуацию в Речи Посполитой второй половины XVII – начала XVIII века, явилось Андрусовское перемирие (1667 г.). С этого времени в политике католических властей преобладает все усиливающаяся тенденция перехода от относительной религиозной толерантности к крайней нетерпимости. Уровень религиозных свобод в Речи Посполитой начинает уступать странам Западной Европы, вышедших из кровопролитной Тридцатилетней войны с обретением принципа веротерпимости. В тоже время конвокационный сейм Речи Посполитой 1668 г. приравнял отход от католичества к государственному преступлению. Наказание за него предусматривало конфискацию имущества и изгнание из страны (exilio). К этому времени большинство протестантских общин Речи Посполитой прекратили своё существование, к 1754 г. уцелело всего 28 протестантских приходов.[1] Сделавшись господствующей религиозной организацией католическая церковь через церковную унию планомерно осуществляла перевод в католицизм православного населения белорусско-украинских земель. Путем выдачи униатской церкви льгот и преимуществ правительство побуждало православное духовенство к переходу в унию. Так решением Варшавского сейма 1667 г. униаты освобождались от тягот военных постоев, принятых в силу конституций de disciplina military, получили два диплома, которыми были утверждены все приобретенные ими ранее права. В тоже время решением сейма 1676 г. были уничтожены вновь приобретенные права православных, православные клирики были уравнены с податными сословиями — крестьянами и мещанами. Сейм 1673 года запретил давать шляхетство не католикам. После этого захват

1. См. подробно: Łukaszewicz J. Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie. — Poznań: Drukarni Orędownika na Garbarach, 1842—1843. — T. 1-2.

церковных земель Православной церкви, ее имущества и утвари, издевательства над православными священниками, поругание святынь, разорение православных кладбищ и т.п. стало обычным явлением и повторялось на всей православной территории Речи Посполитой. Постановлением сейма 1676 года, подтвержденным на сеймах 1678 и 1699 гг., православным ставропигиальным братствам и вообще всем православным воспрещалось выезжать за границу или приезжать оттуда, сноситься с Константинопольским Патриархом и представлять на его решение дела, касающиеся веры, братства должны были или подчиниться местным епископам, или представлять дела веры на решение гражданских судов. Таким образом, если епископ принимал унию, то братства уже не в праве были обращаться к Патриарху. Запрещением православным выезда за границу правительство Речи Посполитой намеревалось добиться полного разрыва связей православного населения страны с Москвой и Константинополем. По закону 1697 года в судебное делопроизводство на территории ВКЛ был введен польский язык вместо «русского». Сейм 1699 г. постановил, что только «мещане правдивые униаты исключительно способны к занятию выборных магистратских должностей». [2]

В это сложное для Православия время Могилёвскую кафедру возглавляли искренние и последовательные защитники Православия, такие как Иосиф (Кононович-Горбацкий), Иосиф (Нелюбович-Тукальский),[3] Климент (Тризна), Серапион (Полховский). Отстаивая исторически сложившуюся каноническую зависимость Киевской митрополии от Константинопольского патриархата, они, тем не менее, ценили государственный протекторат Москвы для защиты Православия на белорусских землях. Даже уклонение в унию епископа Феодосия (Василевича)[4] не повлияло на православное население Могилевской епархии. Могилев оставался единственным «гнездом схизмы» в Речи Посполитой. Опасение, что «не только в Белорусской епархии, но и по всему великому княжеству Литовскому <…> схизма начнет множиться» приводило к длительному периоду искусственно созданного отсутствия в Белорусской епархии епископа, что, безусловно, вносило дезорганизацию в местную церковную жизнь.

И только «Вечный мир» (1686 г.), который Речь Посполитая под угрозой турецкой экспансии заключила с Россией, заставил ее провозгласить свободу веры православным, оставив за ними епархии, полученные при короле Владиславе IV: Луцкую, Львовскую, Перемышльскую, Мстиславльскую. Восточная часть Киевской митрополии с Киевом перешла к Московской Патриархии. Однако все Киевское воеводство, Волынь, Подолия, Галиция и белорусские земли остались под властью короля и в зависимости от Киевского митрополита, находившегося под омофором Константинопольского патриарха. Русское правительство получило право наблюдать за исполнением данных королем обещаний и ходатайствовать за православных в случае их притеснений. Однако при господстве религиозной нетерпимости в Речи Посполитой правительственные круги никогда не соблюдали этих пунктов. Главной тенденцией религиозной политики властей в конце XVII – первой половине XVIII века стал курс на полное уничтожение Православия.[5]

Одним из средств для достижении этой цели был соответствующий подбор на должности православных епископов лиц, склонявшихся к унии.[6] С помощью Львовского православного епископа Иосифа (Шумлянского) и Перемышльского Иннокентия Винницкого, намеренно перешедших из унии в Православие, на рубеже XVII и XVIII вв. была тайно осуществлена замена епископов Православной церкви на униатов. В результате три из четырех православных епархий перешли в униатство. После этого на всю Речь Посполитую оставался только один православный епископ – белорусский. Сокращение православной шляхты, отстаивающей религиозную свободу, ослабление братств и исчезновение казачества лишили Православие его внутренних защитников. Однако все епископы, возглавлявшие Могилёвскую кафедру в 1-й половине XVIII века: Сильвестр Четвертинский (1707–1728), Арсений Берло (1730–1732), Иосиф Волчанский (1732–1742), Иероним Волчанский (1744–1754) были мужественными защитниками Православия, стойко сопротивлявшимися попыткам со стороны униатов и правительства Речи Посполитой закрыть Могилевскую православную епархию.

2. Беднов В.А. Православная Церковь в Польше и Литве. – Минск: Лучи Софии, 2002. С. 264-285.

3. Mironowicz A. Prawoslawie i unia za panowania Jana Kazimierza. – Bialystok, 1974; idem. Metropolita Józef Nielubowicz – Tukalski. –Bialystok, 1998.

4. Mironowicz A. Teodozy Wasilewicz. – Bialystok, 1997.

5. Беднов В.А. Указ. Соч. С.291-300.

Проследим хронологию законодательных актов правительства Речи Посполитой по отношению к Православной церкви ко времени прихода на Могилевскую кафедру епископа Георгия Конисского. Еще в 1717 г. последовало постановление, по которому не католикам («диссидентам») было запрещено занимать государственные должности и избираться депутатами (послами) в сейм. Данное постановление было подтверждено в 1733 г. В том же 1717 г. появился анонимный проект полного уничтожения Православия в государстве.[7] В проекте говорилось, что все бедствия, переживаемые Речью Посполитой, есть наказание Божие за потворство схизматикам, которых необходимо истребить, чтобы снискать благословение Божие. Проект требовал ни в коем случае не допускать православных к должностям, которые могут доставлять почесть и богатство, не давать им образования, насмехаться над ними, при всяком случае выставлять свое превосходство, лишить православное духовенство средств к жизни, сравнять их с холопами. В 1718 г. по предложению ревностных католиков Гродненский сейм лишил права голоса единственного своего члена – некатолика. Это стало примером для последующих сеймов, на которые перестали пускать депутатов – иноверцев. Теперь они были лишены возможности добиваться защиты своих прав законным порядком. Не случайно с этого времени в силу действия решений Вечного мира 1686 г. и отсутствия помощи в судах участились случаи обращения могилевских епископов к российским властям. Так в январе 1722 года белорусский епископ Сильвестр (Четвертинский), представил в коллегию Иностранных дел России список «обид и притеснений», какие терпит Православное духовенство от шляхты (сам епископ недалеко от Могилева был ранен напавшим на него шляхтичем), в том числе о запрете под страхом смертной казни строить православные храмы. Император Петр I потребовал, чтобы была назначена комиссия «для освидетельствования обид, испытываемых людьми греческого исповедания, и для получения за них удовлетворения». Благодаря деятельности этой комиссии, насильственное насаждение унии было несколько приостановлено, а те монастыри и церкви, которые были отняты у православных, вновь возвращены им. [8]

В этой обстановке в Замостье (1720 г.) униатским митрополитом Львом Кишкой с разрешения Папы Климента XI был созван Собор греко-католической церкви. Его председателем был назначен с большими полномочиями папский нунций в Польше епископ Эдесский Иероним Гримальди. На Соборе, кроме униатов, присутствовали представители католического клира и иезуиты. На состоявшихся трех соборных заседаниях были рассмотрены догматы и обряды греко-католической церкви, составлена программа для обращения в унию православных Беларуси и Украины. Провозгласив унию единственной законной Церковью греко-восточного обряда в Речи Посполитой, члены Собора единогласно постановили признать главные латинские догматы: об исхождении Св. Духа и от Сына (filioq e); о чистилище; об индульгенциях; о непогрешимости Папы в делах веры; признание постановлений Тридентского собора; постановления Флорентийского собора; о введении в униатской церкви совершения литургии как на опресноках, так и на квасном хлебе; о празднике в честь Тела Христова; Иосафата Кунцевича; королевича Казимира и др. Наряду с главными были и второстепенные постановления Замойского собора: поминать за богослужением Папу; посвящать в священники и «безженых» лиц; право униатского священства одеваться в одежды латинского покроя; освобождать униатов от соблюдения Петрова поста (если они этого пожелают); введение в церковном богослужении читанных литургий. Постановления Собора были внесены и обрядовые изменения в совершение таинств. Замойский собор, подтвердив прежние, предоставил ордену базилиан новые привилегии и права, поставив их в исключительно благоприятное положение. Собор постановил также издать для униатов новые богослужебные книги (согласно принятым догматическим и обрядовым изменениям), запретив впредь приобретать «схизматические» книги и хранить их.

Замойский собор оправдал все ожидания, которые на него возлагал Рим и правительство Речи Посполитой. Униатская церковь оказалась в положении, при котором переход в латинство становился незаметным, предвещая в будущем полное слияние унии с католичеством.

6. Данилов В., свящ. История Брестской унии. Путь, истина и жизнь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://veritas.katolik.ru/books/hist_unii.htm#4

7. Жебровский. Проект иезуитский. (Публикация текста и вводная статья И.Н. Слюньковой). / Материалы V Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвященных дням славянской письменности и культуры. Ч. 1. – Минск, 2000. С. 133-141.

8. Беднов В.А. Указ. Соч. С.300 - 304.

Решения Замойского собора были неодинаково восприняты базилианами и частью белого духовенства, сторонниками сближения с Римом и ревнителями чистоты униатской церкви. Если первые принялись за активную реализацию постановлений Собора и введение в униатскую церковь того, о чем Замойский собор даже не упоминал (открытые алтари, конфессионалы, органы, боковые престолы и т.п.), то униатское белое духовенство отнеслось к нововведениям более сдержанно.

Вместе с латинизацией униат церкви наступила эпоха массового перевода крестьян из Православия в унию и нового наступления на Православие. В Варшаве (сентябрь 1732 г.) был созван сейм, который образовал «генеральную конфедерацию» для пересмотра всех привилегий «православно-русского» населения Речи Посполитой. Конфедерация постановила запретить: 1) избрание православных депутатов в сеймы, трибуналы и специальные комиссии; 2) созыв православных съездов и собраний; 3) принятие православных на должности в воеводствах, городах и землях Речи Посполитой; 4) сношения со всеми иностранными представителями при варшавском дворе, что лишало православных права (действовавшего с 1686) обращаться за покровительсвом к России. Одновременно конфедерация в административном порядке запретила духовенству ходить по улицам явно со св. дарами; церковные таинства и требы – крещения, браки, погребения – совершать только с дозволения ксендзов за установленную плату; хоронить усопших разрешалось только ночью; на православных возлагалась обязанность присутствовать при католических крестных ходах; дети, рожденные от смешанных браков, должны были принадлежать к католической церкви, а пасынки отца-католика обязаны принимать католичество. Православным вменялось в обязанность соблюдать канонические правила католической церкви. Эти постановления были направлены, по существу, на полное уничтожение Православной. церкви в Речи Посполитой. Своеволие шляхты и католического духов. в отношении православного населения сделались особого рода геройством. Для насильственного перевода в католичество был даже придуман особый способ: «наезд на монастырь». Только в Могилевской епархии за 1732-43 гг. на унию «заехали» 128 православных монастырей и церквей.

Кроме того, для обращения православных в латинство или унию на белорусских землях учреждались особые миссии из католических и базилианских монахов. Миссионеры заставляли новообращенных ставить кресты в память «исшествия своего из Египта», т.е. из Православия; устраивали подобие страшного суда, для чего православных, «упорных в схизме», выгоняли за город, где миссионер, стоя на возвышении, отделял православных от католиков. Первых ставил по левую сторону от себя и обрекал «на вечную муку», а остальных, стоявших справа, присуждал «к вечному блаженству».

В 1747 г. шляхта получила право давать согласие или одобрение кандидату во священство. Без этого согласия никто не мог получить приход. В силу этого права владельцы считали себя полноправными хозяевами церкви в их имении. Церкви эти считались доходными статьями шляхты, наравне с корчмами, мельницами, поэтому зачастую отдавались в аренду. Без разрешения арендатора не могло быть совершено ни одно богослужение в церкви. Но тяжелее всего на повседневном быту священников отражалось изгнание их владельцами из приходов и требование отбывания барщины в пользу пана.

Бесконечные преследования зачастую приводили православных к полному религиозному безразличию, а чаще к переходу в унию. К концу XVIII в. около 80% крестьянства Белоруссии стало униатами. Одновременно с усилением гонений на Православие начинается процесс «совращения» в католичество униатов. Во многом это стало возможным благодаря позиции шляхты, которая, не стесняясь в средствах, повела настоящее наступление на униатов. «Наезды» на униатские церкви и монастыри, избиения униатских священников, предъявление к ним требований об отбывании барщины, захват и отчуждение церковной земли стали повседневными явлениями. Вмешивалась шляхта и во внутреннюю жизнь униатской церкви: разверстывала по своему желанию униатские приходы, не разрешала строить храмы и праздновать храмовые праздники, налагала на священников запрещение исполнять требы и пр. Вместе с этим частыми становились случаи унижения униатов, желание показать, что уния — вера людей невежественных, что она, как и Православие, «chlopska wiara».

Подобное отношение привилегированного сословия к унии давало возможность католическому духовенству открыто изменить свою политику относительно униатской церкви. С середины XVIII в. она принимает характер систематического перевода униатов в католичество. В 1752 г. львовским католическим архиепископом

Сераковским был даже составлен специальный план реализации подобного перевода. Необходимость перевода униатов в католичесьво Сераковский мотивировал тем, что, несмотря на покровительство Римской церкви, уния не представляла всей полноты и чистоты ее учения, что униаты слишком тесно связаны в обрядности с Восточной (православной) церковью, воспитываются в национальном духе и поэтому легко могут перейти обратно в Православие. Униатское духовенство, обеспокоенное создавшейся ситуацией, созвало церковный Собор и выразило протест против посягательств католиков на самостоятельность униатской церкви. Однако протест остался без последствий и перевод православных в католичество, так же как латинизация унии стали в конце XVIII в. явлением постоянным. Главным орудием латинизации и ополячивании белорусских и украинских униатов были базилиане. Известно, что орден базилиан при самом учреждении (1617) своем принял традиции католических монашеских орденов. Папа разрешил иезуитам даже поступать в этот орден. Независимый от власти униатского митрополита, поддерживаемый польскими королями и Римом, базилианский орден нанес страшные опустошения православию. В пределах белорусско-литовских земель в XVII и XVIII вв. было создано 88 базилианских монастырей.[9] С 1686 года, со времени заключения между Речью Посполитой и Россией «Вечного мира», до 1754 г. в Белорусской епархии у православных было отнято 5 монастырей и 164 церкви.[10] Только у православных г. Кричева и окрестностей «на унию заехало» свыше 20 церквей.

Таким образом, политика католических властей Речи Посполитой по отношению к Православной церкви во второй половине XVII – середине XVIII вв. носила характер религиозного террора, аналогии которому не существовало даже в Османской империи.[11] Однако и при таких неблагоприятных условиях Православие устояло, прежде всего, благодаря мужеству простого народа и православных иерархов, среди которых особенно выделяется личность архиепископа Могилевского Георгия Конисского. К тому моменту, когда Георгий (Конисский) начал свое святительское служение, в Белорусской епархии оставалось не более 130 православных приходов – остальные находились под властью католиков и униатов.

9. Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, Харвест. 2006. – 351 с.

10. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII – XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]; Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Экаперспектыва, 2004. – 344 с

11. Апанович К.О. Православная Церковь в Речи Посполитой и Восточные патриархаты: специфика церковных взаимоотношений(1596–1632 гг.). / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история. – Минск, 2016. С.14.

ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА В ОСВЕЩЕНИИ СЛОВАЦКОЙ ГАЗЕТЫ «ПЕШТБУДИНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» («PEŠTBUDÍNSKÉ VEDOMOSTI»)

UPRISING IN 1863 IN REFLECTION OF THE SLOVAK NEWSPAPER "PEŠTBUDÍNSKÉ VEDOMOSTI"

УДК 81' 374' 22

Кирилл Владимирович Шевченко,
доктор исторических наук, профессор Минского филиала РГСУ
Kirill Shevchenko, Ph.D., Professor, RGSU Branch in Minsk

РЕЗЮМЕ В статье анализируется освещение польского восстания 1863 г. ведущей словацкой политической газетой «Пештбудинские ведомости». В отличие от большинства европейской и чешской прессы, словацкая газета заняла в основном критическое отношение к восстанию, критикуя повстанцев за отстаивание шляхетских интересов и за стремление присоединить к будущему польскому государству этнически непольские украинские, белорусские и литовские земли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Восстание 1863, пресса, славянская взаимность, Польша, Россия

ABSTRACT The artic e explores the coverage of the uprising in 1863 by the leading Slovak politi al newspaper "Peštbudínské vedomos ". Unlike most European and Czech press, Slovak newspaper voiced cri cism about this uprising, blaming rebels for defending exclusively gentry privileges and for their plans to incorporate into future Polish state ethnically non-Polish Ukrainian, Byelorussian and Lithuanian lands.

KEY WORDS Uprising 1863, press, Slavic reciprocity, Poland, Russia

Разделы Речи Посполитой и утеря поляками своей государственности в конце XVIII века негативно воспринимались словацким общественным мнением, которое с пониманием и сочувствием относилось к стремлению польских патриотов возродить Польшу. Вместе с тем, отношение словаков к польскому национальному движению испытывало серьезное влияние широко распространенных в словацком обществе русофильских настроений, которые резко усилились после победы России над наполеоновской Францией и освободительного похода русской армии в Европу в 1813 году. По справедливому замечанию одного из словацких историков и публицистов, «общеизвестно, что русофильство красной нитью проходит через всю нашу историю».[1]

Русско-польское противоборство и национальный антагонизм болезненно воспринимались в словацком обществе, которое в первой половине и середине XIX в. находилось под колоссальным влиянием идеи славянской взаимности словацкого будителя Я. Коллара, рассматривавшего всех славян как один народ, состоящий из четырех основных племен, включая чехословаков, поляков, русских и югославян.

Уже польское восстание 1830-1831 гг. вызвало серьезное размежевание среди словацкой общественности, более либеральная часть которой сочувствовала полякам, а более консервативная поддержала Россию. Определение позиции в русско-польском противостоянии было в известной степени вопросом политических предпочтений. Как справедливо заметил чешский историк В. Жачек, «популярный взгляд состоял в том, что поляки – борцы за свободу и прогресс, поэтому симпатии к ним выражают согласие с либерально-демократическими принципами. С Россией дело обстояло прямо противоположным образом. Тот, кто защищал деспотическую Россию, считался приверженцем реакции…»[2]. В любом случае польское восстание 1830 г. и его подавление русской армией в значительной степени «скомпрометировали идею славянской взаимности»[3].

Впрочем, крупнейший словацкий национальный деятель и мыслитель XIX века Л. Штур в своей книге «Славянство и мир будущего», написанной в 1851 г. с учетом опыта европейских событий 1830-1840 гг. и особенно революции 1848-1849 гг., весь-

1 Jirásek, J. Slováci a Rusko // Prúdy. 1923. Ročník VII. Číslo 7. S. 325.
2 Žaček, V. Ohlas polského povstání v Čechách. V Praze, 1935. S. 30.
3 Dejiny Slovenska. D. Čaplovič, V. Čičaj, D. Kovač, L. Liptak, J. Lukačka. Brati lava: AEP, 2000. S. 185.

ма критически оценивал польскую государственность, польское национальное движение в целом и польские восстания первой половины XIX века в частности. По словам Штура, вся Польша «служила только дворянству, его прихотям и удовольствиям. Без страха перед верховной властью…оно обратило народ в самое постыдное рабство… Дворянство разучилось военному делу и легко было подкупаемо вследствие своей страсти к наслаждениям, а народ страдал в глубоком рабстве. Кто же виноват в несчастии Польши? Сами поляки, - утверждал Л. Штур. – Народ, так жалко заправлявший своим государством, решительно не может иметь призвания на создание новых государственных форм или на руководство другими народами…».[4] По мнению словацкого мыслителя, «Польша погибла прежде всего из-за своего знаменитого «nie pozwalam», из-за своего, обратившегося в пословицу, польского правления, и образ этой свободы, от которой нас избави, Боже! - все еще носится перед большинством этих блудных славянских сынов…».[5] Комментируя стремление поляков возродить свое государство вооруженным путем, Штур отмечал, что «часто повторявшиеся после разделов Польши попытки к ее восстановлению ни к чему не приводили… благодаря недостатку единодушия у поляков, и некоторые из этих попыток страдали уж слишком большою нелепостью. …Поляки дерутся на всех европейских баррикадах, но это не приносит им ни пользы, ни чести. Не знают будто поляки, что от посторонних нельзя получить жизни и свободы. Со всеми почти они вступали в союзы и только к своим ближним, к своим братьям, становились они спиною…».[6] Данные критические мысли Л. Штура оказали мощное влияние на отношение словацкой общественности к очередному польскому восстанию, вспыхнувшему в январе 1863 г.

* * *

Польское восстание 1863 г. началось во время резкой активизации словацкой общественно-политической жизни в Венгрии. Конец эпохи «баховского абсолютизма», издание императором Австрии Францем Иосифом Октябрьского диплома в 1860 г. и Февральского патента в 1861 г. означали серьезные уступки Вены венгерскому национальному движению, являясь первым шагом к установлению австро-венгерского дуализма в 1867 г. В результате данных уступок был воссоздан венгерский сейм; былой централизм стал фактически заменяться дуализмом, в рамках которого венгерская аристократия получила контроль над Венгрией и приступила к проведению политики мадьяризации невенгерских народов исторической Венгрии.

В условиях усиления мадьяризации и подготовки к выборам в сейм Венгрии произошла активизация словацкого национального движения. Еще до издания Февральского патента Й.М. Гурбан направил в министерство иностранных дел Австрии меморандум со словацкими требованиями, которые предусматривали соблюдение языковых и образовательных прав словаков, а также признание государственно-правового статуса Словакии и ее прав в рамках империи. Данные требования получили свое продолжение в брошюре Ш.М. Дакснера «Голос из Словакии», в которой отвергалась навязываемая венгерскими политиками теория существования «единого венгерского политического народа» и формулировалось требование признать словаков как особый политический народ.[7] В результате возросшей общественно-политической активности словаков в марте 1861 г. в Будапеште стала издаваться словацкая политическая газета «Пештбудинские ведомости» («Peštbudínské Vedomosti») Газета, главным редактором которой был известный словацкий общественный деятель Я. Францисци, стала основным инструментом выражения взглядов словацкой политической элиты того времени.

Именно «Пештбудинские ведомости» уделили наибольшее внимание и русско-польским отношениям в целом, и восстанию 1863 г. в частности. Интерес к проблемам межславянских отношений подогревался и тем обстоятельством, что в течение 1863 г. в словацких землях широко отмечалось тысячелетие прихода славянских просветителей Кирилла и Мефодия в Великоморавскую державу. В рамках этих торжеств состоялось и общее учредительное собрание Матицы Словацкой в Мартине 4 августа 1863 г., что положило начало существованию этой организации, сыгравшей огромную роль развитии словацкой литературы, языка и культуры в целом.[8]

4 Штур, Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. Перевод неизданной немецкой рукописи с примечаниями Владимира Ламанского. М.: В Университетской типографии, 1867. С. 162.

5 Там же. С. 13.

6 Там же. С. 163-164.

7 Dejiny Slovenska. D. Čaplovič, V. Čičaj, D. Kovač, L. Liptak, J. Lukačka. Bratis ava: AEP, 2000. S. 195.

8 Ibidem. S. 197.

* * *

С самого начала польского восстания в январе 1863 г. симпатии европейской общественности и прессы были полностью на стороне восставших поляков, которые изображались исключительно в позитивном свете как благородные борцы за свободу и независимость против деспотической России. Подобный подход был в целом характерен и для подавляющего большинства чешской прессы, хотя отношение к польскому восстанию в широких кругах чешского общества было неоднозначным и наряду со сторонниками восстания было немало тех, кто относился к нему с разной степенью критичности.

На данном фоне резко выделялись словацкие «Пештбудинские ведомости», занявшие по отношению к польскому восстанию весьма критическую позицию. Русско-польский исторический спор, резко обострившийся с либеральными преобразованиями Александра II в начале 1860-х годов, в целом рассматривался «Пештбудинскими ведомостями» как достойная всякого сожаления братоубийственная вражда, ведущая к пролитию славянской крови.[9] Вместе с тем, по мнению газеты, русско-польский конфликт побуждает славянские народы к размышлениям о сути славянства, о взаимоотношениях славянских народов и культур, а также о том, кто прав в русско-польском споре. Отвечая на этот вопрос, редакция «Пештбудинских ведомостей», в отличие от западноевропейской и большей части чешской прессы, полностью становится на сторону России, обосновывая это аргументами, которые практически не появлялись на страницах европейских газет. Негативное отношение «Пештбудинских ведомостей» к польской государственности и польскому восстанию прямо перекликалось с мыслями Л. Штура, критиковавшего польское национальное движение в своей работе «Славянство и мир будущего».

Критику польского восстания 1863 г. «Пештбудинские ведомости» увязывали со своей критикой социального и общественного устройства Польши и польской шляхты как сословия. «Наш взгляд состоит в том, что Польша в действительности не воюет за то, что начертано на ее знамени: «За нашу и вашу свободу!», - писали «Пештбудинские ведомости» 12 июня 1863 г. – Средневековая религиозная борьба ведется не против русского правительства, но против русского народа…».[10] Поясняя свою позицию, «Пештбудинские ведомости» подчеркивали, что «та самая шляхта, которая сейчас провозглашает свободу, в других местах объявляла войну свободным славянским народам… или же стремилась укрыться под защитой чужеземцев, будучи чуждой своему народу…».[11]

Предметом особого раздражения и критики «Пештбудинских ведомостей» являлся лозунг восставших – «за нашу и вашу свободу», который газета считала примером фальши и демагогии. «Наше мнение заключается в том, - писали «Пештбудинские ведомости», - что восстание не является битвой «за нашу и вашу свободу», а борьбой польской шляхты за свои неограниченные права. Желание возродить польское государство означает в настоящее время господство поляков над литовским и малорусским народом. Если поляки стремятся к свободе, то в первую очередь им следует отказаться от прав на литванов и малорусов, которые чужды полякам».[12] Указывая на изрядные территориальные аппетиты лидеров восстания, претендовавших на восстановление границ Речи Посполитой 1772 г., включавшей обширные этнически непольские территории Украины, Белоруссии и Литвы, «Пештбудинские ведомости» поднимали вопрос принципиального характера, который, тем не менее, игнорировался пропольской европейской публицистикой.

Столь критическое отношение к польской государственности и польскому восстанию вытекало из общего отношения редакции «Пештбудинских ведомостей» к славянству и России, которое имело много общего со взглядами русских славянофилов. «Мы считаем и поляков, и русских своими братьями, однако при этом нам далеко не все равно, кто одержит победу, поскольку Россия сейчас является единственным представителем славянства. В этой роли поляки никогда не выступали и ничего в интересах славянства не сделали…, - утверждали «Пештбудинские ведомости». – Если Польша хочет найти свое спасение в славянстве, то ей лучше всего принять новую русскую политику. Они же, наоборот, стремятся всячески задержать прогресс России».[13]

9 Peštbudínske Vedomosti. Ročn k 1861. Číslo 9.
10 Peštbudínske Vedomosti. Ročník 18 3. Číslo 47.
11 Ibidem.
12 Ibidem.
13 Ibidem.

Говоря о необходимости «принять новую русскую политику», словацкая газета имела в виду, судя по всему, попытки официального Петербурга успокоить польское общество путем некоторых уступок в виде частичного восстановления автономии, что нашло свое выражение в деятельности Велепольского, которая, впрочем, не имела успеха.

Мысли, высказанные на страницах «Пештбудинских ведомостей», впоследствии подверглись переоценке и критически воспринимались более поздним поколением словацких либеральных интеллектуалов, считавших позицию данной газеты в отношении к польскому восстанию чрезмерно консервативной и не вполне точной и соответствующей реалиям. Так, Й. Йирасек писал в 1923 г., что тезис о польском восстании 1863 г. как об исключительно шляхетской борьбе за сохранение своих привилегий «совершенно не соответствует действительности. Все наоборот. Тот, кто анализирует зарубежную деятельность польской эмиграции в течении 15 лет до восстания 1863 г., видит, что их лозунгом было «все для народа и для славянской демократической свободы». Полное освобождение крестьян без какого-либо выкупа и ликвидация шляхетских привилегий были условием и побудительным мотивом польского восстания…».[14] Подчеркивая, что польская шляхта в ходе восстания 1863 г. была готова принести гораздо большие жертвы на благо своей родины, нежели русское дворянство, Йирасек заключал, что «Пештбудинские ведомости» в своей оценке польского восстания оказались «в плену идеологии Каткова».[15] Впрочем, указывая на благородный характер лозунгов польских повстанцев, Йирасек предпочел умолчать о том, насколько последовательно эти красивые лозунги об освобождении крестьян шляхта проводила в жизнь. В целом характер оценок польского восстания «Пештбудинскими ведомостями» был очень близок взглядам известного русского историка-слависта славянофила А.Ф. Гильфердинга, об отношении которого к польскому вопросу словацкая газета подробно информировала своих читателей.[16]

Весьма активно и эмоционально «Пештбудинские ведомости» реагировали на освещение польского восстания 1863 г. в чешской прессе, которая отдавала явное предпочтение польским повстанцам, критикуя Россию за многочисленные насилия в отношении восставших и за нежелание пойти навстречу полякам. Так, 12 июня 1863 г. «Пештбудинские ведомости» опубликовали на своих страницах пространное письмо одного из своих читателей, в котором в эмоциональной форме выражалось негодование по поводу пропольской направленности публикаций ведущих чешских газет и антирусской истерии, охватившей часть чешской прессы. «Борьба против петербургского двора зашла уже так далеко, что на месте русского народа перед глазами публики на карте Европы возникает империя каких-то азиатских дикарей. Славные мужи и будители чешского народа Коллар, Ганк, Гавличек, Шафарик позабыты, - констатировали «Пештбудинские ведомости». – Журналы состязаются с немцами в ругани в адрес русских, тщательно выискивая, вынюхивая и придумывая что-нибудь во вред России. Даже православная вера, даже славянская церковная служба, даже кириллическая письменность не могут избежать их ехидных насмешек».[17] При этом, выступая в защиту России, «Пештбудинские ведомости» высказывали неприемлемый для поляков и пропольской журналистики аргумент о том, что «Россия никогда не выступала против других славян; наоборот, русский всегда был братом остальным славянам. Нам известно, что у русских нравы, речь, письменность сохранились лучше, чем на Западе, где они были нарушены западной культурой».[18]

Данная полемическая статья с критикой пропольской позиции чешской прессы, опубликованная «Пештбудинскими ведомостями», была использована прорусски настроенной частью чешской общественности в ее журналистской борьбе с оппонентами. Так, известный чешский литератор Ф.Й. Йезбера в своей полемической брошюре с критикой позиции ведущих чешских газет в польском вопросе, изданной в 1863 г. в Праге, привел обширный отрывок из данной публикации «Пештбудинских ведомостей». Отвечая на упрек пражской газеты «Народни листы», критиковавшей словацкую прессу за то, что она пишет «полностью в интересах русского правительства»,

14 Jirásek, J. Slováci a Rusko // Prúdy. 1923. Ročník VII. Číslo 8. S. 397.
15 Ibidem. S. 398.
16 Peštbudínske Vedomosti. Ročník 18 3. Číslo 52; Peštbudínske Vedomos . Ročník 1863. Číslo 67.
17 Peštbudínske Vedomosti. Ročník 18 3. Číslo 47.
18 Ibidem.

Йезбера указывал, что «чешские политические газеты пишут в интересах подпольного польского правительства».[19]

* * *

Традиции весьма критического отношения к польскому национальному движению, заложенные Штуром и «Пештбудинскими ведомостями», были продолжены и впоследствии, повлияв на восприятие польско-русских отношений словацкой общественностью. Так, обсуждая польский вопрос в 1877 г., словацкие «Народне новины» констатировали, что вопрос возрождения польского государства имеет лишь местное значение и только «фантазия раздула его до мирового значения».[20] Более того, в 1906 г. в разгар русской революции «Народне новины» выступили даже против предоставления полякам автономии в России, объясняя это тем, что «поляки сохранили в России свой язык, веру и культурные особенности… Россия не может дать автономию, так как эта автономия угрожала бы самой польской народности. Будущее польского народа связано с судьбой русского народа!».[21]

19 Jezbera, F.J. Rusové, Srbové, Poláci a Čechové s ostatními Slovany. S povyjasněním nevzájemného a nepravého vzhledu některých listův českých na polsko-ruskou záležitost. V Praze: nákladem spisovatelovým, 1863. S. VIII-IX.
20 Jirásek, J. Slováci a Rusko // Prúdy. 1923. Ročník VII. Číslo 8. S. 399.
21 Ibidem. S. 400.

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ И РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛОЗУНГИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 Г. В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

SOCIAL FORCES, RELIGIOUS AND POLITICAL SLOGANS OF POLISH UPRISING IN 1863 IN NORTHERN-WESTERN REGION OF RUSSIAN EMPIRE

УДК – 94(476)

Александр Юрьевич Бендин
доктор исторических наук, профессор кафедры богословия Института теологии Белорусского государственного университета

PROF., PH.D. Alexandr Bendin, Ins tute of teology, Belarusian State University (Belarus)

РЕЗЮМЕ. В статье рассматриваются вопросы о социальном составе участников восстания 1863 г. в Северо-Западном крае, его идеологической и религиозной составляющей. Особое внимание уделяется анализу религиозных лозунгов восстания и действий римско-католического духовенства, направленных на мобилизацию повстанцев и легитимацию подпольного польского «правительства».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА восстание 1863 г., Северо-Западный край, колониальная элита, польское дворянство, шляхта, римско-католическое духовенство, православное крестьянство, уния.

RESUME. The articl explores the social nature of the particip nts of the uprising in 1863 in Northern-Western region of the Russian empire, as well as ideological and religious aspects of this uprising. Major focus is placed on the analysis of religious slogans of the uprising and ac ons of the Roman Catholic clergy, aimed at legitimizing the underground Polish government.

KEY WORDS Uprising in 1863, Northern-Western region, colonial elite, Polish gentry, Roman Catholic clergy, Orthodox peasantry, Greek-Catholic Church

1. Идейная составляющая восстания и социальный состав его участников.

В январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, которое начало распространяться на территорию Северо-Западного края, затронув, прежде всего, Гродненскую и Ковенскую губернии.[1] Восстание 1863 г. вывело решение проблем колониального господства польской элиты из области оппозиционного сословно-этнического ирредентизма на уровень вооруженного противоборства с правительством.[2]

В Северо-Западном крае начавшимся восстанием руководил Подпольный Литовский провинциальный комитет, преобразованный затем в Отдел, управляющий провинциями Литвы.[3] Литовские «чиновники и агенты» подпольного польского правительства, следуя указаниям из Варшавы, выдвигали лозунги социально популистского и русофобского характера, для того, чтобы сословное дворянское восстание превратить в массовое, «национальное». Для этого литовские «агенты» из лагеря «белых» и «красных», ставили своей целью привлечение русских крестьян Северо-Западного края к вооруженной борьбе против «москалей», внушая крестьянам, что «эта земля польская, а не русская».[4] От жителей края под угрозой предания военно-

1. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. М., 1865. – С.XIII.

2. Тематика колониальных отношений, которые установились между польско-католической элитой (дворянство и римско-католическое духовенство) и русским крестьянством Северо-Западного края разрабатывалась в следующих публикациях:Бендин А. Ю. Граф М. Н. Муравьев-Виленский и национальное пробуждение белорусского народа // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. Минск, 2006. – С. 53-77.Бендин А. Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX - начала XX в. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. – Минск, 2006. – С. 8-35. Понятие ирредентизм употребляется для обозначения движения дворянско-католического, польского меньшинства за присоединение Западного края (Литвы, Белоруссии и трех Юго-Западных губерний) к Царству Польскому, которое происходило в 1861-1862 гг. с помощью манифестаций и подачи дворянских адресов на имя императора.

3. Восстание в Литве и Белоруссии. – С. 12.

4. Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http:/ zapadrus.su/bibli/is bid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html

му суду требовалось не подчиняться российским законам и признать власть подпольного польского «правительства».[5]

Прокламации этого «правительства» обещали крестьянам свободу, как «потомственной шляхте», и бесплатные земельные наделы, требуя взамен «защищать, польский край, гражданами которого они с сего дня являются». [6]

Вот, например, с какими соблазнительными призывами от имени польского национального «правительства» обращался к «братьям белорусам» подпольный «Отдел, управляющий провинциями Литвы» 3 мая 1863 г.: «Польша восстала за вашу и свою свободу. Война с москалями ширится. Повсюду льется кровь. Бог благословит нас. Скоро будем свободны. Польское правительство сим объявляет всем повсеместно, что со дня провозглашения настоящего манифеста все равны, все сыны одной нашей польской Родины, что всем крестьянам навеки отдается земля, которой они до сих пор владели, без какой-либо барщины, чинша или отработки. А батракам, бобылям и кутникам, которые пойдут против москалей, даруется 5 моргов земли из казенных имений. Всем, кто пойдет в польские войска, навеки дается дворянство. … Братья белорусы, настало доброе время. Пробудитесь и вы, и, призвав Бога в помощь, защищайте свободу, землю и веру вашу и Бог вам поможет». [7]

Содержание приведенного манифеста свидетельствуют о том, что патриотическая риторика и социальный популизм с его подкупающими обещаниями немедленного дарования свободы, равенства, дворянства и бесплатных земельных наделов, были использованы пропагандой с целью рекрутирования белорусских крестьян на борьбу для достижения польских политических целей. [8]

Особое усердие в деле польской пропаганды проявил Викентий Калиновский, который в своих листовках, именуемых «Мужыцкая праўда», прибегал к явной лжи и примитивным демагогическим приемам, чтобы с их помощью спровоцировать крестьян на вооруженное выступление против российского правительства. В одной из листовок, он уверял крестьян, что «Когда француз под Севастополем совсем разбил москаля, то для того, чтобы москаль не имел силы и денег, приказал народу дать вольность, не брать рекрутов и больших налогов. Москаль согласился на это, так как думал, что народ глупый и захотел его обмануть».

Отсюда делался вывод, что если «хитрый москаль» ничего мужикам дать не хочет, то «вольность», «землю» и «веру наших отцов», то есть унию, даст им «польское правительство». Тем более, что «француз, англичанин и целый свет идет нам на помощь», и что уже народ, со всей широкой земли нашей, «кто с ружьем, кто с косой идет на извечного нашего неприятеля, москаля поганого». И оказывается, что, «москаль», в данном случае, русские войска, «от наших кос как от огня убегает». Калиновский уверял белорусских крестьян, что они «поляки от веков вечных», и что только «польское правительство» принесет им «истинную вольность». Поэтому крестьяне должны были немедленно взяться за «косу», чтобы «расстаться навеки с москалем поганым». [9]

Если отбросить в сторону мужикофильскую, псевдонародную риторику, придется признать, что Калиновский и его соратники выступали в роли революционных провокаторов. С помощью соблазнительных пропагандистских приманок они пытались заманить белорусских крестьян в самоубийственную ловушку польского восстания. Сегодня уже не приходится принимать всерьез идеологически лукавый «революционно-демократический» ярлык этой «газеты», бережно сохраненный белорусскими историками от ушедшей в прошлое советской историографии. Поэтому, на основе анализа содержания этой «газеты» придется сделать следующий нелицеприятный вывод.

5. ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 10-12.

6. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – М., 1965. – С. 3-4; ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 44.

7. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 20. Как отмечал И.А. Никотин: «Сами помещики говорили, что с освобождением крестьян они были совершенно обеспечены, да мятеж помешал; поэтому коноводы мятежа оказали плохую услугу своим собратьям. Обещая крестьянам даровые наделы за участие в мятеже, они ничем не рисковали; в случае успеха «польской справы» можно было дать и по носу крестьянину. К счастью нашему, здравый смысл простолюдина не поддался обману и крестьяне, за весьма ничтожными исключениями, единодушно стали на сторону правительства и охотно поддержали его мероприятия по усмирению крамолы». См: Из записок И.А. Никотина // Русская старина. –1902. – № 11. – С. 324.

8. Северная почта. – 3 марта. – 1863 г. РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 171. – Л.4.

9 . ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 165, 123.

Это был откровенно лживый агитационный листок, издаваемый польскими революционерами-сепаратистами для того, чтобы с помощью демагогических социальных обещаний соблазнить белорусских крестьян на коллективное самоубийство во имя польских национальных интересов. Во всяком случае, обещанные бесплатные наделы земли от польского «правительства» в тех условиях они могли получить разве что посмертно. Трудно было рассчитывать на иное вознаграждение за участие в сражениях с регулярными русскими войсками, а уж тем более на победу подпольного польского «правительства».

Некоторые крестьяне, введенные в заблуждение демагогическими обещаниями подпольных пропагандистов, становились «косиньерами», так романтически именовали вооруженных косами повстанцев подпольная польская пресса и западные либеральные издания. В действительности же, это были практически безоружные люди, обреченные на убой в столкновениях с регулярными и хорошо обученными русскими войсками.

Помимо своих непосредственных целей, эти провокационные, пропагандистские приемы способствовали возникновению социального хаоса, анархии, росту нелегитимного насилия и, в конечном счете, способствовали разжиганию среди населения Северо-Западного края гражданской войны между сторонниками России и Польши.

«Красные» и «белые» руководители восстания рассчитывали добиться успеха с помощью иностранной военной интервенции в Россию западноевропейских государств и, прежде всего, Англии и Франции. Польские эмиссары уверяли своих западных союзников, что возрожденная Польша станет «играть роль стража Европы от нашествия *москвитян*, которое день ото дня становится очевиднее».

Пугая европейцев «московским вторжением в Европу», эмиссары уверяли их, что «как национальная, так и географическая границы со стороны России составляют Днепр и Двина; что тут кончается европейский мир и начинается азиатский, монгольский; что между этими мирами нет никакого возможного союза, никаких отношений, никакой политики, никакого сближения, ни в нравах, ни в семейных связях, как между англо-саксонцами и краснокожими; что москвитяне (как теперь стараются называть русских) должны, во что бы то ни стало, быть отброшены в свои степи; что под этим только условием Европа будет спокойна от нашествия татарского варварства». [10]

В развернувшейся вооруженной борьбе восставшие поляки демонстрировали свое «европейское», культурное превосходство перед отсталыми русскими «варварами». Польский Центральный комитет в «Манифесте 22 января 1863 г.» демагогически призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии». [11]

Внутри империи ставка делалась на приверженцев Римско-католической церкви - помещиков, шляхту, чиновников и разночинцев. Предусматривалось также разжигание крестьянских мятежей в Царстве Польском, Западном крае, включая и центральную Россию. Таким образом, обретение государственной независимости второй Речи Посполитой должно было осуществиться в результате разрушения Российского государства. [12]

10 . Прудон О. О польском вопросе // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. – С. 85.

11. Манифест Центрального комитета от 22 января 1863 года. ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 43; Побывавший в Вильне журналист газетыMorning-Herald, в статье, напечатанной 12 августа 1863 г., метко охарактеризовал восстание в Северо-Западном крае как «олигархическую революцию». «Мы видим, – писал он – что эта революция прибирает к рукам своим все атрибуты права и обязанности устроенного правительства, издает декреты, взимает подати, учреждает налоги и карает своих врагов. Мы видим ее с ножом в руках, но мы не в силах разорвать покров, прикрывающий ее лицо. Каждый ее шаг отмечается кровавым следом. Каждая прокламация этого мнимого правительства отличается ложью и основывается на лжи. Несмотря на то, в виду таких преступных сатурналий, нас уверяют, что мы свидетели святой борьбы, борьбы честного края, стремящегося оживить свою онемелую национальность, что мы видим перед собой серьезную попытку народа восстановить с оружием в руках свою политическую и религиозную свободу». См: Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. – С. 254.

12. О попытках польской пропаганды спровоцировать крестьянские бунты в Великороссии сообщала в это время российская пресса: «В некоторых губерниях, большей частью вдоль Волги и ее притоков, захвачены эмиссары, развозившие и разбрасывавшие по селениям экземпляры фальшивого манифеста, будто бы изданного Государем императором в Москве 31 марта, и будто бы напечатанного в Санкт-Петербурге при Правительствующем Сенате....

Политические цели восстания свидетельствовали о радикальной трансформации, которую претерпел польский ирредентизм 1861-1862 гг. Это движение не только кардинально изменило методы и масштабы борьбы с правительством, но и выдвинуло качественно новые политические и социальные лозунги. Теперь общей целью повстанцев стало отторжение Литвы, Белоруссии и Малороссии от Российской империи и включение этих земель в состав независимого Польского государства. [13]

Российская политическая и интеллектуальная элита в лице лучших ее представителей глубоко осознавала степень угрозы, внутренней и внешней, которую представляло для России польское восстание, поддерживаемое западными державами и Папой Римским. Например, М.Н. Муравьев так определял цели восставших поляков: «Увлекаясь … чувством непримиримой вражды к нам, и общим желанием своим и всех ненавистников наших в Западной Европе, они беспрерывными крамолами своими, допущенными слабыми и ошибочными действиями начальства, постоянно стремились отторгнуть Западный край от России и, отодвинув нас к пределам Азии, обратить, как они презрительно выражаются, в прежнюю Московию; ибо они хорошо знают, что с лишением западных губерний, мы должны будем потерять и значение наше в Европе».[14]

Главной социальной силой восстания было российское дворянство «польского происхождения». Об этом свидетельствуют данные, которые приводит советский историк В. М. Зайцев, использовавший в своей работе такой базовый показатель, как количество репрессированных, характерное для каждого из сословий Северо-Западного края.

По подсчетам этого исследователя: «На долю дворянского сословия, составлявшего 5, 99 % населения Литвы и Белоруссии, приходится свыше 62 % всех репрессированных или один репрессированный на 43 человека…. Представители численно преобладающего крестьянского сословия составляют 22, 36 % всех репрессированных, а мещанского, второго по численности среди населения – 5, 72 %. У крестьян один репрессированный приходится на 1051, а у мещан – на 758 человек мужского пола». [15]

Данные исследования подтверждаются свидетельствами представителей российской администрации, которые непосредственно занимались вопросами подавления польского восстания и реформирования края.[16] Вот, например, как писал о роли «панов и шляхты» в восстании 1863 г. генерал-майор А.Л. Потапов в мае 1865 г.: «Участие их в последнем мятеже фактически доказанное, единодушно и громадно.

За весьма немногими исключениями, они все помогали крамольному делу, подразделяясь, согласно образу мыслей и роду деятельности, на красных, белых, крайних, средних, аристократов и демократов, но, в сущности, вред их был одинаково силен, ибо успех красных обусловливался материальными средствами белых, к числу коих принадлежали крупные собственники, равно и сии последние без необузданных стремлений красных не решались выступить на арену крамольной деятельности». [17]

Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев в своем обращении ко всем сословиям Северо-Западного края прямо указывал на политическую враждебность, которую испытывало к российскому государству «дворянство здешнего края, называющее себя польским».

От имени российского государства Муравьев объявлял всем сословиям края о целях, которые преследовало это дворянство в восстании 1863 г.: «Дворяне и помещики, ослепленные безрассудными мечтаниями о господстве над народом, который

В нем объявляется о бесплатной раздаче земель, об уничтожении всех податей, об упразднении всей армии и об отмене всех существующих гражданских властей». См: Виленский вестник. – 1863. – 23 мая; Тогда же весной 1863 г. в Поволжье была предпринята попытка военно-крестьянского восстания в поддержку польского мятежа. Организаторы Казанского восстания: Комитет русских офицеров в Польше, московское отделение «Земли и воли», литовский провинциальный комитет. Заговор был раскрыт. К следствию привлечено 40 человек: пятеро казнены, остальные сосланы в Сибирь. См: «Готов собою жертвовать…». М., 2008. – С. 397.

13. РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 23.

14. РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 171. – Л. 14

15. Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. – С. 16.

16 . РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2-4; ЛГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; ЛГИА. (Политическое отделение). – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 2102. – Л. 1-2.

17. РГИА. – Ф.1282. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 42-43.

едва только успел, волей всемилостивейшего государя нашего, освободится из-под тяжелого их гнета, тайно и явно раздувают пламя волнений и принимают в них деятельное участие, которое в этом сословии сделалось до такой степени всеобщим, что предводители дворянства, спрошенные по моему приказанию, не решились указать лиц, на политическую благонадежность которых можно бы положиться». [18]

Деятельное участие в восстании приняло и служилое дворянство, занимавшее различные должности в администрации Северо-Западного края. Формально, эти люди, присягнувшие на верность императору, служили Российскому государству и получали жалованье из казны. На деле, эта влиятельная группа дворянства была далека от политической лояльности монарху, на службе которого она состояла.

Виленский губернатор С.Ф. Панютин в отчете императору за 1863 г. вынужден был отметить, что: «Почти невозможно указать ни одного присутственного места как в самом городе Вильне, так равно и в уездах, откуда бы чиновники, в большем или меньшем количестве, не уходили бы в отряды формирующихся мятежных шаек. Те же, которые остались на местах, участвовали в различных уличных демонстрациях, собирали и распространяли всякого рода возмутительные сочинения и публично издевались над всем православным и русским. Составляя в городах довольно многочисленный, и по своему положению вследствие занимаемых ими должностей и вследствие большего или меньшего образования, самый влиятельный класс людей, чиновники польского происхождения, напитанные ненавистью ко всему русскому, были в числе главных двигателей мятежа». [19]

Что же касается сословия крестьян, то их роль в восстании, по подсчетам В.М. Зайцева, была незначительной. Из лиц этого сословия, принявших участие в восстании, бывшие помещичьи крестьяне составляли абсолютное меньшинство. По словам генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского: «Крестьяне до такой степени ненавидели помещиков, что готовы были скорее передушить их, чем идти вместе с ними. Из крестьян не помещичьих пошли в мятеж преимущественно вольные, безземельные люди, батраки, работники, кутники, но весьма мало хозяев». [20]

Мнение генерала Крыжановского было подтверждено историком А.И. Миловидовым, который писал, что: «в период наиболее сильной польской агитации и вербовки повстанцев (январь и февраль 1863 г.) в банды шли преимущественно безземельные крестьяне и при том из Ковенской губернии». [21]

Ведущая роль, которую играло в восстании «первое сословие» империи, казалось, должна была служить для низших сословий социальной легитимацией происходивших вооруженных выступлений против власти российского монарха. Следовательно, пример дворянства должен был способствовать вовлечению в восстание бывших крепостных крестьян. Однако для Северо-Западного края с характерными для него отношениями колониального господства, социальный авторитет «первого сословия» мог быть значим только для единоверной ему части католического крестьянства. И то, как выяснилось, безземельного, воспринявшего всерьез популистские обещания «красных» агитаторов.

Здесь следует обратить внимание на одну характерную деталь.Согласно традиции, которая под воздействием марксистско-ленинской идеологии сложилась в советской историографии, главное внимание исследователей восстания 1863 г. было обращено на выявление социального состава его участников. Особенно важным представлялось доказательство широкого участия в восстании крестьян, однодворцев, безземельной шляхты, а среди дворян – преобладание бедного и деклассированного дворянства. [22]

Такой репрезентативный социологический материал активно использовался для доказательства ленинских положений о «революционной ситуации» 1861-1862 гг., и о «революционно-демократическом» характере и целях восстания, особенно на его завершающем этапе. Не забывалась при этом и борьба «за равенство и свободу народов будущей Польши», которую вели восставшие «революционные демократы».

18. Виленский вестник. – 1863 г. – 27 июня.

19. РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 54-55.

20. ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 3 об.

21. Миловидов А.И. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1911. – С. 32.

22. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. М., 1965. – С. VII-X, Байкова С.М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии. // Историко-социологические исследования. М., 1970. –С. 230-240.

О ведущей роль в восстании «деклассированного дворянства» писала советский историк С.М. Самбук (Байкова): «Учащаяся молодежь, мелкое чиновничество, офицеры вели пропаганду среди крестьян, шли в повстанческие отряды. Они составили более 21 % всех участников восстания. Деклассированное дворянство, добывавшее средства к жизни трудом, являлось основной движущей силой восстания. На его долю приходилось более 70% всех участников повстанческого движения и революционных организаций Белоруссии».[23] Отсюда проистекала и неизбежная в таком случае марксистская критика непоследовательного и соглашательского поведения «белых», то есть, дворян-помещиков, и апология вооруженной борьбы, которую вели «красные», или, «деклассированное дворянство».

Однако не следует забывать, что и «белых», и «красных» лидеров восстания, несмотря на их расхождения в тактике и социальных программах, объединяла общая цель – установление власти польского государства на территории Северо-Западного края и объединение его с освобожденной Польшей. Следовательно, речь шла о восстановлении политического господства польского меньшинства над русским большинством, какие бы методы и риторика, – патриотическая, демократическая или популистская при этом не использовались.

Следует особо отметить, что практически все участники восстания, и богатые, и бедные, были католиками по вероисповеданию. За популистскими лозунгами «деклассированного дворянства» пошли не столько «социально близкие» ему представители низших сословий, сколько «религиозно близкие» единоверцы-католики. Православное крестьянство, численно доминировавшее в крае, принять участие в иноверной «польской справе» не захотело. И для этого были серьезные основания, правовые и религиозные. В тех условиях поверить заманчивым посулам «красных» агитаторов о бесплатной земле и присоединиться к восстанию означало на деле изменить законному, единоверному царю и подчиниться католическому польскому «правительству».

М.Н. Муравьев, и А.Л. Потапов, располагавшие необходимой информацией и бывшие непосредственными участниками событий, были объективно правы, называя главным виновником восстания все польское дворянство и особенно его самую экономически влиятельную часть - помещиков. Они справедливо указывали, что без деятельного участия этого ведущего олигархического слоя дворянства, восстание в крае не приняло бы столь опасных для государства размеров. Выходит, что любимое советскими историками «деклассированное дворянство», «социально близкие» и единоверные ему шляхта, разночинцы и люмпенизированные крестьяне играли в этом восстании роль *колониальной пехоты*, которая боролась за политические интересы *всего* дворянского сословия «польского происхождения».

В начале 1863 г. польский ирредентизм, взяв на вооружение новые методы борьбы, принял форму вооруженного восстания, направленного на отторжение от России Литвы, Белоруссии и Малороссии. Указанный поворот событий коренным образом изменил политическую ситуацию в крае и отношение к действиям повстанцев со стороны правительства, российского общества и большинства местного населения. С позиции этих вовлеченных в события сил, восстание воспринималось как вооруженный мятеж польских сепаратистов, который угрожал не только границам Российского государства, но и свободе, безопасности и православной вере русского народа (белорусов и малороссов), проживающего на его западных окраинах.[24]

Если представители этнической Польши имели право заявлять о национально-освободительном характере вооруженной борьбы против российского господства, которую они вели на своей территории, то об аналогичных идейных основаниях в действиях повстанцев Северо-Западного края такого сказать было нельзя. В этом регионе восставшие дворяне «польского происхождения» борясь против властвовавшего над ними российского монарха, ставили своей целью отрыв от России ее

23. Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. – С. 20-21.

24. Об отношении российского правительства и общества к политическим целям восставших поляков проницательно точно высказался известный церковный историк И. К. Смолич: «Во время восстаний 1830–1831 и особенно 1863 г. поляки требовали восстановления «древней Польши», Речи Посполитой, другими словами, они настаивали на возвращении им непольских земель. Подобные планы могли вызвать у русского правительства только ожесточение и уж никак не понимание. Да и русское общество, которое приветствовало отнюдь не все меры по подавлению восстания, не могла принять польских требований. Эта позиция общества, исторически вполне понятная, служило мощной поддержкой правительственной политике как сразу после восстания, так и в последующие десятилетия». См: Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Книга восьмая. Часть вторая. – М., 1997. – С. 284–285.

западных окраин, население которых, за исключением Ковенской и части Виленской губернии, было по преимуществу русским и православным. [25]

Это население, как следует из дальнейшего повествования, во время трагических событий 1863 г. сохраняло верность императору Александру II и поддерживало правительство в борьбе за сохранение единства империи. Поэтому попытку дворянского меньшинства отделить непольские земли от России вопреки воле большинства российских подданных, на этих землях проживавших, вполне уместно определить, как сословно-этнический сепаратизм, принявший форму вооруженного мятежа против Российского государства. С этого времени феномен польского сепаратизма и исходящие от него политические угрозы для безопасности государства, стали решающим фактором, определявшим политику правительства в Северо-Западном крае Российской империи в 1863-1868 гг..[26] Основным объектом этой политики стали колониальные отношения, вступившие в стадию трансформации после крестьянской реформы 1861 г.

2. Религиозные лозунги восстания.

В польском ирредентизме, переросшем затем в вооруженное восстание, наряду с политическими мотивами и лозунгами, присутствовала и *религиозная составляющая*, выразит елями кот орой были радикально наст роенные ксендзы Царст ва Польского и Западного края. События восстания свидетельствовали о том, что политизированная часть католического духовенства, опираясь на авторитет священного сана, использовала религиозную пропаганду для призыва мирян к «священной войне» с Россией, которая была представлена как враг Польши - исторический, политический и религиозный.

Как отмечал исследователь восстания в Северо-Западном крае В. Ф. Ратч, «костел свою хоругвь обратил в знамя бунта», поэтому «мятеж пустил более прочные корни там, где гуще стояли костелы». Особенность сложившейся ситуации заключалась в том, что вооруженные выступления польских политических радикалов, именуемых «красными», поддержали христианские священнослужители, призванные своим священным саном к проповеди мира, любви, милосердия и законопослушности. Это произошло потому, что католическое вероучение было подвергнуто радикальной секулярной интерпретации, которая подчинила сакральные задачи церковного служения конкретным политическим целям достижения независимости Польши. В результате, идеология радикального польского национализма и участие в вооруженном мятеже получили религиозную санкцию политически ангажированного католического клира.

Возникший в рамках подпольной организации союз «красных», ксендзов и монашествующих был призван преодолеть сословно-этнический характер восстания и обеспечить вовлечение в него максимального количества католиков из разных сословий и этнических групп. Эффективность религиозной мобилизации католической паствы польским костелом показали антиправительственные демонстрации 1861 г. Следствием этого опыта стали церковные призывы к «священной войне» с «москалями», которые вновь были рассчитаны на достижение мобилизационного эффекта, прежде всего, среди низших сословий и фанатично настроенного литовского населения Ковенской губернии.[27]

Участие в борьбе за независимость Польши истолковывалось ксендзами как святое, жертвенное и богоугодное дело, необходимое для защиты католической веры и католических святынь от поругания их православными «схизматиками» и «москалями». [28]

25. Один из руководителей Отдела, управляющего делами Литвы, В.К. Калиновский в своих показаниях Виленской особой следственной комиссии, утверждал, что главной целью восстания в крае было разрешение «польского вопроса». См: Восстание в Литве и Белоруссии. – С.75.

26. Принявший в 1868 г. управление Северо-Западным краем генерал-губернатор А.Л. Потапов, начал постепенный отход от «системы» управления регионом, которая была установлена М.Н. Муравьевым.

27. ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 3-7,14, 30; Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 198.

28. Байкова С. М. О движущих силах восстания 1863 г. – С. 250; Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России – Т.1. – Вильна, 1867. – С. 129; Мосолов А. Н.Виленские очерки. – С. 107-108; Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже. – С. 123-124, 129, 212-213; Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях. / Сост. Н. И. Цылов. – Вильна, 1866. – С. II, 105; Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева. / Сост. А. В. Белецкий. – Т.1. – Вильна, 1906. – С. XLIII, LII-LV; Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. / Сост. А. И. Миловидов. – Ч. 1. – Вильна, 1913. – С. XXXIX-XL, XLVIII-XLIX.

«Громадное число лиц духовного звания фактически уличенных в сочувствии к мятежу, – отмечал генерал-майор А.Л. Потапов в записке 1865 г. – ясно указывает, что духовенству польская пропаганда, преимущественно, обязана успехом. Оно было нравственным двигателей дела; под его покровительством в монастырях, костелах и других тайниках крамола созревала. Располагая такими могущественными орудиями как исповедь и присяга, духовенство беспрепятственно действовало на все сословия, раздувало фанатизм политический посредством фанатизма религиозного». [29]

О религиозной составляющей польского восстания писали дореволюционные историки, публицисты и очевидцы событий. Они характеризовали это явление как «ксендзовско-шляхетский», или «национально-религиозный мятеж», основываясь на том, что в восстании 1863 г. действия отдельных групп католических священнослужителей и монашествующих перестали соответствовать задачам религиозного служения и приобрели противоправный политический характер. Часть католического клира использовали свою духовную власть для манипулирования религиозным сознанием паствы в секулярных и преступных, с точки зрения закона, сепаратистских целях.

В результате, возник феномен политизированного польского католичества, действия которого были направлены на мобилизацию рекрутов для повстанческих отрядов и обеспечение высокой религиозно-патриотической мотивации для вовлечения своих духовных чад в антиправительственную вооруженную борьбу. [30]

Религиозная составляющая восстания 1863 г. не ограничивалась идейно-политической активностью радикально настроенных польских ксендзов и монашествующих. К ней следует отнести и попытки антиправительственной пропаганды использовать в польском восстании два религиозных фактора – униатский и православный. Для выполнения этой задачи в качестве объекта для пропагандистских манипуляций было избрано местное православное духовенство и его паства. Как уже отмечалось выше, политическая пропаганда литовских «комиссаров» подпольного польского «правительства» содержала обещание восстановить Униатскую церковь, упраздненную на Полоцком соборе 1839 г.[31]

Вот как об этом писал агитационный листок «Мужыцкая праўда», подпольно издаваемый В. Калиновским: «Сказывают люди, что Святой Отец прямо из Рима прислал к нам свое благословение (но Москаль его задерживает), говорят, что пришлет и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в Бога, Сына Его и Святого Духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходит в истинную веру дедов и прадедов. Потому, кто не перейдет в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!». [32]

На этом основании литовские «красные» рассчитывали привлечь бывших униатов, прежде всего, крестьян, в качестве «пушечного мяса» восстания, обреченного на гибель в сражениях с регулярной армией. Помимо задач инструментального характера, призыв к восстановлению унии был направлен и на провоцирование религиозного раскола среди православного населения края. Тем самым польская пропаганда стремилась разжечь конфликт между воссоединенной и древлеправославной частью Русской Церкви в собственных политических интересах.

Подпольный жонд в своих воззваниях «именем Польши» обещал православному духовенству Северо-Западного края «полную свободу и равенство перед лицом закона», «покровительство» и сохранение за священниками их приходов. Например, в листовке, обращенной к воспитанникам Литовской духовной семинарии, содержался призыв взяться за оружие и выступить «на брань за отечество, за права человечества, попранные бесчестно тираном, за свободу вероисповеданий, за свободу

29. РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 37-38.

30. Мосолов А. Н.Виленские очерки. С. 145; Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже. – С. 214; Виленский вестник.–12 февраля.–1863 г.;Тесля А. А. «Польский вопрос» в передовицах М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» в 1863 г. // Ученые заметки ТОГУ. – 2011. – Т. 2. – № 2. – С. 92-93; Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. / Сост. С. Шолкович. – Вып. 1. –Вильна, 1885; Виленский сборник. / Сост. В. П. Кулин. – Т.1. – Вильна, 1869; Русин. Голос Русского. Ответ «ксендзу-русину» // Вестник Юго-Западной и Западной России. – Т. IV. – 1864. – С. 28-29.

31. Виленский вестник. –1863 г.– 8 июня; Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 26, 30.

32. Революционный подъем в Литве и Белоруссии. М., 1964. –С. 133. Эти листовки, написанные Викентием Калиновским и его соратниками на польской латинице нарочито примитивным, псевдонародным языком, белорусские историки-националисты гордо именуют «нелегальной, революционно-демократической, первой на белорусском языке газетой». Неприкрытая ирония этой ситуации заключается в том, что выступая под личиной «Яськи, хозяина из-под Вильно», Калиновский обращается в одной из этих листовок к белорусским крестьянам как «мужикам земли польской», причем, на том основании, «что живем на земле польской, что едим хлеб польский, мы поляки извечно». См: ЛГИА. –Ф. 439. –Оп. 1. –Д. 12. –Л. 114.

церкви вашей». В этих воззваниях отечеством православного духовенства и его паствы называлась Польша, а Северо-Западный край именовался «землей польской».

Тем же священникам, которые сохраняли верность российской монархии и считали своим Отечеством Россию, руководители восстания грозили суровым наказанием «по всей строгости закона». Законопослушных священников польские пропагандисты демагогически называли «слепыми орудиями царского деспотизма», «устрашенных гнетом московского насилия», которые «отреклись от отечества и подняли открытый бунт против него». [33]

Воссоединенным из унии православным священникам угрожали тем, что «святая Униатская церковь будет восстановлена в прежних своих правах». Тогда террор обрушится на тех священников, которые сохранят верность православию. «Вы согрешили, братья, – говорилось в прокламации – помните же, что вас ждет наказание. … ибо месть поляков за святую веру ужасна. … Помните, братья, что настала минута мести за ваши преступления, и казни за грехи ваши». [34]

Таким образом, политическая пропаганда повстанцев стремилась внести разобщение и вражду в среду православного духовенства и мирян, и с помощью методов «кнута и пряника», «разделяй и властвуй», заставить их изменить законной российской монархии и встать на сторону восставшей колониальной элиты.

Сущность идейно-политических манипуляций, к которым активно прибегала польская пропаганда, заключалась в том, чтобы убедить православное духовенство и западнорусских крестьян в правомерности убийства русских солдат во имя освобождения Польши. Иными словами, следовало использовать православное население в качестве средства для разрушения своего единоверного российского государства во имя восстановления государства иноверного и иноэтничного. Согласно этим замыслам, духовенство и крестьяне, принадлежавшие к «господствующей» Церкви, должны были восстать против своего священноначалия и православного царя Освободителя, чтобы получить землю и «свободу вероисповедания» от восстановленной католической Польши.

В конечном итоге, призывы ксендзов к защите католической веры, популистские обещания «свободы» и бесплатных земельных наделов, террористические угрозы подпольного «правительства» и его литовских «комиссаров» и «агентов» ставили своей целью торжество сословно-этнических и конфессиональных интересов польского дворянства и Римско-католической церкви. Западнорусскому населению Северо-Западного края отводилась роль послушного инструмента для достижения чуждых ему социально-политических и религиозно-этнических целей.

Для политизированного польского духовенства религиозная составляющая восстания была связана на практике с антирусской пропагандой, разжиганием религиозной и этнической розни, созданием повстанческих отрядов и посягательством на целостность Российского государства. Польские ксендзы, в нарушение присяги, данной российскому императору, зачитывали в костелах манифесты подпольного польского «правительства», призывая свою паству к восстанию, измене российскому монарху и подчинению новой польской власти. Они приводили повстанцев к присяге нелегальному «правительству», участвовали в организации снабжения повстанческих отрядов, обеспечивали идейную и сакральную поддержку восстания, призывая, убеждая и вдохновляя католиков встать на путь вооруженной борьбы с Россией. [35]

Тем самым осуществлялась не только мобилизация повстанцев, организация их снабжения и поддержки со стороны социальных «верхов» и «низов», но и высшая, то есть религиозная легитимация подпольного польского «правительства».

Некоторые ксендзы возглавляли отряды повстанцев и принимали непосредственное участие в боевых действиях. Внесение религиозных мотиваций в вооруженную борьбу с российским правительством привело к росту жестокости и насилия,

33. Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 13. – С. 467-485; Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 22. – С. 728;Вестник Виленского свято-Духовского братства. – 1913. – № 15-16. – С. 281-282.

34. Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. М., 1887. –С. 308-309.

35. Виленский вестник. – 23 мая. – 1863 г.; Виленский вестник. –10 сентября. – 1863 г.; ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 30-32; ЛГИА. – Ф. 494. – Оп. 1. – Д. 128. – Л.6, 11-26; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1863. – Д.1785. – Л. 1-36; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 649. – Л. 1-2;Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 836. – Л. 3-4; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 929. – Л.164-165; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д.1138. – Л. 12-14; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 1352. Л.1-2; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 1368. – Л. 1-4; Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 202.

которые воплотились в различные формы террора против верных России жителей края.[36] Что способствовало, в свою очередь, разжиганию в регионе локальной гражданской войны.

По словам Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: «Католическое духовенство никогда еще так дерзко и беззаконно как ныне, не заявляло своих преступных действий: призыв к мятежу раздается с высоты костельных кафедр; речи, пропитанные духом ненависти и разрушения, оглашают своды католических святынь, и даже некоторые исступленные проповедники сами берутся за оружие, присоединяются к шайкам бунтовщиков и предводительствуют некоторыми из них. Высшее же духовенство, владея главным и вернейшим средством к умиротворению края – призывом, во имя Божие, к порядку и законному долгу, умышленно бездействует, потворствуя, таким образом, кровавым смутам и беспорядкам».[37]

Таким образом, сепаратистское восстание 1863 г. в Северо-Западном крае правомерно рассматривать как попытку колониального реванша, предпринятого радикально настроенным дворянством и духовенством под знаменами польского патриотизма, социального популизма и воинствующего католицизма. Восстановление власти польского государства над русским населением Северо-Западного края должно было компенсировать дворянству утрату им власти над личностью крестьянина, которую давало крепостное право.

Римско-католическое духовенство, рассчитывало, в свою очередь, на возвращение того господствующего статуса, который оно имело в бывшей Речи Посполитой, а также на восстановление унии, упраздненной на Полоцком соборе 1839 г. Массовый характер восстанию должно было придать участие в нем православного крестьянства, которое пытались вовлечь в антиправительственные выступления с помощью популистских обещаний и террористических угроз.

36. Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1963 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 488, 491, 496; Муравьев М. Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863-1866 гг. // Русская старина. – 1882. – № 11. – С. 400, 406; Из бумаг графа М. Н. Муравьева. – СПб., 1898. – С. 44 – 45; Виленский вестник. – 1863. – 12 февраля, 1863. – 25 мая, 1863. – 1 июня;ЛГИА. – Ф. 378. – Оп.1866. – Д. 46. – Л. 12, 18, 33, 50, 72; Ф. 378. – Оп.1864. – Д. 2096. – Л. 5; Брянцев П. Д. Польский мятеж 1863 г. – Вильна, 1892. – С. 66-86, 144-154; Сидоров А. А. Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. – СПБ, 1903. – С. 228; Сборник распоряжений графа Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863-1864. / Сост. Н. И. Цылов. –Вильна, 1866. – С. 105-106;Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России – Т.1. – Вильна, 1867. – С. 123-124, 129, 212, 215; Мосолов А. Н.Виленские очерки 1863-1864 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898. – С. 24, 33-34, 104-105, 111-115; Лясковский А. И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). – Берлин, 1939. – С. 80-81. Папа Римский Пий IX с самого начала событий 1863 г. стал выказывать сочувствие к восстанию, которое подняли польские «красные». Он обратился с личным письмом к императору Александру II, жалуясь на положение Римско-католической церкви в крае и на терпимые ею притеснения. Император в ответе римскому первосвященнику обвинил духовных лиц в соучастии в мятеже и в совершении преступлений. „Этот союз пастырей церкви с виновниками беспорядков, угрожающих обществу, — одно из возмутительнейших явлений нашего времени, – писал Александр II – Ваше святейшество должны не менее меня желать его прекращения». Однако Папа не внял справедливым доводам российского императора.

37. Виленский вестник. – 1863 г. – 27 июня.

ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ПОЛЬСКОГО КАТЕХИЗИСА НА СТРАНИЦАХ «РУССКОГО АРХИВА»

A POLEMIC ABOUT POLISH CATECHISM IN THE RUSSIAN ARCHIVE JOURNAL.

УДК – 93/94

Священник Алексий Хотеев,
преподаватель кафедры церковной истории Минской духовной семинарии (г. Минск)

pr. Aliaksei Khatseyev,
MA, lecturer of Church history department at the Minsk Theological seminary

РЕЗЮМЕ: В статье рассматривается полемика вокруг Польского катехизиса на страницах журнала «Русский архив». Дискуссия публицистов развернулась по поводу подлинности этого документа. Русские историки считали катехизис подлинным документом, а польские – подделкой. Автор обращает внимание на значение этого исторического памятника и споров о нем.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русский архив, польское восстание 1863 г., Польский катехизис, полемика, Н.В. Берг, П.И. Бартенев, О.А. Пржецлавский.

SUMMARY: The paper considers a polemic about Polish Catechism in the Russian Archive Journal. Writers of essays aroused a discussion about the authentic ty of the document. Russian historians pointed out its authentic ty opposed to polish historians. The author pays a ention o importance of this text and the polemic about it.

KEY WORDS Russian Archive Journal, polish revolt 1863, Polish Catechism, polemic, N.V. Berg, P.I. Bartenev, O.A. Przeclavski.

Польское восстание 1863 г. заострило проблему русско-польских взаимоотношений в журнальной и газетной публицистике с обеих сторон. Негативному образу России, представленному в польской местной и заграничной прессе, был противопоставлен образ неверного и религиозно-фанатичного «ляха» в русскоязычной прессе. Можно сказать, что наравне с военными, русские и польские публицисты вступили друг с другом в настоящее сражение. Эмоциональный накал печатных выступлений вполне соответствовал напряженному вниманию читающей публики, пока шли военные действия. В ходе словесной дуэли далеко не всегда аргументы сторон были рассчитаны на критическое осмысление, зачастую они были ориентированы на чувственное восприятие, на гнев или возмущение читательской аудитории. В качестве горячей новости с поля сражения в «Московских ведомостях» М.Н. Каткова (1863 г. № 116) появился документ, названный «Польским катехизисом».[1] Текст был опубликован также во многих русских газетах не только столичных, таких как «Русский инвалид», но и провинциальных, таких как «Вятские губернские ведомости».[2] Особый интерес к этому документу проявили издатели «Вестника Юго-Западной и Западной России», выходившего тогда в Киеве. Здесь не только был перепечатан «Польский катехизис» из центральной прессы, но и параллельно издан анонимный «Русский катехизис», сочиненный как своеобразный ответ на польский текст.[3]

«Польский катехизис» обеспечил себе специфическую известность благодаря своему содержанию. Он относительно небольшой по объему, состоит из вступления и советов, разбитых на 13 пунктов, заканчивающихся словом «аминь». Главные идеи таковы: Польша есть возлюбленная и благословенная Отчизна, по подобию великих держав у нее есть свои колонии — это Украина и Литва, которые ни в коем случае

1. Травкина, А.А. Перцепция польского образа России и русских в газете «Московские ведомости» (1863—1887) / А.А. Травкина // Ученые записки Российского государственного социального университета. — М.: РГСУ, 2010. № 2. — С. 85.
2. Машковцев, А.А. Польское восстание 1863—1864 гг. в освещении губернской прессы Волго-Уральского региона. / А.А. Машковцев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета — Киров: ВГГУ, 2014. № 7. — С. 27.
3. Польский катехизис. Русский катехизис. // Вестник Юго-Западной и Западной России. — Киев: Тип. Давыденко, 1863. № 4. — С. 22—36.

нельзя упускать из рук. Для этого предлагаются советы: не уменьшать здесь польское землевладение (в случае необходимости продавать землю если не поляку, то еврею, но никак не русскому – п. 1), стараться занимать в администрации и армии выгодные места, не брезгуя любыми средствами для личного обогащения (пп. 2—8), лицемерие, лесть, обман должны вводить русское правительство и общество в заблуждение относительно настоящих намерений поляков (пп. 9—13). «Помни, — говорилось в тексте, — что Россия — первый твой враг, а православный есть еретик (схизматик), и потому не совестись лицемерить и уверять, что они твои кровные братья, что ты против русских ничего не имеешь, а только против правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому».[4] В общем, советы сводятся к тому, чтобы под видом порядочности и служебного рвения на русской службе всячески вредить России и действовать для отделения Польши. Все это звучало настолько безнравственно и подло, что возбуждало в русских читателях негодование и недоверие к любому поляку на русской службе как к затаившемуся врагу.[5] «Польский катехизис» стал образчиком двойной морали.

После подавления восстания накал страстей в публицистике несколько снизился, и настало время для более спокойного и трезвого размышления над причинами случившегося в западном крае империи возмущения. К этому были призваны, конечно, и историки, свидетели и современники событий. Историко-литературный журнал «Русский архив» начал выпускаться как раз в 1863 г. Каждый месяц выходил объемистый том примерно в 200 страниц с публикациями писем, мемуаров и дневников видных исторических деятелей. С течением времени «Русский архив» стал самым значительным журналом, который издавал источники по истории России XVIII—XIX вв. Его основатель и первый редактор П.И. Бартенев (1829—1912) выпускал журнал на протяжении почти полувека. События восстания 1863 г., о которых много писала московская пресса, оставили свой след в памяти уже сформировавшегося историка и литератора. Текст Польского катехизиса был ему хорошо известен, и, по-видимому, именно как характерный образец польско-католической морали был рекомендован Бартеневым в качестве приложения к книге Ю.Ф. Самарина «Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову» (М., 1870).[6] В 1870 г. в «Русском архиве» начали публиковаться «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н.В. Берга.[7] В 1863 г. он отправился в Варшаву в качестве корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей» после чего здесь остался и через некоторое время сделался преподавателем русского языка и литературы в Варшавском университете. Говоря в своих Записках о деятельности польского Демократического общества, действовавшего в эмиграции, Берг утверждает, что в 1830-е гг. «пресловутый Катехизис» был составлен неким Правдовским, пользовавшимся значительным влиянием на массы.[8] Правда, сам автор Записок не считает, что эта инструкция получила официальное одобрение от лица Демократического общества.

Сочинение Н.В. Берга было издано в «Русском архиве» с изменениями, которые потребовала цензура. В своих Записках автор попытался изложить причины, приведшие к восстанию 1863 г. Он начал свой рассказ с 1831 г., довел до 1862 г. и проследил, как за этот период идеи польской политической эмиграции давали свои всходы на общественной почве в Царстве Польском. Рассуждения Берга вызвали отклик со стороны О.А. Пржецлавского — поляка, находившегося на русской службе. Пржецлавский был родом из Слонимского уезда Гродненской губернии, занимал должность в Совете Министерства Внутренних Дел Российской империи, издавал «Петербургский еженедельник» («Tygodnik Petersburgski») — официальную газету Царства Польского. В сво-

4. Там же. С. 31.

5. Такое мнение поддерживалось сопутствующими публикациями. См. например: Еще кое-что о Польском катехизисе // Вестник Юго-Западной и Западной России. — Киев: Тип. Давыденко, 1863. № 6. С. 114—129. Следует ли поляков оставлять в западных губерниях в государственной службе? // Вестник Юго-Западной и Западной России. — Киев: Тип. Давыденко, 1863. № 8. С. 210—213.

6. В книге Ю.Ф. Самарина перед текстом Польского катехизиса стоит примечание с инициалами П.И. Бартенева: Самарин, Ю.Ф. Иезуиты и их отношение к России. Письма к иезуиту Мартынову. / Ю.Ф. Самарин. — М.: Тип. Грачева, 1870. — С. 490—499.

7. Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях. // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1870. № 1. Сб. 201—268; № 2. Сб. 431—502; № 3. Сб. 631—674; № 10. Сб. 1821—1928; 1871. № 3. Сб. 509—576; № 12. Сб. 1985—2038; 1872. № 3-4. Сб. 622—706; 1873. № 7. Сб. 1222—1317.

8. Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях. // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1870. № 1. Сб. 246—247.

их замечаниях на Записки Берга Пржецлавский обратил внимание на отдельные неточности автора и его преувеличения.[9] Критика была встречена автором Записок спокойно, между двумя публицистами на страницах «Русского архива» состоялся взаимоуважительный и сдержанный диалог.[10]

О.А. Пржецлавский остановился, в частности, на Польском катехизисе.[11] Он указал, что за истекшие после восстания годы уверенность в его подлинности у читающей русской публики ослабла, почему стало возможным спокойно высказать свои возражения. Их можно свести к нескольким пунктам:

1. Вера в то, что Польский катехизис представляет собой инструкцию для всякого поляка на русской службе есть сказка, подхваченная легковерной толпой, которая с готовностью верит в небылицы, вроде того, что в столице будто бы объявился поп с козлиными рогами или поляки отравили воды Невы.

2. Выдумка с «катехизисом» не оригинальна: в 1846 г. в княжестве Познаньском случился мятеж против немецкого господства, тогда тоже на одном убитом повстанце был найден текст с подобной инструкцией, то была немецкая выдумка, русская версия отличается лишь приспособлением к другим местным условиям.

3. Текст «катехизиса» выдает своим стилем автора-сочинителя из казенной канцелярии.

4. То, что был найден только один экземпляр у одного убитого поляка, уже делает представление о целом заговоре бессмысленным: почему не была найдена 1000 экземпляров, хотя бумаги тысяч повстанцев были проверены полицией?

5. Пржецлавский, наконец, говорит и о своем личном опыте: он уже 40 лет на службе в Петербурге, знавал ок. 200 других поляков на русской службе и не один из них не слышал ничего о Польском катехизисе.

П.И. Бартенев, публикуя возражения О.А. Пржецлавского, снабдил их примечаниями критического характера, в которых не скрывает своих сомнений в их убедительности. Так издатель, предоставив слово другой стороне, не изменил своего прежнего мнения о Польском катехизисе как историческом документе. В качестве ответа О.А. Пржецлавскому он напечатал в 1873 г. возражения М.В. Юзефовича, киевского публициста и археографа.[12] Аргументация последнего сводится к следующему. Пржецлавский в своих рассуждениях обратился к внешней стороне дела: стилю документа, неясных обстоятельствах его обнаружения, прототипу в немецкой прессе. Однако он совершенно упускает из виду содержательную сторону дела: «Самый важный признак действительности или подложности катехизиса заключается в том, истинно или ложно его содержание».[13] Поведение самих поляков подтверждает практическое применение советов катехизиса. Далее автор приводит примеры лицемерия польских панов, пасующих перед русской силой, но втайне пособствующих мятежникам. Точно так же, как теперь поляки отрицают аутентичность Польского катехизиса, недавно они отрицали издевательства над крестьянами (установку виселиц в имениях и проч.), объявляя документы, публикуемые Киевской археографической комиссией подлогами.

В том же номере «Русского архива» П.И. Бартенев поместил Заметку Н. Бицына на статью Санкт-Петербургских ведомостей о Польском катехизисе, где утверждалось, что этот документ есть сказка русских газет. Н. Быцин — псевдоним Н.М. Павлова, русского историка, публициста. В этой Заметке кроме уверенного утверждения автора, что существование Польского катехизиса есть исторический факт, обращает на себя внимание новая аргументация: сами поляки не отрицали бытование подобного

.9. Пржецлавский, О.А. Иосафат Огрызко и его польская газета Слово. / О.А. Пржецлавский // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1872. № 5. — Сб. 1031—1053. Еще заметка // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1872. № 5. — Сб. 1053—1055.

10. Ответ на заметку О.А. Пржецлавского Н.В. Берга // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1872. № 6. Сб. 1210—1213. Пржецлавский, О.А. По поводу «Ответа» Берга на мои замечания о его «Записки о польских заговорах» / О.А. Пржецлавский // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1872. № 7-8. Сб. 1553—1576.

11. Пржецлавский, О.А. По поводу «Ответа» Берга на мои замечания о его «Записки о польских заговорах» / О.А. Пржецлавский // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1872. № 7-8. Примечание 2. Сб. 1567—1576.

12. Юзефович, М.В. Ответное слово г-ну Пржецлавскому / М.В. Юзефович // Русский архив. — М.: Тип. Мамонтова, 1873. № 2. Сб. 0201—0218.

13. Там же. Сб. 0206.

катехизиса под именем Katechizm rycerski, написание которого приписывалось польскому революционеру, диктатору восстания 1863 г., генералу Людвику Мерославскому. Вполне возможно, что извлечения из этого рыцарского катехизиса ходили по рукам как листовка, читались у камина, т.е. не были рассчитаны на долгое хранение. Однако на него сохранился печатный ответ под названием Katechizm nie-rycerski авторства литератора Юлиана Клячко.[14]

Спустя почти десять лет «Русский архив» снова обратился к теме Польского катехизиса, опубликовав статью В.А. фон Роткирха [15]. Авторский текст помечен «27 сентября 1872 г., Витебск» и представляет собой возражение на упомянутое выше выступление Пржецлавского. В 1861—1863 гг. фон Роткрих был вице-директором особой канцелярии по делам военного положения при наместнике в Царстве Польском, через него проходили различные бумаги, обнаруженные при разгроме повстанческих отрядов. Поэтому свое возражение он подает как бы от официального лица. Фон Роткирх отклоняет те аргументы Пржецлавского, в которых говорится о случайности появления «катехизиса», его канцелярском стиле, немецком происхождении как субъективные догадки. Сам фон Роткирх относит появление текста к 1830-м годам. Автор дает важное свидетельство: он держал в руках более пяти экземпляров «катехизиса», добытых в разное время у разных лиц [16] . Это говорит против утверждения Пржецлавского об единственном экземпляре, ставшем источником для русских газет и журналов. Слова фон Роткирха дополняют изображение обычных обстоятельств при разборе взятых у повстанцев бумаг: после разгрома польского отряда и обыска на месте обнаруженные документы складывались в чемоданы и мешки без особенной системы, указаний при ком и что найдено. Среди вороха этих бумаг и попадались подобные тетрадки. Сам В.А. фон Роткирх признается, что уничтожил обнаруженные экземпляры «катехизиса» потому, что они уже были известны по публикациям центральных русских газет.

Этими статьями исчерпывается полемика вокруг Польского катехизиса на страницах «Русского архива». В русской исторической литературе он надолго утвердился как исторический документ. Здесь можно вспомнить, что в Сборнике С.В. Шолковича (1840—1886), преподавателя реального училища в Вильно и члена Виленской археографической комиссии, Польский катехизис был опубликован как неоспоримый документ.[17]

В заключение хотелось бы высказать некоторые собственные соображения о подлинности этого спорного текста. В первую очередь, необходимо подойти к нему со стороны внешней критики. Действительно, появление Польского катехизиса в периодической печати не сопровождалось достаточными объяснениями. Не ясно, где, у кого и при каких обстоятельствах был изъят этот документ, насколько верен перевод и сохранился ли польский подлинник. Интересно, представляет ли собой текст Польского катехизиса законченный текст или это выписки или конспект какого-то устного выступления? Ведь, очень сомнительно, чтобы повстанцы претворяли в жизнь рекомендации по служению в русском подданстве в то время, когда в 1863 г. они выступали против России с оружием в руках и требовали отрешиться от подданнической присяги не только польских чиновников, но и белорусских крестьян. Текст «катехизиса» должен был появиться в 30-40 –е годы, но никак не в ходе вооруженного восстания. В 1863 г. он мог быть обнаружен только случайно. Без выяснения всех этих деталей трудно говорить об аутентичности документа. Впрочем, не известно, брался ли кто-нибудь из исследователей изучить редакторский портфель газеты «Русский инвалид», чтобы выявить источник этой публикации. Вполне справедливым представляется также указание О.А. Пржецлавского на эмоциональное состояние русской читающей публики, которая с доверием относилась к печатному слову и к сообщению о новом коварстве поляков, в частности. Этим объясняется определенная популярность Польского катехизиса в русской прессе в 1863 г.

Теперь следует обратиться к содержанию «катехизиса» со стороны внутренней критики. Здесь нужно заметить, что данный документ не представляется единичным и исключительным. В этом отношении очень важно свидетельство В.А. фон Роткирха.

14. Katechizm nie-rycerski. Paryz, 1859. — 55 s.

15. В.А. Фон Роткирх. О польском катехизисе. // Русский архив. – Москва: Университетская типография, 1882. — Т. 49. Кн. 3. — С. 244—251.

16. Там же. С. 249.

17. Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. / Сост. С.В. Шолкович — Вильна: Тип. Сыркина, 1885. Вып. 1. — С. 216—220.

Для польских патриотических прокламаций вообще были характерны формы религиозных текстов. Можно назвать кроме уже упомянутого «Рыцарского катехизиса» Л. Мерославского, «Рыцарский катехизис» А. Чарторыйского (1774 г.)[18], «Польский Символ веры» и «Польские десять заповедей» (1772 г.)[19], «Политический катехизис Речи Посполитой» (1735 г.)[20] и «Символ веры польского правительства».[21] Не единичными также были публикации в центральной русской печати похожих повстанческих инструкций. «Московские ведомости», например, издали Проект Л. Мерославского с указанием мер по организации восстания, затем этот документ был опубликован в «Вестнике Юго-Западной и Западной России» К.А. Говорского.[22] Инструкции о ведении вооруженного восстания содержали рекомендации по распространению ложных слухов, использованию обмана и запугивания.[23] В этих и подобных документах, происходящих с польской стороны, прослеживается явная тенденция оправдать любые средства ради достижения поставленных целей. Даже в таких, можно сказать, примерных поучениях, как «Дружественные советы» кс. Зигмунта Фелинского (1822—1895), святого Католической церкви, российское подданство рассматривается как смирение поляка перед Божиим наказанием.[24] Правда, к чести Фелинского нужно отметить, что он в своих Советах порицал лицемерие: «Гадко смотреть, бесчестно даже забегать, льстить, делать вид, что преданы душою и сердцем, а в существе дела быть иного убеждения. Мало ли у нас таких патриотов, которые, где-нибудь по углам и секут и рубят, всех бы москалей, кажется, сразу перевешали, а в глаза и слова–то сказать не отважатся, а напротив льстят и распинаются».[25] В таком контексте возражение М.В. Юзефовича, доказывающего, что Польский катехизис отражает настоящее поведение многих поляков, демонстрирующих свою лояльность русскому правительству только внешним образом, но втайне работающими против него, представляется справедливым.

Полемика вокруг Польского катехизиса сама по себе не подрывает его значения как памятника своего времени. Конечно, без выяснения обстоятельств его появления в печати и установления подлинника невозможно утверждать аутентичность его перевода, однако он может служить в качестве иллюстрации форм и способов агитационной деятельности польских патриотов, иллюстрации, которая подтверждается другими историческими источниками.

18. Czartoryski. A. Katechizm rycerski./ A. Czartoryski. — Warszawa-Lublin, 1916. — 62 s.
19. Бумаги, касающиеся Первого раздела Польши из архива гр. В.Н. Панина. // Русский архив. М.: Тип. Мамонтова, 1872. № 1. — Сб. 26—28.
20. Политический катехизис Речи Посполитой // Вестник Юго-Западной и Западной России. — Киев: Тип. Давыденко, 1863. № 3. — С. 17—25.
21. Там же. С. 25.
22. Программа польского восстания, составленная 1 марта 1861 года // Вестник Юго-Западной и Западной России. — Киев: Тип. Давыденко, 1863. № 10. — С. 62—70.
23. Секретная инструкция Центральному Комитету в Варшаве от Главного Революционного Комитета в Лондоне, относительно способов ведения вооруженного восстания. // Виленский временник. Кн. VI. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 годов в пределах Северо-Западного края. / Сост. А.И. Миловидов.— Вильна: Губернская типография, 1915. — Ч.2. Переписка о военных действиях. — С. 430—432.
24. Дружественные совета кс. Фелинского // Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. / Сост. С.В. Шолкович — Вильна: Тип. Сыркина, 1885. Вып. 1. — С. 181—215.
25. Там же. С. 214.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1863 - 1864 ГГ. И ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ

THE POLISH UPRISING OF 1863 - 1864 AND THE INSTITUTION OF SOCIAL MEDIATORS

УДК – 433

Артем Сергеевич Середа, магистр истотрических наук, аспирант РИВШ (Беларусь).
Artiom Sereda. Master of Historical Sciences, a graduate student of the Nation l Ins tute for Higher Educati n (Belarus)

Резюме: В статье раскрыто отношение членов института мировых посредников в белорусских губерниях к Польскому восстанию 1863 – 1864 гг. Показаны причины участия членов учреждения в восстании, само участие в восстании, последствия для учреждения.
Ключевые слова: Институт мировых посредников, Польское восстание 1863 – 1864.

Summary: In the article he relation f members of institu e of social mediators is shown in the Belarussian provinces to the Polish uprising 1863 – 1864. In the article reasons of par cipa on, particip tion f members of establishment, are exposed in a revolt, consequences for establishment.
Keywords: Institu e of social mediators, Polish uprising 1863 – 1864.
KEY WORDS Uprising 1863, press, Slavic reciprocity, Poland, Russia

Институт мировых посредников – специально созданное правительственное учреждение для проведения в жизнь аграрной реформы 1861 г. Согласно имущественному и образовательному цензу, мировым посредником мог стать, в большинстве случаев, только дворянин-землевладелец. Специфика белорусских губерний привела к тому, что большинство мировых посредников состояло из местного дворянства – польской шляхты, существовавшей на этих землях со времён Речи Посполитой. Один из предводителей восстания, Сигизмунд Сераковский, писал по этому поводу следующее. «Что такое Западный край? Высший и средний класс в нем представляют поляки или, говоря точнее, литовцы и русины, принявшие добровольно польский язык, польские стремления, одним словом, польскую цивилизацию. Все, что думает об общественных делах, все, что читает и пишет в Западном крае, — все это совершенно польское. И, хотя соотношение представителей высшего и среднего класса в крае, по мнению Сераковского, к остальным было 1 к 10, это было самое лучшее — даже все разбогатевшие крестьяне и ремесленники стремились полонизироваться. Вытравить польское влияние из края, считал польский революционер, невозможно, разве только …попытаться возбудить резню, jaquerie (Примечание*: жакерию*), …крестьян, вышедших из крепостной зависимости, поднять против высших и средних классов».[1]

Противоречия, приведшие посредников к участию в восстании, существовали ещё до 1863 года. Подъём повстанческого движения затронул и институт мировых посредников, которым представился выбор: попытаться восстановить Речь Посполитую или остаться на службе России. Известный исследователь проблем национализма Э. Геллнер писал следующее: «У элит региона, который обладает определенными культурными, экономическими и другими особенностями, есть несколько вариантов действий: либо вести борьбу за построение независимого государства, либо встроиться в уже сложившуюся государственную систему и работать в ней».[2] Это заметно из отношений, которые проистекали между русскими и поляками (среди тех категорий населения, которые составляли социальную верхушку региона). В свидетельствах утверждается о презрительном, горделиво-заносчивом отношении шляхты как

1 Русский сборник / редколл. О. Р. Айрапетов [и др.] – М., 2013. – Т. XV: Польское восстание 1863 г., с.53-54
2 Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; [пер. с англ.: Т.В.Бердниковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника]. – М.: Прогресс, 1991, с.154

к местным крестьянам-белорусам, так и к великороссам – местные мировые посредники в большинстве были охвачены точно такой же групповой «фанаберией». Особенно это проявлялось в столкновениях между фанатичной частью посредников и той частью местных посредников, которые не желали связываться с назревающим восстанием. Так, к примеру, когда в могилёвском дворянском собрании, куда входили и посредники, во время восстания дворяне задумали составить прошение об отделении их губернии к Польше и повели жаркие споры об этом, в их числе нашлись двое, которые пробовали, несмотря на свистки и крики, отговорить остальных от этого шага. Они доказывали, что этим адресом и всем своим поведением за последнее время дворянство губит родной край, губят самих себя, потому что эти действия неминуемо вызовут крупные мероприятия правительства, которые губительно отзовутся на самих же дворянах и их интересах. Но обезумевшие паны и слушать ничего не хотели, поощряемые бездействием в то время местных властей и просто выгнали с бранью двух смельчаков, грозясь поколотить, пристрелить, облить купоросным маслом. [3]

Как видно – подавляющая часть местной верхушки, в том числе и мировые посредники, предпочла вести борьбу за восстановление Польши.

Должность мирового посредника была удобной для конспиративной деятельности и организации восстания. В начале 1863 г. поддержка посредниками повстанческого движения стала очевидной.[4]

Участие мировых посредников в восстании было либо прямым, либо косвенным. Прямое участие заключалось в участии в боевых действиях. Косвенное участие проявлялось в снабжении повстанцев необходимыми средствами, а также уклонении от сотрудничества с властями, молчаливом согласии и немой, но одобряющей поддержкой восстания.

Примером участия посредников в восстании являются случай одного из посредников Чаусовского уезда Пиотровского, который агитировал местного помещика Матушевича принять участие в мятеже, утверждая, что у него есть склад разного оружия, что у Чаусовского предводителя дворянства Цехановского скрыт склад пуль, что дворяне Чаусовского уезда … помогают разными способами инсургентам».[5]

Русский мировой посредник И. Н. Захарьин вспоминает о том, что в 1864 году прибыл в участок, который до него занимал «некто помещик Поздняк, сосланный в 1863 году в Сибирь за открытое и вооружённое участие в восстании».[6] Как выяснилось из архивных документов, Винцент Поздняк, отставной мировой посредник, будучи пехотным капитаном в отставке, в возрасте 37 лет был взят в плен 27 апреля 1863 года как глава повстанческого отряда.[7]

Мировой посредник Хлопицкий, на участок которого был назначен В.П. Березин, также «каким-то небольшим тайным у них (у повстанцев) был, пока не сослали его». Даже после замещения Хлопицкого новым посредником Голыневским, крестьяне сообщали, что тот требовал от них лояльности к повстанцам и покорности в случае чего.[8]

Мировые посредники и помещики активно сотрудничали и на фронтах информационной войны. Так русский мировой посредник И. Н. Захарьин упоминает связанного с уже упоминавшимся посредником-повстанцем Поздняком некоего помещика Шенявского, который, будучи связанным с повстанцами, был провокатором и распространял дезинформацию среди местного населения. Проживая в Могилёве и ничего не делая, он, обыкновенно, фланировал с утра, по лавкам, магазинам и по своим знакомым и сообщал им самые невероятные слухи, имеющие политический характер, выдаваемые им как бы за свершившиеся уже факты. То, например, он уверял всех, под честным словом, что генерал-губернатор Муравьёв уже отравлен в Вильно,

3 Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т.242. – №№1, 3 ,4, 7 ,11.,с.155

4 Жытко, А.П. Палітыка самадзяржаўя ў адносінах да інстытута павятовых прадвадзіцеляў дваранства на беларускіх землях (1861–1917 гг.) // А.П. Жытко, С.А. Талмачова // Беларускі гістарычны часопіс – 2013 – № 4.с.5

5 По показанию помещика Матушевича, данному 7 мая в Могилёвском полицейском управлении… (12 – 15 мая 1863г.) // НИАБ – Фонд 3257 – Оп. 1 – Д. 13л.2-3

6 Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4., с.67

7 По отношению Временного Военного начальника Губернии о распределении лиц, участвовавших в мятеже на каторги // НИАБ – Фонд 3257 – Оп. 1 – Д. 6, л.10

8 Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т.242. – №№1, 3 ,4, 7 ,11.с.147

но что это умышленно лишь скрывают; на другой день он обегал весь город и сообщал о переходе трёх французских корпусов через русскую границу и о поголовном, вследствие этого, восстании шляхты в царстве Польском; затем он, добыв где-то карту с новыми границами Польши «от моря до моря», преспокойно раскладывал эту карту в каком-нибудь бойком и людном магазине и объяснял публике границы «Могилёвского воеводства», – сообщая при этом, к слову, что он, Шенявский, в качестве будущего начальника такого-то повята (уезда), будет иметь свою резиденцию в том-то вот городе…Враньё это шло с каждым днём так, что, наконец, даже терпение доброго Беклемишева (губернатора Могилёвской губернии) лопнуло, и он, снесясь с Муравьёвым, распорядился выслать этого болтуна из Могилёва в Тобольск. [9]

Важно подчеркнуть, что сослали провокатора за «политическое хвастовство» – именно так была названа его деятельность, поскольку термины «дезинформация» и «провокационная деятельность», очевидно, ещё не были известны в Уложении о наказаниях.

Несмотря на приведённые факты участия посредников в мятеже, важно подчеркнуть – только 3 мировых посредника из белорусских губерний были привлечены к ответственности; один – из Гродненской, один – из Могилёвской и один из Витебской губернии,[10] при том что, в среднем, на губернию приходилось около 30 – 35 мировых посредников. Однако таковые скромные данные нельзя считать показателем незначительного участия мировых посредников в восстании – немало мировых посредников находилось под следствием.

Один из таковых показательных примеров – случай бывшего мирового посредника Сокольского уезда Владислава Терпиловского. 17 сентября 1863 г. дворянин-повстанец Сокольского уезда Станислав Янушкевич, сдавшийся властям с повинной, показал, что местными помещиками и ксендзами, среди которых был и посредник Терпиловский, занимались доставкой провизии к повстанцам. Для доставки продовольствия использовалась лошадь посредника.[11] Уместно добавить, что ранее, в 1848 г. (во время революций в Западноевропейских странах) Терпиловский был схвачен при попытке нелегально перейти границу Царства Польского, за что был осуждён на 3 рубля штрафа.

Вскоре последовал ряд новых свидетельств против посредника – по показанию одного из крестьян стало известно, что зимою 1862 – 1863 гг. тогда ещё действующий посредник Терпиловский выговаривал его за то, что последний «собирает возмутительные прокламации их русскому начальству и не хочет держать сторону поляков», после чего велел выпороть крестьянина и пригрозил, что ежели он не исправится, то будет наказан вдвое строже, а когда и это не поможет, то будет повешен, а его имущество сожгут. Ещё один крестьянин 11 ноября 1863 г. дал показания, что однажды, после Рождества, зимой 1862 – 1863 гг., помещику доставили большую партию штанов, что немало удивило крестьян (мол – зачем пану столько). Той же зимой на барщине посредник несколько раз говорил крестьянам: «Собирайтесь с силами, ваша сила, а наш будет разум». К чему говорил это посредник – никто не понял и объяснения никто не спрашивал.

Расследование показало – местный портной действительно выполнял заказ посредника, но не на 6 пар штанов, а на 12 пар подштанников. Допрос посредника показал, что тот действительно заказывал 5 или 6 пар штанов для себя. На вопрос за что порол крестьянина, бывший посредник ответил – не за прокламации для русского начальства, а за неповиновение ему как посреднику. Про поддержку поляков и польскую власть посредник якобы ничего не говорил. Что же до слов о «помещичьем уме да крестьянской силе», бывший посредник отпирался – говорил о том, чтобы селяне поменьше пили водку, так как они много пропивают – завели бы нормальное хозяйство и жили бы хорошо при панском уме и крестьянской силе.[12]

При допросе выявилась важная улика – обнаружился документ революционного польского правительства – квитанция революционного комиссара Сокольского

9 Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4, с.67

10 Алфавитный список политических преступников, имущества коих подлежат конфискации в казну (по 1 октября 1864 года) // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф.3 – Оп.1 – Д.6, л.19, 46.

11 Материалы Сокольской следственной комиссии по политическим делам о бывшем мировом посреднике Сокольского уезда Владиславе Терпиловском // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8, л.2

12 Материалы Сокольской следственной комиссии по политическим делам о бывшем мировом посреднике Сокольского уезда Владиславе Терпиловском // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8, л.3 – 12

уезда о количестве продовольствия, поставленного мятежникам. Сверка показала, что почерк подписи в квитанции и почерк Терпиловского сходны. Но Терпиловский не признал почерк и объявил это подражанием его подписи.

На вопрос, почему на его лошади доставляли повстанцам провизию, а также как быть с информацией о его роли в поставках, бывший посредник ответил, что никакую провизию никому не поставлял, а лошадь принадлежала его письмоводителю,[13] которого, судя о всему, обнаружить не удалось. По имеющимся источникам бывший посредник Терпиловский избежал какого-либо наказания.

При анализе данного дела можно заключить – в тогдашней обстановке мировой посредник имел все шансы на наказание, о чём говорят приведённые факты: показания свидетелей, квитанция революционной ячейки с подписью, идентичной подписи посредника, заказанные 12 пар подштанников, интересный нюанс с лошадью письмоводителя, которого, очевидно, так и не удалось обнаружить. К этому следует добавить факт неблагонадёжности помещика, предпринимавшего попытку незаконного пересечения границы во время Европейской «Весны народов» 1848 г. Учитывая такой фактор, как военное положение в Северо-Западном крае, трудно представить, чтобы бывший посредник с таким «послужным списком» не оказался бы в заключении.

Объяснением данному факту могут быть ошибки следствия. И они действительно обнаружились: посреднику не предъявили требования предоставить комплекты подштанников, заказанных якобы для себя – к тому же портной указывал на 12 пар подштанников, помещик занизил цифру до 5 – 6 пар – данное несовпадение уже настраивает на размышления, а возможное отсутствие подштанников могло бы указывать на его реальную связь с повстанцами. При расследовании не использованы материалы допроса других лиц, которые, как и Терпиловский, поставляли продовольствие мятежникам. Действенным средством для устранения недоразумений было бы проведение нескольких очных ставок между посредником, свидетелями и подозреваемыми.

Данные моменты доказывают – следственные комиссии допускали ошибки следствия, либо банальное разгильдяйство. Реальные участники и пособники мятежа могли остаться на свободе.

Сам М. Н. Муравьёв, в отчёте на имя императора, докладывал, что мировые посредники «были одновременно отрешены в мае 1863 года от должностей».[14] За всеми бывшими посредниками было установлено наблюдение. На их место были присланы отличившиеся мировые посредники и способные чиновники из великорусских губерний, не имевшие здесь родственных связей, имевшие хорошее материальное обеспечение.

Примечателен следующий факт – мировые посредники нового призыва, присланные из великорусских губерний, так отзывались о своих предшественниках: «это были местные уроженцы-белоруссы, как они стали называть себя после усмирённого восстания. В сущности же это были истые поляки, рождённые от смешанных браков, носившие польские фамилии, молившиеся в костёлах и вспоминавшие о православии лишь случайно – то есть, тогда, когда это делалось выгодным…они продолжали служить, вредя русскому делу, мстя, где только можно, крестьянам – за их участие в подавлении мятежа, и нам – за наш незваный «наезд» на службу». [15]

Подводя итог, можно говорить об участии большинства мировых посредников белорусских губерний в Польском восстании 1863 – 1864 гг. Участие мировых посредников было прямым (участие в боевых действиях) либо косвенным (снабжение мятежников, пропаганда идей мятежа, уклонении от сотрудничества с властями). Часть посредников, принявших участие в восстании, была привлечена к ответственности, однако ряд участников восстания смогли избежать наказания в силу недостатка улик либо плохого ведения следствия. После подавления восстания власти империи пошли на полную замену кадров института мировых посредников в белорусских губерниях, назначив на эти должности преуспевших ранее посредников из великорусских губерний.

13 Материалы Сокольской следственной комиссии по политическим делам о бывшем мировом посреднике Сокольского уезда Владиславе Терпиловском // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8, л.21 – 27

14 Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Западная Русь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:/ zapadrus.su/bibli/arhbib/960-vsepoddannejshij-otchet-grafa-m-n-muraveva-po-upravleniyu-severo-zapadnym-kraem.html. – Дата доступа: 12.07.2015.

15 Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4, с.66

Список источников и литературы:

1) Алфавитный список политических преступников, имущества коих подлежат конфискации в казну (по 1 октября 1864 года) // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф.3 – Оп.1 – Д.6.

2) Березин, В. П. Восемь лет в Северо-западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / В. П. Березин // Русский вестник. – 1896. – Т.242. – №№1, 3, 4, 7, 11.

3) Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Западная Русь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: /zapadrus.su/bibli/arhbib/960-vsepoddannejshij-otchet-grafa-m-n-muraveva-po-upravleniyu-severo-zapadnym-kraem.html. – Дата доступа: 12.07.2015.

4) Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер; [пер. с англ.: Т.В.Бердниковой, М.К. Тюнькиной; ред. и послесл. И.И. Крупника]. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

5) Жытко, А.П. Палітыка самадзяржаўя ў адносінах да інстытута павятовых прадвадзіцеляў дваранства на беларускіх землях (1861–1917 гг.) // А.П. Жытко, С.А. Талмачова // Беларускі гістарычны часопіс – 2013 – № 4. – С. 4–13.

6) Захарьин, И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864 – 1870гг. / И. Н. Захарьин // Исторический вестник. – 1884. – Т.15 – №3; Т.16. – №4.

7) Материалы Сокольской следственной комиссии по политическим делам о бывшем мировом посреднике Сокольского уезда Владиславе Терпиловском // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 8

8) НИАБ – Фонд 3257 – Оп. 1 – Д. 6. По отношению Временного Военного начальника Губернии о распределении лиц, участвовавших в мятеже на каторги.

9) НИАБ – Фонд 3257 – Оп. 1 – Д. 13. По показанию помещика Матушевича, данному 7 мая в Могилёвском полицейском управлении… (12 – 15 мая 1863г.).

10) Русский сборник / редколл. О. Р. Айрапетов [и др.]. – М., 2013. – Т. XV: Польское восстание 1863 г. – 536 с.

ВЕДЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

INTRODUCTION JURY TRIALS IN THE NORTHWEST REGION OF RUSSIAN EMPIRE

УДК 340(476)

Загорнов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина.
Zagornov Alexsander, Candidate of Historical Sciences, Docent of Department of Theory and History of State and Law, Brest State University named A.S.Pushkin.

Резюме: В статье рассмотрена проблема организации суда присяжных в Северо-Западном крае во второй половине XIX века. Охарактеризовано правовое закрепление учреждения нового судебного института, обеспечивающего участие населения в осуществлении правосудия. Определены законодательные основы формирования состава присяжных заседателей и особенности данного процесса на белорусской территории. Сделан вывод о роли суда присяжных в реформе уголовной юстиции Российской империи.
Ключевые слова: суд присяжных, Северо-Западный край, судебная реформа, законодательство, формирование суда.

Summary: The problem of the organization f jury trials in Northwestern region in the second half of the XIX century is discussed in the artic e. Legal consolidation f institutions of a n w judicial institution t t ensures the particip ti n of the population in realizati n of justic is characterized. Legislati e bases of formation of the jury trials and features of the process are determined on the Belarusian territory. It is concluded about the role of the jury trial in criminal justice eform of the Russian Empire.
Key words: jury trials, Northwestern region, judicial reform, legislation, he formation f the court.

Преобразование судебной сферы во второй половине XIX века стало важной задачей для правительства Российской империи. Единое правовое пространство призвано было сплотить части большого государства.

Важность и значимость судебной реформы определялись той ролью, которую призван был играть суд в новых, изменяющихся условиях. По существу, он служил двигателем преобразований институтов государственной власти, обеспечивающим защиту личных, политических, социальных, экономических прав и свобод граждан.

Судебные уставы, принятые 20 ноября 1864 г., создали в Российской империи новую судебную систему, соответствующую уже капиталистическим условиям развития. Одним из важнейших звеньев этой системы, наряду с мировым судом, трансформированной прокуратурой и появившейся адвокатурой, стал суд присяжных.

Появившись в Англии, суд присяжных в странах континентальной Европы стал распространяться после Французской революции 1789 г. и последовавших за ней наполеоновских войн.

Модель присяжных, которую взяли за основу разработчики судебной реформы 1864 г., опиралась на континентальную систему.

Институт присяжных заседателей для пространства империи, в том числе и белорусской ее составляющей, был совершенно новым явлением. Он обеспечивал участие населения в отправлении правосудия и таким образом повышал общественное доверие к судебным решениям.

В ходе подготовки судебной реформы в октябре 1861 г. создавалась специальная комиссия во главе со статс-секретарем Государственного Совета С.И. Зарудным, в которую вошли известные юристы: А.Н. Плавский, Н.И. Стояновский, К.П. Победоносцев и др. За основу была взята теория буржуазного судоустройства и судопроизводства, опробированная уже западноевропейским законодательством и судебной практикой.

Предполагалось создать новый, буржуазный суд, базирующийся в своей дея-

тельности на следующих принципах: отделение от администрации, всесословность, равенство всех граждан перед законом, независимость и несменяемость судей, устность, гласность и состязательность процесса, право обвиняемого на защиту, презумпция невиновности и т.д. Должны были быть учреждены институт судебных следователей, мировой суд, адвокатура, суд присяжных.

Результатом работы комиссии стали «Основные положения преобразования судебной части в России», представленные императору Александру II в апреле 1862 г. После обсуждения в Государственном Совете «Положения» были утверждены императором и опубликованы.

Документ состоял из трех частей, посвященных судоустройству, гражданскому и уголовному судопроизводству. Имея ввиду, что изменения в судебной сфере чрезвычайно важны, так как прямо или косвенно затрагивают интересы каждого гражданина, правительство пригласило к обсуждению «Основных положений» судебных чиновников всех частей империи.

Замечания чиновников различного уровня, прежде всего, конечно же, из судебного ведомства, на то, какие положения реформы приемлемы, а какие нужно изменить, также были опубликованы, составив несколько томов из обширного собрания под общим названием «Материалы по преобразованию судебной части в России». Данные «Материалы» в 74 томах собрал С.И. Зарудный, отразив таким образом сложную и кропотливую работу по подготовке судебной реформы.

В рамках указанного издания 39 судебных чиновников Северо-Западного края внесли свои предложения и замечания.

Следует учесть то, что они именно таким образом включались в подготовку, а потом и реализацию судебной реформы, так как существенно обновить кадры правительство не имело возможности. Важным моментом является то, что мнения чиновников продемонстрировали, что ожидали получить специалисты от реализации реформы и, в этой связи, продуктивным будет в перспективе сравнение ожидаемого и полученного. С другой стороны, сложности и трудности судебных преобразований в Северо-Западном крае, определенные на фазе подготовки, потом в полной мере проявились при проведении реформы в жизнь.

Анализ мнений этих чиновников позволяет определить отношение местного судейского корпуса к судебным преобразованиям и выделить основные моменты коррекции «Основных положений» с целью более полного учета специфики края. Отметим, что данные отзывы поступили еще до восстания 1863 г., существенно повлиявшего на ход реформирования в данной части империи. Опубликованные отзывы председателей палат уголовного и гражданского суда, губернских прокуроров, уездных судей, секретарей палат содержат позитивную оценку предстоящих изменений в судебной сфере и содержат предложения по повышению эффективности судебной реформы в белорусско-литовских губерниях.

Основными обсуждаемыми вопросами были комплектование мирового суда, корпорации адвокатов, коллегии присяжных заседателей.

Институт присяжных заседателей вызвал у специалистов оживленный интерес. Преобладала позитивная оценка данного института. Предлагалось даже, чтобы все судебные дела решались с участием присяжных заседателей.[1]

А виленский уездный судья князь Жагель выступил с предложением исключить имущественный ценз для присяжных заседателей при сохранении всех других.[2]

Столь высокая оценка данного института соседствовала с ограничениями при формировании состава коллегии присяжных.

Учитывая значительный процент проживающего в крае еврейского населения, довольно четко проводилась линия на ограничение его участия в качестве присяжных заседателей. Предлагалось, например, допустить не более двух евреев в коллегию по делу, где обвиняется еврей и не более одного – по делам лиц других вероисповеданий,[3] или же до 1/3 состава коллегии, т.е. до 4 человек из 12,[4] или только тех,

1. Материалы по преобразованию судебной части в России. Т.XX. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Часть первая. Спб., 1863. С.63.

2. Материалы по преобразованию судебной части в России. Т.XX. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Часть первая. Спб., 1863. С.707.

3. Там же, С.127.

4. Там же, С.250.

кто имеет университетское образование.[5] Характерно, что столь подробно ограничительные меры рассматривались только в отношении евреев.

Среди предложений и мнений чиновников можно выделить такие, которые резко отличались от других неожиданностью и специфичностью допускаемых изменений.

Так, витебский губернский уголовных дел стряпчий Чулицкий выразил точку зрения, что суд с участием присяжных при рассмотрении дел по обвинению женщин в тяжких преступлениях необходимо формировать особым образом: половину коллегии присяжных должны составлять женщины, а судьями обязаны выступать тоже женщины, так как только они могут «определить самым точным образом вину женщины и побуждения, вовлекшие ее в преступление».[6]

При подготовке к введению судебной реформы в Западном крае в печати звучала и точка зрения о том, что поляки не являются препятствием для проведения преобразований.

Так, Н.Ренненкампф писал, что «сделав самые незначительные и несущественные уклонения от судебных уставов» можно успешно провести реформу. Он указывал на следующие изменения: во-первых, назначение мировых судей от правительства; во-вторых, «определить процент польских уроженцев в числе 12 присяжных, и тем отнять у польского населения, более деятельного и интеллигентного, возможность преобладать в судах в качестве присяжных»; в-третьих, не допускать поляков к адвокатской деятельности.[7]

После официального введения в действие Судебных уставов 1864 г. подготовительные работы по преобразованию судебной системы на белорусской территории ускорились. Например, генерал-губернатор Северо-Западного края в сентябре 1865 г. предложил гродненскому губернатору, чтобы председатели палат уголовного и гражданского судов и прокурор в соответствии с инструкцией министра юстиции представили сведения по введению судебных уставов в Гродненской губернии «с условием, конечно, некоторых временных отступлений, вызываемых настоящим положением края, не вполне еще соответствующего всецелому применению гласного, основанного на выборном начале, судопроизводства».[8]

Одно из предлагаемых для обсуждения отступлений заключалось в существенной корректировке формирования суда присяжных и адвокатуры. Так, помимо общих условий, закрепленных уставами, присяжные заседатели и поверенные должны были быть «православного вероисповедания и хорошо умеющими читать, писать и говорить по-русски».[9] Таким образом, усиливался бы русский элемент в целом и, особенно, обеспечивалось его определяющее влияние в суде. Отзывы председателей гражданского и уголовного суда Гродненской губернии, а также губернского прокурора позволяют определить подходы к разрешению «польского вопроса» на белорусской территории. С одной стороны, например, указывалось, что недопущение местных юристов «из поляков» в адвокатуру противоречило бы «всем юридическим понятиям и в особенности состязательному началу, проводимому реформою».[10] С другой, предлагалось самым существенным образом ограничить, иногда до полного исключения, участие «лиц польского происхождения» в судебных учреждениях, особенно в системе местных судов.

Одним из представителей этой точки зрения был гродненский губернский прокурор Миловецкий, который писал, что «при выборном начале мировые судьи в западных провинциях, без сомнения, будут, по большей части, состоять из лиц польского происхождения, столь враждебных для России», «эти лица будут одними из самых усерднейших деятелей польской пропаганды».[11]

5. Материалы по преобразованию судебной части в России. Т. XXIV. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Часть первая. Спб., 1863. Т.XXIV. С.129-130
6. Материалы по преобразованию судебной части в России. Т.XX. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Часть первая. Спб., 1863. С.278.
7. Ренненкампф Н. Еще раз о сущности судебной реформы и о применении ее в юго-западном крае. Киев.,1866. С.5-6,10.
8. РГИА, Ф.1405, Оп.64, Д.5784, Л.2.
9. Там же, Л.1.
10. Там же, Л.12 об.
11. РГИА, Ф.1405, Оп.64, Д.5784, Л.14-14 об.

Важным моментом судебного реформирования, по мнению прокурора, является, как и указывал генерал-губернатор, формирование состава присяжных заседателей. Предлагалось расширить права крестьян по избранию в заседатели. В частности, допускать не только крестьян, занимающих какую-либо должность в органах крестьянского самоуправления, но также просто авторитетных и влиятельных. Обращает на себя внимание, что данное предложение касалось и православных, и католиков, так как крестьянство, в целом, проявило лояльность правительству во время восстания 1863 г. и поэтому заслуживало доверия.

Такое расширение прав крестьян позволяло ограничить или, во всяком случае, уравнять возможности достаточно многочисленной «прежней польской шляхты, обращенной в последнее время в податное состояние» и проживающей в сельской местности, быть избранной в присяжные заседатели.[12]

Один из судебных уставов – «Учреждение судебных установлений» - среди вопросов организации деятельности новых судебных органов важное место отводил суду присяжных (Раздел 2, глава 2, ст. 81-109).[13] Выборные присяжные заседатели вводились на уровне окружных судов.

Данный институт вводился в уголовный процесс для определения вины подсудимых и служил дополнительным средством обеспечения непредвзятости судебного решения.

Сама скамья присяжных состояла из 12 действительных и 2-х запасных заседателей.[14] Присяжные заседатели избирались из местного населения вне зависимости от сословной принадлежности. Предусматривались следующие условия, необходимые для избрания: русское подданство, возраст от 25 до 70 лет, ценз оседлости (проживание не менее 2-х лет в том уезде, где избирается), служебный ценз (в списки вносились все лица, состоящие на государственной службе и занимающие должности пятого и ниже классов, избранные в органы городского, дворянского, волостного, сельского управления), имущественный ценз (жалованье по службе, вознаграждение за труд или доход от капитала, занятие ремеслом или промыслами (в столицах – не менее 500 рублей в год, в других местах – не менее 200 рублей в год)).[15]

Конечно, порядок комплектования состава присяжных заседателей обеспечивал преобладание среди них привилегированных сословий и ограничивал доступ неимущих слоев населения. Однако предоставлял возможность участия для хозяйственных и предприимчивых представителей городского и сельского населения. Практика показала, что присяжными заседателями часто были именно крестьяне.

При подборе кандидатов к избранию присяжным заседателем законодатель делал акцент на то, чтобы он пользовался доверием, был «благонамеренным гражданином».[16] Поэтому не допускались в присяжные заседатели лица: «состоящие под судом и следствием», «подвергшиеся заключению в тюрьме или более строгому наказанию», состоявшие под судом за серьезные преступления и не получившие оправдания;[17] уволенные со службы в судебном порядке, исключенные из духовного звания за пороки; несостоятельные должники и расточители; невменяемые; не знающие русского языка.[18]

Обращает на себя внимание, что определенное вероисповедание законом не регламентировалось. Даже на более важные должности, например, судей, судебных приставов, адвокатов, законодательством была предусмотрена возможность занятия их лицами неправославной веры с обязательной присягой в соответствии с правилами их вероисповедания.[19]

Для избрания присяжных заседателей составлялись общие и очередные списки. Поручено это было особым комиссиям во главе с губернским предводителем дворян-

12. Там же, Л.15 об.
13. Российское законодательство X-XX веков: В девяти томах. – Т.8. Судебная реформа. – М.: Юрид.лит., 1991. – С. 40-44.
14. Там же, С. 184.
15. Российское законодательство X-XX веков: В девяти томах. – Т.8. Судебная реформа. – М.: Юрид.лит., 1991. – С. 41.
16. Там же, С. 91.
17. Там же, С. 41.
18. Там же, С.41.
19. Там же, С. 91.

ства. В их состав входили уездные предводители дворянства, городские головы, мировые судьи.[20]

Составленные комиссиями общие списки присяжных заседателей передавались губернатору для проверки благонадежности присяжных и утверждения. Губернатор имел право сокращать число избранных на 1/3 и даже 1/2, мог вычеркнуть любую кандидатуру с обоснованием причин. Затем на основании общих списков, публикуемых в местных ведомостях, уже составлялись очередные списки. В них включались те лица, которые в наступающем году должны были привлекаться к участию в заседаниях окружного суда.[21] За три недели до судебного заседания председатель суда по жребию отбирал 30 очередных и 6 запасных заседателей. К открытию заседания суда должно было быть налицо не менее 30 присяжных заседателей.[22] Список присяжных заседателей представлялся прокурору или частному обвинителю, а затем подсудимому. Подсудимый имел право отвести до 12 присяжных заседателей, а прокурор и частный обвинитель – не более 6. Из числа не отведенных для участия в процессе путем жеребьевки избиралось 12 комплектных и 2 запасных присяжных заседателя. Затем они приводились к присяге. Присяжные заседатели из своей среды избирали старшину из числа грамотных лиц для руководства их совещаниями.[23]

Исполнение должности присяжного заседателя являлось обязанностью и за уклонение от нее предусматривался штраф и лишение права избирать и быть избранным на должность, требующую общественного доверия.

Целиком судебные уставы были введены на белорусской территории почти через 13 после их официального провозглашения.

19 июня 1877 г. император Александр II утвердил мнение Государственного Совета о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. в полном объеме в 9 западных губерниях, к которым относилась и белорусская территория. Закон был обнародован в августе.

В нем говорилось и о суде присяжных, формирование состава которого на данной территории регулировалось с отступлением от общих правил.

Состав временных комиссии по каждому уезду при отсутствии земских учреждений формировался особым образом: в него входили уездный предводитель дворянства, все местные мировые судьи, мировые посредники, уездный исправник и полицмейстер.[24]

Важно отметить, что и проверка списков присяжных заседателей, составленных уездными комиссиями, отличалась от порядка, закрепленного ст.94-96 Учреждения судебных установлений. Так, например, губернская комиссия, в состав которой входили, помимо губернатора, губернский предводитель дворянства, председатели местных окружного суда и съезда мировых судей, прокурор окружного суда, имела право исключать из списков кандидатуры без указания причин (указание причин требовалось по ст.94). Более того, постановления комиссии по исключению из общих списков присяжных заседателей не подлежали обжалованию, что в свою очередь противоречило ст.95-96 УСУ.[25]

Следующим, отличительным от общего порядка, был вопрос о количестве евреев, вносимых в список присяжных заседателей, что вообще не было отражено в главе 2 «О присяжных заседателях» УСУ.

Так, отмечалось, что при составлении очередных и запасных списков присяжных заседателей необходимо было соблюдать, чтобы число евреев, вносимых в эти списки, «соответствовало процентному отношению общего числа их в каждом уезде к численности всего населения уезда».[26]

Старшина присяжных заседателей обязательно должен был быть избираем из «лиц христианских исповеданий».[27]

20. Там же, С. 42-43.
21. Российское законодательство X-XX веков: В девяти томах. – Т.8. Судебная реформа. М.: Юрид.лит., 1991. С. 42-43.
22. Там же, С. 174.
23. Там же, С. 184-185.
24. Певзнер, Б.В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае. / Б.В. Певзнер. – Житомир, 1880. – С. 2
25. Певзнер, Б.В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае. / Б.В. Певзнер. – Житомир, 1880. – С. 2
26. Там же, С. 2.
27. Там же, С. 3.

Суд присяжных был краеугольным камнем реформы уголовной юстиции Российской империи. Само участие присяжных заседателей уже предполагало демократическую процедуру судебного разбирательства и противоречило обвинительному уклону в сфере уголовного судопроизводства.

Этот институт стимулировал состязательность процесса, совершенствовал создание доказательной базы, повышал профессиональный уровень юристов, положительно влиял на рост правового сознания населения.

Однако следует отметить, что данный институт, основанный на широком вовлечении представителей общества в одну из сфер государственной деятельности – отправление правосудия, начал действовать при отсутствии в империи представительных учреждений.

Литература:

1. Материалы по преобразованию судебной части в России. Т.XX. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Часть первая. Спб., 1863.
2. Материалы по преобразованию судебной части в России. Т.XXIV. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Часть первая. Спб., 1863.
3. Певзнер, Б.В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае. / Б.В. Певзнер. – Житомир, 1880. – 351 с.
4. Российское законодательство X-XX веков: В девяти томах. – Т.8. Судебная реформа. – М.: Юрид.лит., 1991. - 496 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ СКРЕЩЕННЫХ СТРЕЛ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ (1939–1944 ГГ.): ПРАВОРАДИКАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА

Activity of the Arrow Cross Party in the Subcarpathian Rus (1939–1944): right-wing ideology in the national-cultural life of the region's context

УДК 323.1(477:439)(091)«1939/1944»

Олег Геннадьевич Казак, Магистр исторических наук, аспирант истфака БГУ (Минск).

Oleg Kazak, Master of Historical Sciences, a graduate student of historical faculty of the Belarusian State University

Резюме: В статье рассматривается деятельность праворадикальной Партии скрещенных стрел в Подкарпатской Руси в 1939–1944 гг., анализируются причины ее популярности у определенной части русофильской и украинофильской интеллигенции региона.

Ключевые слова: русины, русофилы, украинофилы, Партия скрещенных стрел, Русская национально-автономная народная партия.

Summary: In this artic e is devoted the activiti of right-wing Arrow Cross Party in Carpathian Rus in 1939–1944, analyzes the reasons for its popularity in a part of the russophile and ukrainophile intelligentsia in the region.

Keywords: rusyns, rusophile, ukrainophiles, Arrow Cross party, Russian na onal autonomous folk's party..

KEY WORDS Uprising 1863, press, Slavic reciprocity, Poland, Russia

После поэтапного включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) новые власти активно насаждали в качестве официальной идеологии курс «угро-русинизма», в рамках которого утверждалось наличие отдельного русинского народа, который не являлся частью русских или украинцев и был обязан своим культурным и социально-экономическим процветанием исключительно венгерскому государству. Центральные власти всячески склоняли политиков Подкарпатской Руси к участию в деятельности провластной Венгерской партии жизни (далее – ВПЖ), которая полностью поддерживала правительственный курс и являлась опорой режима М. Хорти. Членами этой политической структуры стали практически все представители местной администрации, а также поддержавшие курс «угро-русинизма» общественные деятели региона, склонные к политическому конформизму. Нереализованные амбиции представителей интеллигенции с русофильскими и украинофильскими убеждениями заставили их ориентироваться на различные формы политического радикализма. Данному феномену способствовал также разительный контраст между декларируемыми пропагандистскими лозунгами и реальными неутешительными итогами деятельности венгерской администрации в Подкарпатской Руси. Директор ужгородского отделения министерства пропаганды Венгрии Т. Ортутай в своих воспоминаниях отмечал, что ситуацией в Подкарпатской Руси были недовольны не только восточнославянские жители, но и автохтонные венгры: «Если бы было изобретено “духовное” рентгеновское обследование, оно помогло бы распознать многочисленные случаи недружелюбного отношения к венгерской политической и хозяйственной жизни. Но эта рентгенография понадобилась бы не только русинам, но и венграм, так как среди них есть граждане, в которых живут как крайне левые, коммунистические чувства, так и крайне правые, нилашистские».[1] Если об участии населения Подкарпатской Руси в коммунистическом движении написано множество работ (впрочем, зачастую тенденциозного характера), то деятельность фашистской Партии скрещенных стрел (венг. Nyilaskeresztes Párt, далее – ПСС) Ф. Салаши остается крайне малоизученной страницей истории края. Программа ПСС (основана в 1937 г.) базировалась на идеологии венгерского ультранациона-

1 Fedinec C. «A Magyar Szent Koronához visszatért Kárpátalja» 1938–1944. Budapest, 2015. O. 99.

лизма и национал-социализма.

На парламентских выборах в 1939 г. партия набрала 15 % голосов избирателей и стала второй (после ВПЖ) политической силой в Венгрии. Адекватный анализ праворадикального крыла политического спектра Подкарпатской Руси необходим для построения более точной картины общественного ландшафта региона.

Естественным симпатиком ПСС виделся руководитель Русской национально-автономной народной партии (далее – РНАНП) С. Фенцик, разделявший русофильские, крайне правые и антисемитские взгляды. В 1938–1939 гг. он вел активную пропаганду фашистских идей: «Фашизм – явление новое, передовое, прогрессивное. Демократия одряхла, обанкротилась. Ей на смену идет фашизм как концентрация народных сил. Фашизм конструктивен. Его задача не разрушать, а строить».[2] Начало контактов лидеров РНАНП и ПСС датируется летом 1939 г. 23 июля 1939 г. будапештское руководство ПСС во главе с К. Гуйбайи, Л. Сечени, депутатами А. Керекешем и Г. Прелле, лидерами молодежного крыла партии Т. Гечке и К. Эрдейи посетило Ужгород, где встретилось со С. Фенциком и двумя другими русофилами – С. Станканинецем и А. Шпеньиком. В ужгородском ресторане данные лица обсудили программные документы движения, в частности, опубликованную в марте 1939 г. депутатом К. Рацем брошюру «Чего хотят нилашисты». Пропагандистская работа среди русинского населения была возложена на С. Фенцика и его приближенных.[3] С. Фенцик, имевший тесные контакты с польским консульством в Ужгороде (данная структура оказывала финансовую поддержку деятельности РНАНП по дестабилизации ситуации в Чехословакии в 1930-е гг.), предлагал летом 1939 г. консулу М. Щеньовскому свое посредничество в налаживании связей с руководством ПСС. Польского дипломата, однако, не заинтересовало данное предложение, а после событий сентября 1939 г. этот проект С. Фенцика утратил всякую актуальность.[4] Активные контакты членов РНАНП с руководством ПСС продолжались и в дальнейшем, о чем свидетельствует отчет жупана жупы Унг-Берег-Угоча А. Шименфалви, направленный премьер-министру Венгрии П. Телеки 12 октября 1940 г.[5]

Деятельное участие в партийном строительстве принимал выходец из Подкарпатской Руси, студент Печского университета И. Ковач. Он, будучи убежденным русофилом, поддерживал контакты со С. Фенциком. К одному из полицейских отчетов было приложено письмо И. Ковача будапештскому партийному руководству ПСС. В нем представлено типичное для русофилов видение национально-культурной ситуации в крае: «Мы намерены следовать традициям, основы которым заложили писатели и поэты прошлого века, такие как А. Духнович, А. Павлович, Ю. Попрадов-Ставровский, И. Сильвай, М. Лучкай, Е. Фенцик, и которые последние 20 лет в поэтическом и литературоведческом аспектах подавлялись. Эти люди всегда выступали за единство с другими восточнославянскими народами и проповедовали их культурное единообразие. Мы не хотим, чтобы из нашего народа создавали отдельную национальность, самостоятельную культуру, которая не имеет ничего общего с живущими за Карпатами родственниками по крови». При этом И. Ковач выступал за сохранение Подкарпатской Руси в составе Венгрии на условиях широкой автономии. [6]

Природу ориентации русофильских деятелей на ПСС как попытку реализации невостребованных венгерским режимом национально-культурных программ наглядным образом иллюстрирует история греко-католического священника с. Пестрялово (близ Мукачево) И. Михая. Как следует из отчета регентского комиссара Подкарпатской территории П.В. Томчани, направленного премьер-министру Венгрии 14 марта 1943 г., И. Михай в межвоенный период являлся членом русофильской партии Автономный земледельческий союз. В течение всего периода чехословацкой и украин-

2 Капраль М. Русскоязычная периодика Венгрии: «Карпаторусскій Голосъ» // Slavica Szegediensia / szerk.: J. Krékits. Szeged, 2003. O. 124.

3 Magyar Királyi rendőrség ungvári kapitányságnak jelentés Belügyminisztérhez. Tárgy: «A nyilaskeresztes párt szervezkedése Ungváron», 1939. július 27 // Magyar Nemzeti Levéltár Országo Levéltára (MNL OL). F. K 149. 209. cs. 1939. 6. t. O. 1.

4 Домбровський Д. Польща і Закарпаття: 1938–1939. Київ, 2012. С. 353.

5 Bereg és Ugocsa vármegyek főispánjanak levele miniszterelnökhoz. Tárgy: «Havi összesitő nemzeti égpoli kai jelentesek felterjesztese», 1940. október 12 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 56. Л. 22.

6 Magyar Királyi rendőrség pécsi kapitányságanak (Pécs) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Kovács Iván egyetemi hallgató megfigyelése , 1941. július 4 // MNL OL. F. K 149. 248. cs. 1942. 4. t. O. 17–19.

ской власти (т.е. во время деятельности в Подкарпатской Руси автономного украинофильского правительства А. Волошина в октябре 1938 г. – марте 1939 г.) он «выражал антиукраинские симпатии», за что был арестован и находился в заключении с декабря 1938 г. по 15 марта 1939 г. После освобождения греко-католический священник вернулся в с. Пестрялово, однако, по его словам, не нашел себя в венгерской политической жизни. Разочарованность в венгерском режиме в конечном счете подтолкнула И. Михая к налаживанию контактов с руководством ПСС. [7]

Контакты с ПСС установили и украинофильские деятели, которые после событий марта 1939 г. фактически оказались за бортом политической жизни региона. В октябре 1940 г. украинофилы А. Лавришин, Н. Бандусяк, А. Ворон, Ф. Ревай, Н. Лацинич и И. Горват встретились с Ф. Салаши в будапештском ресторане «Гало». В подготовленном меморандуме представители интеллигенции региона требовали широкой автономии для Подкарпатской Руси, удовлетворения культурных запросов населения. Ф. Салаши указал на естественное доминирование венгров в Карпато-Дунайском регионе, а также назвал русинов отдельным народом, а не частью русских или украинцев, чем вызвал недовольство украинофила А. Ворона. Только во время второй встречи (5 ноября 1940 г.) был подписан договор о сотрудничестве между Ф. Салаши, с одной стороны, и Ф. Реваем, Н. Бандусяком, А. Лавришиным, с другой. [8]

Из отчета заместителя руководителя ПСС Т. Шаги (8 октября 1940 г.), который лично трижды приезжал в Подкарпатскую Русь с партийными заданиями, следует, что осенью 1940 г. здесь существовали первичные организации партии в 40 населенных пунктах и были назначены 10 руководителей местных организаций.[9] Однако какой-либо заметной роли в решении вопросов жизни региона они не играли. Например, в полицейском отчете за 1 квартал 1942 г. отмечалось, что в Хустском округе «работа нилашистов была незначительной, ограничивалась формой дружеских бесед, они не проводили общественной работы».[10] Деятельность нилашистской группы в с. Середнее ограничилась тем, что ее члены «разбили окна в домах нескольких еврейских семей».[11]

Таким образом, сотрудничество представителей интеллигенции Подкарпатской Руси как русофильских, так и украинофильских взглядов с праворадикальной ПСС являлось одной из попыток данных идеологических сил повысить свое влияние на национально-культурный ландшафт региона. Деятельность нилашистких групп, однако, эффективно контролировалась органами безопасности и представляла намного меньшую угрозу для венгерского режима в крае, чем просоветские настроения в среде восточнославянского населения.

7 A kormányzói biztosnak jelentés belügyminisztérhez. Tárgy: «A Nyilaskeresztes Párthoz beérkező kárpátaljai panaszok», 1943. március 14 // MNL OL. F. K 149. 264. cs. 1943. 4. t. O. 28.
8 Офіцинський Р.А. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ, 1997. С. 161–162.
9 Там же. С. 162.
10 Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhez (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányság és alérendelt kirendeltségek 1942. 1 negedévi működéséről jelentés» // MNL OL. F. K 149. 250. cs. 1942. 6. t. O. 999.
11 Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhez (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányság és alérendelt kirendeltségek 1941. 4 negedévi működéséről jelentés», 1942. január 12 // MNL OL. F. K 149. 250. cs. 1942. 6. t. O. 977.

Список литературы:

1 Домбровський Д. Польща і Закарпаття: 1938–1939. Київ: Темпора, 2012. 391 с.

2 Капраль М. Русскоязычная периодика Венгрии: «Карпаторусскій Голосъ» // Slavica Szegediensia / szerk.: J. Krékits. Szeged, 2003. O. 121–131.

3 Офіцинський Р.А. Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. 244 с.

4 A kormányzói biztosnak jelentés belügyminisztérhez. Tárgy: «A Nyilaskeresztes Párthoz beérkező kárpátaljai panaszok», 1943. március 14 // MNL OL. F. K 149. 264. cs. 1943. 4. t. O. 28.

5 Bereg és Ugocsa vármegyek főispánjanak levele Miniszterelnökhoz. Tárgy: «Havi összesitő

nemze ségpoliti ai jelentesek felterjesztese», 1940. október 12 // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8091. Оп. 46. Д. 56. Л. 22.

6 Fedinec C. «A Magyar Szent Koronához visszatért Kárpátalja» 1938–1944. Budapest: Ja a Kiadó, 2015. 250 o.

7 Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányság és alérendelt kirendeltségek 1942. 1 negedévi müködéséről jelentés» // MNL OL. F. K 149. 250. cs. 1942. 6. t. O. 992–1007.

8 Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányságnak (Ungvár) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Határvidéki Magyar Királyi rendőrkapitányság és alérendelt kirendeltségek 1941. 4 negedévi müködéséről jelentés», 1942. január 12 // MNL OL. F. K 149. 250. cs. 1942. 6. t. O. 976–990.

9 Magyar Királyi rendőrség pécsi kapitányságanak (Pécs) jelentés Belügyminisztériumhoz (Közbiztonsági Osztály). Tárgy: «Kovács Iván egyetemi hallgató megfig elése», 1941. július 4 // MNL OL. F. K 149. 248. cs. 1942. 4. t. O. 5–21.

10 Magyar Királyi rendőrség ungvári kapitányságnak jelentés Belügyminisztérhoz. Tárgy: «A nyilaskeresztes párt szervezkedése Ungváron», 1939. július 27 // Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL). F. K 149. 209. cs. 1939. 6. t. O. 1–2.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ В ПРОГРАММАХ СЕРБСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

EURASION UNION IN THE PROGRAMS OF THE SERBIAN POLITICAL PARTIES

УДК 329

Зоран Милошевич
профессор, доктор социологии. Институт политических исследований. Белград, Сербия
Prof., Ph.D. Zoran Miloshevich
Ins tute for Poli cal Studies . Belgrade, Serbia

РЕЗЮМЕ. Анализируя программы партий и заявления их официальных представителей, мы пришли к следующему выводу: во-первых, программы партий устарели, а во-вторых в них явно прослеживаются черты интеграционных процессов: евроатлантических, евразийских (с Россией, прежде всего), неоосманских и четвертый блок так называемых суверенистских, согласно которым Сербия не должна интегрироваться ни с одним государством, оставаясь суверенной и самостоятельной. Когда речь идет о России, все партии, стремящиеся к евроатлантическим интеграциям, а также суверенисты, используют понятие «сотрудничество», а когда упоминают о Европейском союзе, то говорят об интеграциях. Также, у самых мощных парламентских партий Сербии наблюдаются значительные колебания в отношении к Европейскому Союзу по причине нечеткого и неизвестного числа условий, а также прямого шантажа, который проявляется, прежде всего, в требовании от властей Сербии отказа от Косова и Метохии и в предложениях принять различные декларации в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, посредством которых осуществляется попытка поставить на сербах метку геноцидного народа.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Евразийский союз, интеграции, Сербия, политические партии, политика, общественное мнение, программы политических партий

RESUME.Analysing the programs of Serbian poli cal partie and declara ons of their representati es, one should make conclusion that those programs are mostly outdated and that they reflect arious forms of integration rocesses: Euroatlantic, E rasian with Russia and new-Osmanic. The forth group unites supporters of sovereignty, who are against any integration supporti g sovereign and independent Serbia.When it comes to Russia, all Euroatlantic and sovereign parti s resort to a term “cooperatio ”, while dicsussing European Union they talk about “integratio s”. The most influe al Serbian poli cal partie represented in the parliament are quite uncertain in their a tudes towards EU, which stems from unclear cond ons and direct blackmail. This blackmail is manifested in the demands that Serbia must give up Kosovo and Metokhia as well as in accepting eclaration in the UN accusing Serbs of commi ng genocide.
KEY WORDS. Eurasion Union, integrations, Serbia, po i cal par es, policy, public opinion, poli cal programs

В Сербии насчитывается около 107 зарегистрированных политических партий,[1] а после республиканских выборов, состоявшихся 24 апреля 2016 г., в республиканском парламенте было сформировано 22 депутатских клуба, и самостоятельно выступают 3 депутата. Нас интересовало отношение данных партий к России и Евразийскому союзу, поэтому мы, используя методы анализа и синтеза, попытались исследовать данный вопрос. Также, следует отметить, что официальное программное определение партий по вопросам международных интеграций (Европейский Союз, суверенитет и турецкая концепция неоосманизма) подвергается деструкции со стороны таких текущих факторов, как, например, референдум в Великобритании о выходе из Евросоюза, а также различного рода шантажа (Сербию, например, шантажируют, требуя отказа от части своей территории –Косова и Метохии, разрешения самостоятельности для автономного края Воеводина, хотя в ней сербы составляют 70-процентное большинство, отказа от традиционной идеологии и принятия такназываемой европейской, вхождения в НАТО, хотя Альянс без согласия Совета Безопасности ООН напал на Союзную Республику Югославию, т.е. Сербию и Черногорию и проч.). Все это заставляет некоторых партийных лидеров явно отходить от программных целей. Конечно же, следует напомнить, что существует и третий фактор – СМИ, формирующие общественное мнение, и здесь произошёл почти феноменальный по-

1.Веселиновић, С.Србија има 107 политичких странака, стиже још једна – „затворенička“ партија Јоце Амстердама[Электронный ресурс] / С. Веселиновић. – Режим доступа: http:/ www.carsa.rs/srbija-ima-107-poli ckih-stranaka-s ze-jos-jedna-zatvorenicka-par ja-joce-amsterdama/

ворот, заключающийся в том, что интернет-порталы по влиянию становятся практически равными телевидению, а именно данное средство информирования используют поборники евразийского союза в Сербии, так как они не могут получить доступ к большим государственным СМИ. Другими словами, общественное мнение Сербии более склоняется к России, нежели к Евросоюзу, и это константно.[2]

Согласно исследованиям общественного мнения факультета политических наук (которое, как и любое другое аналогичное исследование, нужно принимать с резервом, так как оно проводилось по заказу Брюсселя) были получены следующие данные: молодежь в Сербии в большой процентном соотношении не поддерживает вступление Сербии в Евросоюз (ЕС), большой процент опрошенных (якобы) не достаточно проинформирован, 79,4 процентов считают, что дела в Сербии не развиваются в правильном направлении – таковы результаты исследования, представленного на факультете политических наук в Белграде.[3] Как показало исследование, уже 33 процента молодых людей не поддерживает евроинтеграции Сербии, 40 процентов – поддерживает, 27 – равнодушны.Также оказалось, что, чем старше опрошенные, тем больше поддержка вступлению Сербии в ЕС. В качестве главного источника информации о ЕС молодежь использует СМИ, а именно телевидение, интернет, газеты и интернет-порталы. Около 24 процентов молодежи высказалось о том, что вступление Сербии в ЕС произвело бы на них негативное впечатление, 47 процентов считают, что данным шагом Сербия бы потеряла Косово и Метохию, 32 процента – что потеряла бы суверенитет в решении вопросов, а 14 процентов – что ухудшилась бы ситуация в Сербии.

Конечно же, из исследования не видно, какими идеями вдохновляется молодежь. Иными словами, чтобы понять, какими идеями руководствуется молодежь, нужно исследовать оппозиционные идеи, а не только позицию молодежи по отношению к Евросоюзу. Но так всегда происходит с проведенными по заказу исследованиями. Поэтому их и нужно принимать с резервом, так как известно из науки, что оппозиционность рассматривается с точки зрения аспекта девиантности, что, в свою очередь, в Сербии позволило придать всем альтернативным политическим идеям, даже и интеграционным, криминальный характер и поставить на них печать нежелательных. Конечно же, речь идет обо всех идеях, кроме евроатлантических.[4] В Сербии еврофанатизм достиг, по оценкам Деяна М. Вукчевича, размеров банальности, что, разумеется, дисквалифицирует саму идею.[5]

В таких обстоятельствах попробуем дать ответ, каким образом партии понимают проблему интеграций, особенно согласно евразийскому проекту.

Мы рассмотрели партийные программы, заявления официальных лиц партий и установили следующее: во-первых, программы устарели, разрабатывались они на скорую руку и в большей степени формально («чтобы были»), все они возникли между 2008 и 2011 гг. Четко выделяются три подхода к интеграциям: евроатлантический, евразийский (прежде всего, с Россией) и третий блок, такназываемый суверенистский, который считает, что Сербия не должна интегрироваться ни с одним другим государством, оставаясь суверенной и самостоятельной. Когда речь идет о России, все партии, направленные на евроатлантические интеграции, а также суверенисты, используют понятие «сотрудничество», а когда упоминают о Европейском союзе, то говорят об интеграциях.[6] Типичное заявление сербских политиков звучит следующим образом: «Сотрудничество с Россией имеет приоритетное значение, и мы видим в этом сотрудничестве не только настоящее, но и будущее», как заявил недавно заместитель председателя «Сербской прогрессивной партии» Марко Джурич.[7]

1.2. См.: Милошевић, З.Нови пут Русије. Русија у поствизантијском геополитичком и религиозном вртлогу / З. Милошевић. – Источно Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства, 2005.

3. Млади у Србији против уласка у ЕУ: држава креће у кампању да то промени[Электронный ресурс – Режим доступа: http:/ www.carsa.rs/mladi-u-srbiji-pro v-ulaska-u-eu-drzava-krece-u-kampanju-da-to-promeni/05.06.2016.

4. См.: Haralambos,M.Sociologija, Teme in pogledi /M.Haralambos, M Holborn. – Ljubljana: DSZ, 1999.– S. 393.

5. Вукчевић, Д.М. «Баналниевропеизам» иидентитетупроцесуевропскеинтеграције / Д.М. Вукчевић // Национални-идентитетимеђународнеинтеграције: зборникчланака /Институт за политичке студије; приредили3. Милошевић, Ж.Ђурић. –Београд, 2015. –С. 177.

6. Следует отметить, что в самой России возникает мысль о том, что России нет счастья без (остальных) славян. Иными словами, она судьбоносно направлена на славян. См.: Никифоров, К. Куда ће Русија без Словена / К. Никифоров //Јединство православних Словена: зборник радова / Филозофски факултет;приредио З. Милошевић. – Источно Сарајево, 2006. – Књига прва. –С. 46.

7. Сотрудничество с Россией – будущее Сербии [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http:/ www.ves - online.com/Vesti Srbija/581601/Saradnja-sa-Rusijom-je-buducnost-Srbije

Также, у самых мощных парламентских партий Сербии наблюдаются значительные колебания по отношению к Европейскому Союзу. Напомним чисто по методологическим причинам, что во время создания программ сербских политических партий, евразийская идея со стороны России, Казахстана и Беларуси еще не была оформлена в той мере, чтобы можно было четко понимать, какие страны хотелось бы видеть в союзе, поэтому мы рассматривали отношение сербских парламентских политических партий к России, как к стержню евразийских собраний. Фактическое положение, которое мы установили, в целях наглядности мы представили в таблице № 1.

По таблице можно заключить, что открыто за Россию и Евразийский союз выступает только одна парламентская партия – Сербская радикальная партия Воислава Шешеля (представленная 22 депутатами), 17 партий (187 депутатов) – за интеграцию в Евросоюз, и три партии выступают за самостоятельную и суверенную Сербию (16 депутатов) без сближения с кем-либо.

КАКИЕ ПРОЕВРОПЕЙСКИЕ ПАРТИИ КОЛЕБЛЮТСЯ, Т.Е. МОГУТ ОТОЙТИ ОТ ПРОГРАММНОЙ ЦЕЛИ ВСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОСОЮЗ?

Если использовать другой метод, т.е. принять во внимание заявления политических лидеров и их действия на практике, можно сделать вывод, что среди сербских политических партий существуют четыре идеи касательно места Сербии в мире.

Во-первых, некоторые партии, которые официально выступают за Евросоюз, склоняются к Евразийскому союзу (Сербская прогрессивная партия, Социалистическая партия Сербии, Демократическая партия Сербии, «Единая Сербия» и «Новая Сербия»). Сила данной группы составляет 138 депутатов, к которым стоит прибавить 22 депутата Сербской радикальной партии, непоколебимо выступающих за Евразийский союз, что составляет 150 депутатов из 250 мест, которые насчитываются в сербском парламенте.

Во-вторых, некоторые партии, поддерживающие Евросоюз, склоняются к Турции и Албании, а если точнее – к неоосманской идее (Социал-демократическая партия Сербии Расима Ляйича, Партия демократического движения Санджака и Партия демократических действий Ризы Халими. Мощь данной группы составляет 14 депутатов.

Таблица № 1: Программные официальные позиции касательно интеграций сербских парламентских партий

партия - количество депутатских мандатов в республиканском парламенте)	за Евразийский союз	за Евросоюз	против любых интеграций – самостоятельная суверенная Сербия в существующих на сегодня границах	за интеграцию с Турцией	существуют ли колебания
Сербская прогрессивная партия (*Српска напредна странка*) - 98		ДА			ДА
Социалистическая партия Сербии (*Социјалистичка партија Србије*) - 23		ДА			ДА
Сербская радикальная партия	ДА				НЕТ
«Хватит» (*Доста је било*) - 16		ДА			НЕТ
Демократическая партия (*Демократска странка*) – 15		ДА			НЕТ
Социал-демократическая партия Сербии (*Социјалдемократска партија Србије*) – 10		ДА			ДА
Партия объединенных пенсионеров Сербии (*Партија уједињених пензионера Србије*) – 9		ДА			?
«Двери» (*Двери*) – 7			ДА		ДА
«Единая Сербия» (*Јединствена Србија*) – 6		ДА			?
Демократическая партия Сербии (*Демократска странка Србије*) – 6			ДА		
«Новая Сербия» (*Нова Србија*) – 5		ДА			ДА
Социал-демократическая партия Сербии (*Социјалдемократска странка*) – 5		ДА			НЕТ
Либерально-демократическая партия (*Либерално демократска партија*) – 3		ДА			НЕТ

Таблица № 1: Программные официальные позиции касательно интеграций сербских парламентских партий (продолжение)

ПАРТИЯ - КОЛИЧЕСТВО ДЕПУТАТСКИХ МАНДАТОВ В РЕСПУБЛИКАНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ)	ЗА ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ	ЗА ЕВРОСОЮЗ	ПРОТИВ ЛЮБЫХ ИНТЕГРАЦИЙ – самостоятельная суверенная Сербия в существующих на сегодня границах	ЗА ИНТЕГРАЦИИ С ТУРЦИЕЙ	СУЩЕСТВУЮТ ЛИ КОЛЕБАНИЯ
Партия демократического движения Санджака (*Странка демократске акције Санџака*) – 3		ДА			ДА
Лига социал-демократов Воевидины (*Лига социјалдемократа Војводине)* - 3		ДА			НЕТ
Движение социалистов (*Покрет социјалиста*) – 3			ДА		НЕТ
Союз воеводинских венгров (*Савез војвођанских Мађара*) – 3		ДА			НЕ
«Зеленая партия» (*Зелена странка*) – 2		ДА			НЕТ
Партия демократических действий (Партија за демократско деловање) – 2		ДА			ДА
Народная крестьянская партия (*Народна сељачка странка*) – 1		ДА			ДА
Объединенная крестьянская партия (*Уједињена сељачка странка*) – 1		ДА			ДА
Депутаты без политических партий – 3	?	?	?		?
ИТОГО:	1	17	3	0	9

В-третьих, среди так называемых суверенистских партий также есть колебания в пользу Евразийского союза, прежде всего у Движения социалистов, «Двери», Демократической партии Сербии, а это составляет 16 депутатов.

В-четвертых, существуют партии, непоколебимо поддерживающие Евросоюз («Хватит – Саша Радулович», Демократическая партия, Партия объединенных пенсионеров Сербии, Социал-демократическая партия, Союз воеводинских венгров, «Зеленая партия» и две «крестьянские» партии). Данные партии обладают силой 52 депутатов.

Таблица № 2: КОЛЕБАНИЯ В ПРОГРАМНОЙ ПОЗИЦИИ ПАРТИЙ ФОРМИРУЮТ НОВУЮ КАРТИНУ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРЕМЛЕНИЙ

ЗА ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ	ЗА ЕВРОСОЮЗ	ЗА ТУРЦИЮ	СУВЕРЕНИСТЫ
5 партий / 150 депутатов	8 партий / 52 депутата	3 партии / 16 депутатов	3 партии / 16 депутатов

Иными словами, политические позиции, заявленные в программах партий, могут быть отброшены по причине изменившихся обстоятельств и устаревания данных позиций.

Попробуем кратко пояснить данное предположение.

Во время 15-го конгреса российской политической правящей партии «Единая Россия» четыре партии подписали Декларацию «О создании военно-нейтральной зоны на Балканах» (Декларация о дальнейшем сотрудничестве с партией «Единая Россия»). Это Сербская прогрессивная партия, Демократическая партия Сербии, «Двери» и Сербская народная партия Ненада Поповича (партия маленькая и не обладает самостоятельных депутатским клубом, но она выступает в коалиции с Сербской прогрессивной партией). Согласно Декларации и заявлениям «Единой России», цель данного документа заключается в создании территории суверенных нейтральных государств, куда бы входили Сербия, Черногория, Македония и Босния и Герцеговина.

Все это происходило после 22 июня 2016 г., когда Российская Государственная Дума приняла заявление, в котором балканские государства призываются противостоять установке противоракетных систем НАТО, а также вхождению Черногории в

Альянс.

Иными словами, очевидно отступление от программ во всех партиях, кроме Сербской народной партии, которая с момента сознания выказывала такую позицию.

СЕРБСКАЯ ПРОГРЕССИВНАЯ ПАРТИЯ

Сербская прогрессивная партия выступает за вступление Сербии в Евросоюз, а также за тесное сотрудничество с Российской Федерацией, Соединенными Штанами Америки, Китаем, Японией и странами третьего мира, становящимися все более значительными носителями мирового развития.[8] В этом предложении слова после «Евросоюз» звучат как «утешение» для избирателей или тех, кто разочаровалсяв первой частипредложения.

Сербская прогрессивная партия среди прочего выступает, согласно четвертому пункту общих принципов, за Сербию в Европе и сотрудничество с миром. В программе это объясняется следующим образом: укрепление позиций и авторитета Республики Сербия в мире, вступление в Евросоюз, тесное сотрудничество с Российской Федерацией во всех областях и развитие сотрудничества с США, КНР, Индией, Бразилией, Японией и всеми традиционно дружественными странами по отношению нашей стране.

Сербская прогрессивная партия образовалась в сентябре 2008 г. посредством выхода фракции Томислава Николича (настоящего президента Сербии) из Сербской радикальной партии. Конфликт между Николичем и Шешелем стал достоянием общественности после заявления Николича о том, что радикалы в Народной Скупщине поддержат принятие Соглашения о стабилизации и присоединении к Евросоюзу, что, в свою очередь, встретило сопротивление со стороны Шешеля и его последователей.

Томислав Николич 5 сентября 2008 г. подал в отставку с места руководителя депутатской группы и заместителя председателя «Сербской радикальной партии» и основал депутатскую группу «Вперед, Сербия!» в Народной Скупщине. Руководство Сербской радикальной партии, лояльное Шешелю, 12 сентября того же года исключило Николича и еще девятерых его последователей из рядов Сербской радикальной партии. Статус депутатских мандатов Сербской радикальной партии оказался предметом спора между двумя партиями, так как Сербская радикальная партия требовала, чтобы ей вернули 22 мандата. Сербская прогрессивная партия была зарегистрирована в реестре политических партий Республики Сербия 10 октября, а организационное заседание состоялось 21 октября 2008 г. На заседании Николич был выбран председателем, а Александр Вучич – заместителем председателя.

В конце мая 2016 г., уже после проведения выборов в Сербии, сербский премьер-министр Александр Вучич был в Москве, после чего его партия и он сам «повернулись спиной к Западу», по оценкам сербских аналитиков. Одной из причин таких выводов стало якобы то, что «Владимир Путин настаивал на том, чтобы Социалистическая партия Сербии вошла в состав нового правительства Сербии. Следует отметить, что Социалистическая партия Сербии в течение последнего времени, вернее с 2012 г.,позиционировала себя в качестве пророссийской партии, хотя в ее программе есть положении о необходимости вступления в Евросоюз. Вообще, представители данной партии тесно сотрудничают с российскими компаниями, особенно с ПАО «Газпром».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СЕРБИИ

Социалистической партии Сербии в евроатлантических интеграциях мешает «атлантизм», вернее НАТО. Партия высказалась против Альянса, но не против Евросоюза.

Программа партии принята 11 декабря 2010 года.[9] В программе констатируется: «Принимая во внимание огромные людские и материальные потери, которые страна претерпела во время военных действий XX в.: во время Первой и Второй мировых войн, в гражданской войне и этнических конфликтах в течение последнего десятиле-

8. h ps://www.sns.org.rs/o-nama/program-srpske-napredne-stranke

9. h p://www.sps.org.rs/documents/PROGRAM%20SPS.pdf

тия прошлого века и НАТО-бомбардировки, социалисты считают, что Сербия должна развивать концепцию нейтральности».

Фактом остается то, что Республика Сербия настроена на вступление в Евросоюз. С другой стороны, концепция евроатлантических интеграций подразумевает три аспекта: политический, экономический и аспект военной безопасности.При этом, несмотря на все трансформации, которые претерпел Альянс, особенно после окончания Холодной войны, НАТО все-таки остается в первую очередь военным союзом. Сербия сегодня не является целью угроз, от которых могла бы защититься членством в военном союзе. Вместе с тем, социалисты также исходят из того, что незаконное и нелегитимное нападение НАТО в 1999 году на нашу страну, большие материальные разрушения, человеческие жертвы и военно-политическая поддержка сецессионистов создали серьезное препятствие для членства Сербии в НАТО. Принятие со стороны Сербии программы «Партнерство во имя мира» мы понимаем, как подтверждение нашей готовности принять самые высокие стандарты в области безопасности и обязательства, вытекающие из необходимости усиления мер безопасности в международном сообществе. Мы считаем это достаточной формой, посредством которой мы можем удовлетворить наши потребности в области безопасности и выполнить международные обязательства.[10]

СЕРБСКАЯ РАДИКАЛЬНАЯ ПАРТИЯ

Партия приняла программу 23 октября 2009 года и не меняла ее. О Евросоюзе, как и о Евразийском союзе, прямых заявлений в ней нет, может быть, по причине того, что во время написания программы «евразийство» еще не было актуально. Однако в публичных выступлениях лидер радикалов и его последователи категорично выступают за Евразийский союз.[11]

При формировании концепции внешней политики правительство сербских радикалов будет придерживаться основных цивилизационных принципов международных отношений, среди которых важнейшим принципом является миролюбивое сосуществование и активное сотрудничество равноправных государств и народов, уважение национальной суверенности, невмешательство во внутренние дела других государств, кроме случаев защиты индивидуальных свобод человека и гражданских прав, решения международных споров мирным путем, а также принцип отказа от употребления силы или угроз применения силы в международных отношениях. Мы будем развивать дружеские отношения с народами и государствами, которые в самые тяжелые моменты истории нам помогали и в трудные периоды были с нами солидарны. Мы будем применять принцип реципроцитета в качестве стабильного и справедливого инструмента урегулирования отношений с другими государствами.[12]

Все-таки, следует отметить, что данная партия разделилась по причине того, что некоторые ее депутаты высказались за принятия Соглашения о присоединении к Евросоюзу – об этом мы уже говорили в разделе, в котором речь шла о Сербской прогрессивной партии. Также, Сербская радикальная партия во всех своих публичных мероприятиях подчеркивает евразийскую интеграцию и желание союза с Россией, Беларусью и другими государствами из ЕврАзЭс.

«ХВАТИТ – Саша Радулович»

Саша Радулович с движением «Хватит» представляет собой новую «партию» на сербской политической сцене, хотя ее лидер ранее был министром в правительстве Сербии и членом некоторых других партий. Принимая во внимание поддержку Запада и либеральный экстремизм (Радулович – человек, который открыто поддерживает наихудшую и наижесточайшую форму неолиберальной политики. По его мнению, любой государственный аппарат – это нагрузка, которую нужно убрать). Его время, согласно некоторым СМИ, еще только должно наступить, а многие аналитики считают, что Запад готовит его в качестве смены Вучича. Что есть, то есть, следует отметить, речь идет о большом русофобе.

10. Програм социјалистичке партије Србије [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http:/ www.sps.org.rs/documents/PROGRAM%20SPS.pdf
11. См.: Милошевић, З. Модернизација и национализам / З. Милошевић. – Шабац: Заслон, 2006.
12. http: /www.srpskaradikalnastranka.org.rs/wp-content/uploads/2015/04/SRSprogram.pdf

Ему не нужна «Россия-матушка», чтобы заботилась о сербских интересах. Не нужна Россия, чтобы сохранить Косово и Метохию, при этом он не упоминает применение права вето со стороны России в Совете Безопасности ООН, когда британцы и другие западные государства пытались принять резолюцию о сербском геноциде в Сребрнице (Босния и Герцеговина). Не упоминает также о пресечении попытки принятия так называемой Республики Косово в ЮНЕСКО, что впоследствии бы позволило ее руководству распоряжаться сербскими монастырями и церквями на данной территории и провозгласить Косовскую православную церковь. Зато, он восхваляет Евросоюз.

Почему мы вообще вступили в процесс сближения с Евросоюзом? В Евросоюзе существуют оформленные государства, на которые мы хотим, чтобы Сербия была похожа. Такие государства, как Дания, Швеция, Финляндия, Германия. Все они выстроили систему, функционирующую в интересах граждан данных государств. Общие черты в их системах: парламентская демократия, права человека, правление законов, независимые учреждения системы, прозрачность, свобода СМИ, крепкая система социальной защиты, рыночная экономика, нацеленность на поддержку отечественных семейных компаний и др. Евросоюз – это и наш самый значитмый экономический партнер.

Эти системы не совершены, в них есть свои проблемы, но они представляют собой лучший образец, существующий в мире сегодня. Наша цель – учиться у них и навести порядок в Сербии. И данные страны Евросоюза готовы нам помочь в этом, но они не будут работать за нас, или кто-либо из них будет много заботиться об этом. Речь идет о нашем порядке для наших граждан, а не их.

Поэтому давайте повзрослеем и изменим посыл в корне.[13]

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Демократическая партия нанесла Сербии большой ущерб. Хотя она и проиграла выборы и уже не является партией власти, урок из этого не извлекла, и далее оставаясь на тех же программных принципах.

Во-первых, Европейские интеграции должны быть внешнеполитическим приоритетом Сербии, поэтому данный процесс должен быть ускорен, а двустороннее сотрудничество со странами-членами ЕС последовательно продолжено.

Во-вторых, Сербия должна согласовать внешнюю политику и политику в вопросах безопасности с политикой ЕС в процессе вступления.

В-третьих, необходимо развивать участие в европейских региональныхинститутах.[14]

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Формированием Социал-демократической партии Сербии (СДПС) в течение 2009 г. Расим Ляйич формально завершил свое политическое превращение из фундаменталиста Алии Изетбеговича, выведшего на политическую орбиту Сербии Сулеймана Углянина, до лидера партии левого центра, относительно легко нашедшего свою нишу на сербской политической сцене. Но это только маска для легковерных, каковых в Сербии не мало. Основа его политической деятельности была и осталась глубоко антисербской.

Социал-демократическая партия считает, что основной внешнеполитический интерес Сербии – это стать полноправным членом Евросоюза при дальнейшем развитии отношений с США и продолжении экономического сотрудничества с Российской Федерацией. При этом Сербия с США может развивать различные формы технически -экономического и экономическо-военного сотрудничества, а интересы Сербии в сотрудничестве с Российской Федерацией в первую очередь нацелены на сотрудничество в области электроэнергетики.[15] Но за этим европейским лицом скрывается неоосманская тоска и исламское прошлое. Лидер Социал-демократической партии до ее основания был секретарем Партии демократических действий и правой рукой Алии Изетбеговича. Согласно Ляйичу, сербы взяли, сколько хотели, «хорваты – сколько

13. http://dost jebilo.rs/pravi-odnos-prema-evropskoj-uniji/

14. h p://www.ds.org.rs/program/spoljna-poli ka-i-evropske-integracije

15. http://ww .sdpsrbije.rs/program-socijaldemokratske-par je-srbije/

могли, а мусульмане – сколько им дали». По Ляйичу, в Женеве принят лишь переработанный вариант сербско-хорватского договора о разделении Боснии и Герцеговины. Он считает, что мусульмане оказались между большой Сербией, большой, но усеченной, Хорватией, и в таком видеБосния и Герцеговина, разделенная на три части, напоминает умирающего больного, которому оказывается неправильное лечение».

В сотрудничестве с агентами (иностранными и отечественными) западные военные альянсы, подобно волкам, натянули овечьи шкуры. Партия демократических действий Санджака (ПДД Санджака) в качестве правой руки Илии Изетбеговича и милитаристского ислама на гористом Балканском полуострове, угрожает жизни Сербии и сербов. По тому же сценарию, по которому происходил распад Югославии, Ляйич и Углянин с европейскими миротворцами кроят одежды Сербии и сербам. И чем больше мучают Сербию, тем, уверены они, легче моджахедам в бывшей Югославии бороться против боснийских сербов и хорватов. ПДД Санджака, как известно, давно, с момента основания, стало экспозитурой НАТО, которая по жесткости вербальных конфликтов соответствует Ибрагиму Ругове. По тому, что и как говорил Расим Ляйич, было похоже, что он является гражданином не Сербии, а Тегерана, Анкары, Эр-Риада или Каира.

Вообще, Расим Ляйич, будучи убежденным в полной поддержке разорителей СФРЮ и Сербии, на практике склонен к шантажу.Он хочет диктовать условия обсуждения статуса Косово, который также связывает с позицией мусульман в Боснии и Герцеговине. В высокомерном поведении ПДД Санджака заметно участие ОБСЕ, которое, в свою очередь, часто давая тревожные и ложные информации, способствовало сецессии. Поэтому Расим Ляйич и Сулейман Углянин упорно «молотят» требованиями исламского и германского блока, чтобы, ради достижения мира на Балканах, раздробить Сербию, сведя ее к территории Белградского пашалыка.[16] Если это не произойдет хотя бы в последний момент, Санджак станет самой большой пороховой бочкой на просторах Европы, которая стремится к интеграции от Средиземного до Балтийского морей.[17]

Российский аналитик Алексей Воробьев в свое время оценил Расима Ляйича как главную опору исламского фактора в Сербии. Он как тень: всегда присутствует, но его редко замечают. Но даже когда мы его замечаем, то забываем о нем, как только он пропадает из поля зрения. А исчезает он часто. Он не любит рекламу, редко говорит больше, чем должен, но никогда не забывает о своей миссии. А миссия его важна и многосложна. В сербской политической сфере он всегда в центре, не зависимо от того, куда она склоняется. Он ни к кому не напрашивается, но его все помнят. Он никогда не извиняется, но ему всегда все прощают. Он единственный политик, который со времен путча 5 октября был членом всех составов правительства и принимал участия в его работе без единого перерыва,при этом никто не помнит, чтобы он в чем-либо был виновен. В его выборной кампании развиваются турецкие флаги, обучаются ваххабиты, формируются военизированные формирования, но он при этом не настроен по-экстремистски.На матче клуба, председателем правления которого он является, его телохранители и сограждане прославляют «Досье желтого дома», но он, конечно, ничего общего с этим не имеет…[18] И все это потому, что он Расим Ляйич, тихая часть всех наших страданий, мучений и унижений, последовавших после путча октября 2000 года, человек, в котором переплетаются антисербские интересы «евроантлантизма» и исламского фундаментализма. Он, как показало время, самое большое наследие Алии Изетбеговича Сербской земле. Его политическая стойкость показывает то, что он нас отлично знает, а мы его – очень плохо. Может быть, пришло время узнать его лучше…[19]

Служение евроатлантическим целям в Сербии, его визит в Лондон непосредственно перед формированием Демократической оппозиции Сербии, уход от опасной риторики о бесправности мусульман, а также упомянутое изменение личного и политического имиджа не должно вас наводить на мысль о том, что Расим Ляйич отошел от служения исламским целям. Напротив. И сегодня он является самой важной опорой исламского фактора в Сербии, человек из тени, стоящий якобы за укреплением интересов арабских стран, за инвестициями в Сербию, а также за формированием «тройственного союза» (Турция, Сербия, Босния и Герцеговина), цель которо-

16. h p://www.srpskikulturniklub.com/ko-je-spremao-rat-u-sandzaku

17. h p://www.srpskikulturniklub.com/ko-je-spremao-rat-u-sandzaku

18. http:// vroazijainfo.in.rs/aleksej-vorobjov-rasim-ljajicnajvazniji-oslonac-islamskog-faktora-u-srbiji/

19. См.: Милошевић, З.Турска и неоосманизам / З. Милошевић. – Источно Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства, 2010.

го заключается в возвращении Турции до границ Дуная. То, что до недавнего времени заявлял перед камерами Тадич, а сейчас Вучич и Динкич, давая комментарии своим заслугам в привлечении политического, торгового и финансового участия со стороны этих стран, означает только нехватку знаний, и избыток жадности. Так как куда бы они ни пришли сегодня, Ляйич был там год или два назад. Образно и физически. С 2003 г. по 2006 г. он занимал должность сопредседателя (сербского представителя) Совместного комитета экономического сотрудничества с арабскими странами. Стратегические связи и контракты, которые он тогда заключил, сейчас реализуются полным ходом.

Деятельность Ляйича в продвижении исламских интересов, как и сила его влияния на сербскую реальность, можно четко проследить на последнем примере установления дипломатических отношений Саудовской Аравии и Сербии. Уже на протяжении десятилетий Саудовская Аравия открыто финансирует всех антисербских противников и проекты, делая, таким образом, значительный вклад в страдания сербского народа. В Боснии они финансировали покупку оружия мусульманскими силами, а также доставку моджахедов со всего мира на боснийские поля боя. На Косово в течение многих лет финансировали самые радикальные силы албанского сепаратизма, а после провозглашения независимости оплачивали лоббирование его признания. Они оплатили часть расходов преступной бомбардировки Сербии со стороны НАТО, и с самого начала финансируют антисербскую деятельность Гаагского трибунала...

Когда умер его политический наставник Алия Изетбегович, в сараевской газете «Дневни аваз» будучи министром сербского правительства, Ляйич опубликовал некролог Алии Изетбеговичу: «Последнее приветствие нашему дорогому президенту Алии Изетбеговичу, пусть Аллах одарит его райской благодатью, его семью – терпением, а нас – вечной памятью о его нескончаемом образе и деятельности. Расим Ляйич».

Расим Ляйич и Алия Изетбегович. Кстати, напомним, Изетбегович виновен в геноциде сербов в Боснии и Герцеговине, он посещал концентрационные лагеря для содержания сербов и дал американцам согласие на операцию «Сребрница», хотя речь шла о его соотечественниках и единоверцах.

Следовательно, нормально ли, чтобы министр Сербии сожалел об утрате кровожадного Изетбеговича?[20]

ПАРТИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ ПЕНСИОНЕРОВ СЕРБИИ

Партия объединенных пенсионеров Сербии (ПОПС) зарегистрирована 10 мая 2005 года и с течением времени до настоящего момента развилась в партию, в составе которой насчитывается более 280.000 членов, среди которых, кроме пенсионеров, составляющих костяк партии, есть и представители более молодых поколений, которых объединяет видение ситуации в Сербии и своего будущего места в ней. Общенародное движение, которое формировалось от базы к верхам, привело к созданию ПОПС, принятие членов которой осуществляется в 169 общинских комитетах и 2.157 локальных организациях по всей Сербии.

На пленарном заседании, состоявшемся 4 февраля 2006 года в Сава-центре вместе с принятием партийных документов, Программы и Устава, была принята Платформа реализации целей политической борьбы на следующих парламентских выборах. На этом же заседании был принят также текст «Указов разума» (*Повеље разложности*), кот орый подписали председат ели общинских комит ет ов и кандидат ы в Главный комитет партии, сделав это в форме торжественной клятвы быть неуклонными в осуществлении политических целей ПОПС – сильной парламентской партии с четко определенными целями экономического и социального статуса Сербии. По этому случаю др. Йован Кркобабич единогласно был выдвинут со стороны всех общинских организаций партии в качестве первого председателя Партии объединенных пенсионеров Сербии.

Будучи не отягощенной идеологическими предрассудками и четко следуя демократическим принципам в работе, осознавая свои возможности, партия вошла в политическую жизнь Республики Сербия. Иными словами, как это подчеркнул основатель партии Йован Кркобабич: «ПОПС выступает за Сербию, но Сербию в Европе. Мы

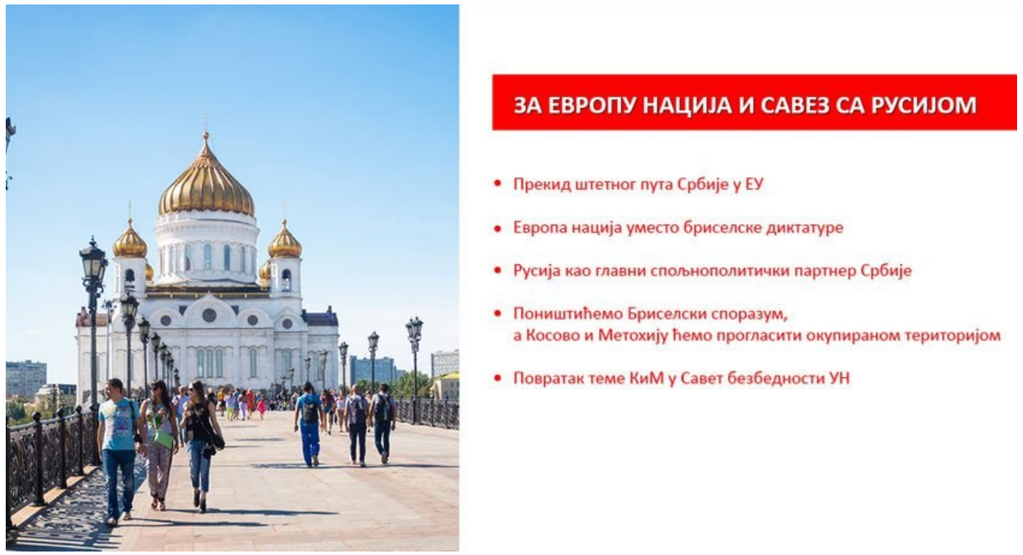
20. h p://forum.krstarica.com

здесь, чтобы добиться соответствия всем нормам, и чтобы как можно скорее интегрироваться в Европейский Союз. Мы сделаем все, чтобы наша жизнь стал легче. ПОПС – надежный и верный партнер на европейском пути».[21]

«ДВЕРИ»

Движение, а позднее и политическая партия «Двери» представилась общественности как православная, традиционная партия, выступающая против современной гей-идеологии, разрушения системы образования, армии и др. На публике выступает с позиций необходимости союза с Россией,а также против интеграций с Евросоюзом. В сущности, речь идет, если рассматривать программные принципы, о сербской суверенистской партии, которая не видит Сербию ни в одном объединении и ни в одном союзе..

ПЛАКАТ «ДВЕРИ»



«За Европу наций и союз с Россией: - Прекращение губительного пути Сербии в Европу; - Европа наций вместо брюссельской диктатуры; - Россия как главный внеш-неполитический партнер Сербии; - Уничтожим Брюссельское соглашение, а Косово и Метохию провозгласим оккупированной территорией; - Возвращение темы Косова и Метохии в Совет Безопасности ООН»

Более 15 лет мы находимся на пагубном пути для того, чтобы попасть в ЕС любой ценой. За это время мы потеряли полмиллиона граждан, уничтожено наше производство и экономика, а Сербия стала экономической и политической колонией тех, кто нас бомбил в 1999 году. В этом тупике ЕС от нас требуют и юридического признания Косова, разрешения импорта генетически модифицированных продуктов, введения санкций против России и вступления в НАТО, а потом и разрушение семьи и передачи последних природных и хозяйственных ресурсов…В ЕС мы не вступим еще, по меньшей мере, 10 лет, а вопросом остается, будет ли тогда существовать ЕС.

Мы выступаем за срочное прекращение пагубной политики, согласно которой у ЕС нет альтернативы, а также за возвращение к национальным интересам в международных отношениях. Скептическая политика по отношению к ЕС становится доминантной и в Европе, где во многих государствах побеждают евроскептики, начиная Францией, Австрией, Венгрией, и заканчивая Данией и Англией. «Двери» выступают за Европу наций и двустороннее сотрудничество со всеми европейскими государствами, которое развивается в обоюдных интересах. Главным внешнеполитическим партнером Сербии должна быть Россия.[22]

«ЕДИНАЯ СЕРБИЯ»

«Единая Сербия» не отличается лидером, который создает иллюзии. Речь идет о партии прагматического характера, зачастую преследующей задачи своих коалиционных партнеров и личные интересы. Программа данной партии небольшого объема, а в пункте 3 (всего пунктов 26) Программы, принятой 17.12.2011 написано, что партия борется за вхождение Сербии в Евросоюз.[23]

21. http:/ pups.org.rs/o-nama/
22. http ://dveri.rs/program/srbija-van-eu-i-u-savezu-sa-rusijom
23. h p://www.jedinstvenasrbija.org.rs/index.php?ac on=program-stranke

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СЕРБИИ (ДПС)

Демократическая партия Сербии представляет собой государствообразующую партию, которая во время участия в правительстве (2003 – 2008) показала отличные результаты. Также данная партия сыграла ключевую роль в продаже 51% акций «Нефтяной индустрии Сербии» России и в налаживании отличных экономических и политических связей с этим государством.

Главную причину любого проявления кризиса в Сербии видят в Евросоюзе. Сегодня Сербия под угрозой – написано в Программе данной партии. Под угрозой находится государство, его территория, конституционная организация, экономика, развитие страны, демография, а также моральные и традиционные ценности. Сегодняшнее отношение Евросоюза к Сербии – главный источник государственного, национального и экономического кризиса в Сербии. Евросоюз взял на себя роль ответственного за строительство и создание нового косовского государства на территории Сербии. Более того, Евросоюз стал главным представителем политики шантажа Сербии, заняв позицию, согласно которой, европейские интеграции непосредственно связаны с налаживанием нормальных, добрососедских, а на самом деле, международных отношений Сербии и Косова. Иными словами, Евросоюз выдвинул раскол Сербии в качестве наиважнейшего условия продолжения европейских интеграций. Сегодняшние власти в ответе за происходящее, так как они стали непосредственными соучастниками Евросоюза в разрушении целостности Сербии.

Сегодня нет задачи более важной, нежели формирование стратегии будущей политики, которая должна остановить историческое падение Сербии и начать ее государственное, национальное, экономическое и моральное обновление. Какой путь дает Сербии возможность выхода из этого тупика? Существует ли для Сербии какой-либо другой путь, отличный от этого евроатлантического, или связанного с Евросоюзом? Сербия исторически никогда не входила в западные военные или политические долгоиграющие союзы. Политический нейтралитет позволяет Сербии быть тем, чем она может быть и сохранить свое национальное и историческое своеобразие. Свободная и самостоятельная Сербия, со своей национальной и исторической идентичностью, заботящаяся о своих интересах – это политически нейтральная в военном плане Сербия. Если мы сегодня не наладим политический нейтралитет и не сохраним свободу и самостоятельность в решении вопросов, в будущем нам будем очень трудно это сделать, так как мы навязываем себе оковы евроатлантических интеграций.[24]

ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Либерально-демократическая партия выступает за «борьбу, направленную на создание Европы в Сербии и Сербии в Европе, вместо иллюзии, что мы можем выжить, будучи изолированным островом».[25]

Вступление в НАТО является гарантией стойкого мира на Балканах, более безопасной жизни в Сербии, окончания постоянной неизвестности и условием роста качества и конкурентоспособности нашей экономики. Членство в союзе, созданном по принципу политики и вопросов безопасности, представляет собой выражение современных потребностей каждой страны быть частью коллективной системы безопасности ради обеспечения предварительных условий для развития демократических ценностей, международной солидарности, надежности и активного противодействия терроризму, а также другим современным вызовам.[26]

Интересно, как лидер данной партии Чедомир Йованович обругал граждан Сербии, обрадовавшихся выходу Великобритании из Евросоюза. Йованович по этому поводу заявил, что только «дрянь» в Сербии празднует «Brexit», а это доказывает, что европейская Сербия должна быть создана.[27]

24. h p://www.dss.rs/program-stranke/#1454951990716-595c4e9f-c1cb

25. http://istina.ldp. /Liberalno-demokratska-par ja/16138/Povelja-preokret.shtml

26. h p://istina.ldp.r /Liberalno-demokratska-par ja/16138/Povelja-preokret.shtml

27. Скандалозно – Чеда Јовановић вређф народ у Србији: „Само олош слави излазак Британије из ЕУ!“ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:/ www.carsa.rs/skandalozno-ceda-jovanovic-vredja-narod-u-srbiji-samo-olos-slavi-izlazak-britanije-iz-eu/

ПАРТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ САНДЖАКА

Данная партия, будучи инструментом международной коалиции (Запада) в Сербии, является филиалом одноименной партии из Сараево, которой руководит сын Алии Изетбеговича Бакир. Формально партия выступает за полноправное членство Сербии в Евросоюзе и в других европейских и евроатлантических учреждениях иорганизациях, а также за региональное сотрудничество и «право граждан Санджака на скорейшее экономическое развитие и региональное самоуправление в Республики Сербия».Партия часто прибегает к сепаратистской риторике и отличается неоосманскими стремлениями.[28] Партия поддерживается населением, считающим себя бошняками.

ЛИГА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ ВОЕВОДИНЫ

Лига социал-демократов Воеводины – экстремистская партия, отличающаяся проевропейской и пронатовской риторикой, а также крайне фантазийной риторикой, когда речь идет о сербофобии и русофобии. Лидеры данной партии больше чем сербов, вероятно, ненавидят только русских. Себя они видят в качестве «гаранта европейского будущего для всех гражданок и граждан Воеводины».

Согласно их риторики, Сербия не может отказаться от европейских интеграций, так как Евросоюз – это путь к демократизации общества, путь к миру и стабильности учреждений, путь к конкурентному рынку, децентрализации Сербии и путь к лучшей жизни граждан и гражданок Воеводины и к защите их коллективных и индивидуальных прав.[29]

«ЗЕЛЕНАЯ ПАРТИЯ»

«Зеленая партия» (*Zelená Strana,* далее по тексту – Партия) особо ориентирована и направлена на представление словацкого национального меньшинства, защиту и предупреждение ущемления их прав с акцентом на создание плюралистического истинно демократического общества, которое наряду с уважением этнического, культурного, языкового и религиозного своеобразия каждого представителя национального меньшинства, должно создать соответствующие условия, которые позволят ему выработать, сохранить и развить собственную идентичность в Республике Сербия, согласно Конституции, посредством законов и международных норм.

Среди прочего, имеются и следующие программные цели: представление интересов представителей словацкого национального меньшинства и граждан Сербии, налаживание культурных и экономических взаимосвязей и контактов, децентрализация и укрепление местных самоуправлений, установление связей местных самоуправлений из Республики Сербия с местными самоуправлениями из Республики Словакия. Членство Сербии в Евросоюзе с отдельным упором на развитии сотрудничества в данном направлении с Республикой Словакия и поддержку с ее стороны.[30]

«НОВАЯ СЕРБИЯ»

«Новая Сербия» не имеет программы партии. Но в описании и определении своей миссии приводит следующее: «Новая Сербия»– современная национальная народная и монархическая партия, выступающая за правовое, справедливое, децентрализованное государство, развитые города, богатые деревни и материальный достаток каждого живущего в стране.

«Новая Сербия» идет в ногу со временем, чтобы Сербия, осознавшая себя, свои корни и ценности, вошла в ногу с Европой.[31]

ДВИЖЕНИЕ СОЦИАЛИСТОВ

Движение социалистов (ДС) – это политическая партия, основанная в июле 2008 года в Белграде. Уверенно можно сказать, что это салонная марксистская партия, ко-

28. h p://www.sda.rs/index.php?akcija=strana&id=54
29. h p://lsv.rs/UserFiles/pdf/Program_LSV.pdf
30. h p://www.zelenastranka.rs/dokumenti program/
31. h p://www.nova-srbija.org/istorijat.aspx

торая противится вхождению Сербии в НАТО, но не в Евросоюз, по поводу Евразийских интеграций заявлений не было сделано. Что касается желательных интеграций, то это планетарный союз наций, что в реальности не только не осуществимо, но и звучит как демагогия.

Из программы партии можно узнать, что существование Движения социалистов базируется на марксизме, и это антиглобалисткая партия. Будущее планеты – в союзе свободных наций. ДС считает, что человек без возможности свободы национального выражения не может быть свободным человеком.

Сущность борьбы ДС, как борьбы левых, заключается в борьбе с несправедливостью, а несправедливость сегодня как нигде больше в мире применяется по отношению к сербскому народу.

Ни один другой народ мира ни в прошлом веке и ни в настоящем не пережил, чтобы столько лжи о нем было принято за истину.

Ни один другой народ не проходит через то, что у него отнимают большую и важную часть государства, а от него еще при этом требуют признания и радости по поводу того, что его уменьшают.

Ни один другой народ в мире не подвергся бомбардировке со стороны НАТО.

Ни один другой народ не должен бояться, что более крупные и мощные по сравнению с ним будут постоянно ставить ему условия, запугиваятем, что будут заниматься упорядочением жизни в его стране и устанавливать размеры данной страны.

ДС против вступления Сербии в НАТО!

Не каждый призыв вступления в ЕС носитантиевропейский или антисербский характер, но зато для ДС каждый призыв вступления Сербии в НАТО – антисербский и антицивилизационный. ДС никогда не согласится, чтобы сербские военные и гражданские гибли во имя чужих интересов и прибегали к насилию над другими.

ДС выступает за то, чтобы в Сербии помогли развить международное сотрудничество со всеми государствами мира, а особенно поддерживается всестороннее сотрудничество с Россией, Китаем и странами Юго-Восточной Европы.[32]

НАРОДНАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ

В прошлом автономная антисербская прозападная партия, сейчас без программы.

ОБЪЕДИНЕННАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ПАРТИЯ

Монархическая партия, борющаяся за целостность (существующей) Сербии. На сайте партии нет программы, хотя есть место, предусмотренное для этого документа.[33]

СОЮЗ ВОЕВОДИНСКИХ ВЕНГРОВ

Союз воеводинских венгров по убеждению, на деле и на словах – демократически направленная политическая партия, которая нужна для установления полного реального равноправия и сохранения венгров Воеводины на данной территории как венгров.[34]

Программа принята 19 июня 2004 года и не содержит открытых заявлений о ЕС или о Евразийском союзе. Однако, на основании деятельности можно прийти к выводу, что стремится к объединению с Венгрией, т.е. в Евросоюз и НАТО.

ПАРТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ (Partiapërvertimdemokratik)

Председатель партии, основанной 19 августа 1990 года в городе Прешево (юг Сербии с многочисленным албанским национальным меньшинством), Риза Халими. У партии нет опубликованной программы, но подчеркивается, что есть идеология, которую можно описать как симбиоз албанского национализма, регионализма, идеологии прав меньшинств, консерватизма и европеизма.[35]

32. http:// okretsocijalista.rs/pub/kfm/download/Program-PS.pdf
33.http: /www.ujedinjenaseljackastranka.rs/dokumenta/program/
34. http://ww .vmsz.org.rs/sr/content/program
35. http ://sr.wikipedia.org/wiki, h p://www.pvd-pbm.org/uc/uc.html

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В программах сербских политических партий есть позиции и по вопросам международных интеграций, но, как мы видели, они различны: от стремлений к Евросоюзу и Евразийскому союзу до суверенности и интеграций с Турцией. Все партии, хотя время и показывает, что отдельные места партийных программ нужно поменять, все еще их придерживаются, и, что интересно, очень умело манипулируют общественным мнением в смысле сокрытия истинных целей.

В этом контексте можно сказать, что программы сербских партий устарели ввиду отсутствия серьезного анализа международной политики – не относится это только к Демократической партии Сербии, которая отлично поняла ситуацию, но сделала неправильные выводы.

Во-вторых, у сербских политических партий нет стратегических прогнозов развития ситуации на мировой политической арене: они настаивают на приспособлении, что ведет к постоянной непредсказуемости развития событий. Также, сербские политические партии разделены по принципу видения интеграций, что говорит об отсутствии национальной программы на государственном уровне, так как нет единой позиции по данному вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

Веселиновић, С.Србија има 107 политичких странака, стиже још једна – „затвореничка“ партија Јоце Амстердама [Электронный ресурс] / С. Веселиновић. – Режим доступа:http:// ww.carsa.rs/srbija-ima-107-politi kih-stranaka-sti e-jos-jedna-zatvorenicka-partij -joce-amsterdama/

Вукчевић, Д.М. «Банални европеизам» и идентитет у процесу европске интеграције / Д.М. Вукчевић // Национални идентитет и међународне интеграције: зборник чланака / Институт за политичке студије; приредили З. Милошевић, Ж. Ђурић. – Београд, 2015.

Милошевић, З. Нови пут Русије. Русија у поствизантијском геополитичком и религиозном вртлогу / З. Милошевић. – Источно Сарајево: Завод за уџбенике и наставна средства, 2005.

Милошевић, З. Модернизација и национализам / З. Милошевић. – Шабац: Заслон, 2006.

Милошевић, З. Турска и неоосманизам / З. Милошевић. – Источно Сарајево: Завод за уџбнеике и наставна средства, 2010.

Млади у Србији против уласка у ЕУ: држава креће у кампању да то промени [Электронный ресурс – Режим доступа:http:// ww.carsa.rs/mladi-u-srbiji-proti -ulaska-u-eu-drzava-krece-u-kampanju-da-to-promeni/ 05.06.2016.

Никифоров, К. Куда ће Русија без Словена / К. Никифоров //Јединство православних Словена: зборник радова / Филозофски факултет; приредио З. Милошевић. – Источно Сарајево, 2006. – Књига прва.

Програм социјалистичке партије Србије [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: / www.sps.org.rs/documents/PROGRAM%20SPS.pdf

Скандалозно – Чеда Јовановић врећф народ у Србији: „Само олош слави излазак Британије из ЕУ!“[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: /www.carsa.rs/skandalozno-ceda-jovanovic-vredja-narod-u-srbiji-samo-olos-slavi-izlazak-britanije-iz-eu/

Сотрудничество с Россией – будущее Сербии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: htt :// www.ves -online.com/Ves /Srbija/581601/Saradnja-sa-Rusijom-je-buducnost-Srbije

Haralambos, M. Sociologija, Teme in pogledi / M. Haralambos, M Holborn. – Ljubljana: DSZ, 1999.

htt s://www.sns.org.rs/o-nama/program-srpske-napredne-stranke

http:// ww.sps.org.rs/documents/PROGRAM%20SPS.pdf

http:// ww.srpskaradikalnastranka.org.rs/wp-content/uploads/2015/04/SRSprogram.pdf

http://do tajebilo.rs/pravi-odnos-prema-evropskoj-uniji/

http:// ww.ds.org.rs/program/spoljna-politi a-i-evropske-integracije

http //www.sdpsrbije.rs/program-socijaldemokratske-partij -srbije/

http:// ww.srpskikulturniklub.com/ko-je-spremao-rat-u-sandzaku

http:// ww.srpskikulturniklub.com/ko-je-spremao-rat-u-sandzaku

http: /evroazijainfo.in.rs/aleksej-vorobjov-rasim-ljajicnajvazniji-oslonac-islamskog-faktora-u-srbiji/

http:// orum.krstarica.com

http://pup .org.rs/o-nama/

htt s://dveri.rs/program/srbija-van-eu-i-u-savezu-sa-rusijom

http:// ww.jedinstvenasrbija.org.rs/index.php?ac on=program-stranke

http:// ww.dss.rs/program-stranke/#1454951990716-595c4e9f-c1cb

http://i tin .ldp.rs/Liberalno-demokratska-partija/1613 /Povelja-preokret.shtml

http:// ww.sda.rs/index.php?akcija=strana&id=54

http://l v.rs/UserFiles/pdf/Program_LSV.pdf

http:// ww.zelenastranka.rs/dokumen /program/

http:// ww.nova-srbija.org/istorijat.aspx

http://pok etsocijalista.rs/pub/kfm/download/Program-PS.pdf

http:// ww.ujedinjenaseljackastranka.rs/dokumenta/program/

http:// ww.vmsz.org.rs/sr/content/program

htt s://sr.wikipedia.org/wiki, http //www.pvd-pbm.org/uc/uc.html

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ

UNION STATE AS NATIONAL IDEA OF RUSSIA AND BELARUS

УДК 323.1(477:439)(091)«1939/1944»

Лев Евстафьевич Криштапович, доктор философских наук, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств
PROF., PH.D. Lev Krishtapovich, Belarusian State University Of Culture And Fine Arts

РЕЗЮМЕ. Разрушение Советского Союза – это, несомненно, геополитическая катастрофа. «Парад суверенитетов» сопровождался неслыханными страданиями миллионов людей, попавших в жернова так называемой независимости и рыночных реформ. Реальностью стали подзабытые за десятилетия советской истории такие явления, как война, кровь, насилие, межнациональные конфликты, этнические чистки, вытянутые из мглы веков всевозможные «исторические обиды». Однако в истории зачастую трудно определить, где начинается геополитическая катастрофа и где наступает позитивный процесс развития общества и государства. Объективным критерием истины все-таки остается практика. Белоруссия и Россия одними из первых постсоветских республик осознали гибельность геополитической катастрофы для наших народов и необходимость выхода на дорогу строительства Союзного государства как решающего условия возвращения к исторической и государственной жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Союзное государство, национальная идея, фальсификации, общерусское единство.

RESUME.Disintegra on of the Soviet Union was an obvious geopoliti al catastrophe. “Parade of sovereign es” was followed by su erings of millions of people, which found themselves as vic ms of so called independence and market reforms. Wars, bloodsheds, violence, interethnic confl cts and ethnic cleansing, semi-forgo en during Soviet ti e, became a sad reality. It is hard to define whe e geopoliti al catastrophe starts and where posi ve process of the development starts. Belarus and Russia where the fi st post-Soviet states, which realized tragic consequences of the geopoliti al catastrophe and the necessity to start building Union state as a decisive precondition enabling to restore full- edged historical and state existence.

KEY WORDS. Union state, Natio al Idea, Falsifi atio , Common Russian Unity

Имитация научности

Противников единения белорусского и русского народов условно можно разделить на две группы. Первая представляет собой публику, находящуюся на содержании у своих западных хозяев. Эти политические лакеи разъезжают по заграницам и претендуют, ни больше, ни меньше, как на представительство от имени «европейской демократии». Будучи людьми невежественными, они не в состоянии говорить о реальных проблемах союзного строительства, а поэтому занимаются лишь критикой Союзного государства. Поскольку решение возникающих проблем на пути союзного строительства достаточно скучное занятие, а критика занимательна, постольку политические камердинеры, чтобы не быть скучными, вынуждены всячески злословить о белорусско-российской интеграции. Так как люди судят о чужих мнениях лишь по аналогии с их собственными, то политических лакеев можно убедить лишь лакейскими доводами.

Другую группу противников Союзного государства составляет определенная часть нашей гуманитарной интеллигенции, которая в мгновение ока совершила умственное сальто-мортале. Свою «переоценку ценностей» эти деятели обычно объясняют невозможностью говорить правду в эпоху «тоталитаризма» и ссылками на некие новые исторические факты, которые, дескать, скрывали от научного сообщества.

В действительности же проблема подобной интеллектуальной метаморфозы лежит совершенно в иной плоскости. Дело в том, что в эпоху массового «производства» интеллигенции, в том числе и ученых (такое явление характерно сегодня для всех развитых стран), подавляющая ее часть никакого отношения к науке не имеет, хотя и называется научной. Причина тому - подмена научного исследования резонерством. Как отмечал великий мыслитель Гегель, в «наше богатое рефлексией и резонирующее время человек, который не умеет указать хорошего основания для всего, что угодно, даже для самого дурного и превратного, должен быть уже

очень недалеким» [1, с.286].

Отсюда и кажущийся парадокс, когда одни и те же ученые в советское время «аргументировали» за Союз с Россией, а в нынешнее - против Союза с Россией. Это и есть ученые-резонеры. Вся их наука - уметь подыскивать аргументы в зависимости от обстоятельств, политической конъюнктуры. Отличие ученого-резонера от подлинного ученого состоит в том, что первый ищет доводы, за которые в данное время хорошо платят, а второй - истину. Поэтому для ученых-резонеров не существует проблемы научной добросовестности, честного сопоставления того, что они писали раньше, с тем, что утверждают сегодня. Они обыкновенные производители и потребители лжи. Они забили свою голову ложью до такой степени, что уже утратили способность реагировать на нее. Они утратили способность воспринимать истину. Точнее, они истину воспринимают как ложь.

Поэтому их аргументация против Союзного государства Белоруссии и России - это лишь имитация научности. Она бесплодна во всех отношениях. Она есть искусственное извращение истории общерусского народа.

Вместе с русским народом

История белорусской государственности неразрывно связана с историей развития белорусского национального характера. Историческим этапом, зафиксировавшим основные принципы белорусского национального характера, является рубеж XVI –XVII веков, когда белорусам была насильственно навязана церковная уния. Именно от этого времени история Белоруссии получает «по преимуществу народное направление»[2, с. 207]. Почему народное направление? Потому что защита своего образа жизни, своей веры и культуры, своего языка исходила именно из среды самого народа, т.е. крестьянства, мещанства, казачества. Дело в том, что к этому времени западнорусская (белорусская) шляхта уже ополячилась и окатоличилась. Именно в этот период и выкристаллизовались те социально-философские принципы нашего народа, которые сегодня лежат в фундаменте белорусской государственности. Какие это принципы? Это принципы народности, трудового образа жизни, социальной справедливости, братскости, союза с русским народом, миролюбия, отсутствия гонора. И это понятно, так как только такие принципы отвечали сущности такого общества, которое состояло из трудовых элементов – крестьянства и мещанства и в котором уже не было этнически своего высшего сословия. Такое общество по своему определению уже было обществом трудовым, народным и миролюбивым. Поэтому вполне закономерно, что история Белоруссии с этого времени приобретает характер народного направления как в своем содержании, так и в историческом развитии.

Воссоединение белорусов с русским народом, родственным по языку, конфессиональному признаку, образу жизни, территории, характеру в рамках Российской империи позволило нашему народу покончить с польским игом, избежать окончательной денационализации и сохранить предпосылки для последующего национального возрождения и государственного строительства.

«Включение восточнославянских земель в состав Российской империи, - отмечал в своей лекции в БГУ Президент Александр Лукашенко, - имело для белорусского этноса тогда спасительный характер. Прогрессивное значение заключалось в том, что была ликвидирована шляхетская империя, кровные разборки между шляхтой, от которых страдал в первую очередь простой народ.

Вхождение белорусских земель в состав России способствовало развитию зарождающейся промышленности, втягиванию во всероссийский рынок, что содействовало хозяйственной специализации Беларуси, подъему сельского хозяйства и промышленности» [3, с. 41].

Важно осознать, что государственность вовсе не является сугубо абстрактной категорией, лишенной каких бы то ни было национальных характеристик. Государственность есть в определенном смысле воплощение национального характера и исторических традиций. Так, например, сложно представить себе в Белоруссии ту или иную модификацию западной политической системы, ибо она не соответствует представлениям белоруса, не вписывается в парадигму национальной ментальности. Западный человек, обустраивавший свое благополучие за счет эксплуатации колониальных народов, объективно рассматривал незападного человека как материал для удовлетворения своих жизненных потребностей. Отсюда и западная ментальность с ее принципами индивидуализма и расового превосходства над другими народами.

Для белоруса такие представления абсолютно невозможны в силу принципиально другого образа жизни. Мир в представлении белоруса был его реальный «мир» (община), где все должны трудиться и жить по совести, справедливости. Такой мир априорно не знает и не принимает разделения людей на высших и низших, ибо все люди божьи создания. Подобного рода представления и были закреплены на ментальном уровне нашего народа.

Не вызывает сомнений тот факт, что национальная ментальность определяет и генезис государственности. То есть данный феномен присутствует на всех этапах нашей истории, на каждом из них существенно влияя на формы и характер белорусской государственности. Нетрудно заметить, что эволюция государственных форм на территории Белоруссии шла от общерусской государственности через инонациональные государственные образования в виде Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой к реальной союзной государственности в XX веке (СССР) и на современном этапе.

Представляется необходимым адекватно оценить роль религиозного фактора как в процессе формирования национальной ментальности белорусов, так и в ходе государственного строительства. Данный тезис может быть сформулирован следующим образом: выбор православия был предопределен, среди прочих факторов, ментальностью народа, однако, в свою очередь, православие закрепило и сохранило тот исторический тип ментальности белорусов, который сегодня можно охарактеризовать как современный. Без всякой мистики и предопределенности: православие пришло именно на ту землю, где существовали ментальные предпосылки его сохранения. И именно оно, православие, скрепило и сцементировало догматически существующее положение вещей. Рассматривая данный вопрос, нельзя не коснуться и униатства, которое некоторые белорусские писатели и политики по недоразумению зачисляют в разряд национальной религии белорусов. Здесь важно отметить, что в то время, когда в Белоруссии вводилось униатство (XVI-XVII века), меняли вероисповедание не простые верующие (крестьяне), а их патроны (паны, шляхта, церковные иерархи). В тот период считалось: чья власть, того и вера. Поскольку привилегированное сословие (шляхта) окатоличилось, то оно заставляло и своих подданных (крестьян) принимать их веру, механически переводило православные приходы в приходы униатские путем навязывания православным униатских священнослужителей. «Загоняемый подобными насилиями в унию русский (белорусский. – Л.К.) народ не мог, конечно, искренно держаться унии. В глубине своей души он продолжал хранить старые свои верования, старые православные убеждения и искал только случая избавиться от насильно навязанной ему унии. Сами защитники латинства сознавались, что все униаты или открытые схизматики (православные), или подозреваются в схизме» [4, с. 161]. Поэтому, когда говорят, что в XVIII веке 80% белорусов были униатами, то это относится не столько к белорусским крестьянам, сколько к формальному количеству униатских приходов в Белоруссии. Крестьяне, как и раньше, так и в XVIII веке, оставались верными вере своих предков, то есть православию. Не случайно переход из унии в православие для белорусов был осуществлен без больших затруднений, поскольку все дело свелось к формальному переводу священников из унии в православие. И об унии в народном самосознании не осталось никакого воспоминания.

Необходимо подчеркнуть, что ментальность не означает буквального совпадения с исторической хронологией. В ментальности история закрепляется не просто в исторических событиях, а в смысле истории. А смысл истории данного народа вполне может быть противоположен определенным историческим явлениям, свидетелем которых он являлся. Дело в том, что определенные исторические события могут быть временны и преходящи, а смысл истории данного народа непреходящ до тех пор пока живет этот народ. Вот почему все историко-культурологические усилия некоторых историков, направленные на то, чтобы из аббревиатуры ВКЛ вывести некую белорусскую идентичность, носят сугубо софистический характер. Отсюда должно быть понятно, что подобные попытки никакого отношения к действительной белорусской государственной традиции не имеют. В данном контексте важно обратить внимание на следующее соображение. Ментальность, если можно так выразиться, «мудра» и «избирательна». Она сохраняет лишь то, что позволяет нации сохранить себя в истории. Если агрессивные, кровопролитные периоды истории на территории Белоруссии не закрепились на ментальном уровне как белорусские события, то это означает, что это не была белорусская история, что эти исторические события не были связаны с процессом национального самосохранения и развития. Отсюда основной вывод: не

надо реанимировать то, что не закреплено в национальной памяти. Такого рода «традиции» – софистика. Вот почему полнейшей софистикой являются попытки определенных деятелей от белорусской культуры зачислять в разряд белорусских князей Миндовга и Витовта, тащить в современную белорусскую культуру Радзивиллов, Сапег, Огинских как видных представителей белорусских знатных фамилий. Это не только выглядит глупо по отношению к действительной истории Белоруссии, но и является прямым оскорблением национальных чувств нашего народа, потратившего немало сил и времени, чтобы освободиться от социального, национального и религиозного угнетения подобных «благодетелей» белорусов.

Фактически польская шляхта создала на территории Белоруссии систему кастового строя, где белорусские крестьяне занимали положение аналогичное индийским шудрам. Уже само расселение шляхты выстраивало непроницаемую стену между польским обществом и белорусскими крестьянами. Не случайно околицей или застенком называли поселение шляхты, чтобы отличить его от белорусских деревень, где жили крестьяне. Взять, к примеру, известного польского магната XVIII века Карла Радзивилла, которого определенная часть культурологов выставляет в качестве примера истинного белоруса, независимого и свободолюбивого, веселого и доброго, творческого и поэтичного. Кроме, как глупостью, подобные оценки назвать нельзя.

Ибо Карл Радзвилл (Пане Коханку), известный как один из самых сумасбродных магнатов Речи Посполитой, не только не имел никакого отношения к белорусской ментальности и белорусской государственности, но был самым настоящим душителем всего белорусского. Всё великолепие и богатство его Несвижского замка было основано на многовековом национальном и духовном порабощении белорусского народа. Вот как описывают очевидцы реальную ситуацию в Белоруссии во время господства польской шляхты: «Нет ничего иного, кроме дикого рабства, которое отдало человека в полную власть его пана»[5, с. 43]. Дикое рабство – вот что такое Радзивиллы для белорусского народа.

Или взять польских магнатов Огинских, которых недалекие культурологи причисляют к белорусским знатным родам. Вот что писал об этом «белорусе» Г.Р. Державин, который по поручению императора Павла I инспектировал белорусские земли в голодном 1798 году. «Проезжая деревни г. Огинского, под Витебском находящиеся, зашел в избы крестьянские, и увидев, что они едят пареную траву и так тощи и бледны, как мертвые, призвал приказчика и спросил, для чего крестьяне доведены до такого жалостного состояния, что им не ссужают хлеба. Он, вместо ответа, показал мне повеление господина (Огинского - Л.К.), в котором повелевалось непременно с них собрать, вместо подвод в Ригу, всякий год посылаемых, по два рубля серебром» [6, с. 451]. Таков был бесчеловечный принцип польской шляхты: «умри белорус, но деньги на мотовство польской шляхты вноси без промедления». Пришлось великороссу Державину спасать белорусских крестьян. Как он пишет, «приказал сию деревню графа Огинского взять в опеку по силе данного ему именного повеления».

Для сравнения. При всем социокультурном расколе между «верхами» и «низами» такой кастовости, которая существовала между польской шляхтой и белорусскими крестьянами, в России все-таки не было. Разве не показательно, что великий русский писатель – А.С. Пушкин был духовно вскормлен простой русской крестьянкой – Ариной Родионовной. Или, например, шедевр сказочного искусства, как в художественном, так и в гуманистическом плане, русского писателя С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» был вложен в его душу обыкновенной ключницей Пелагеей? И разве не удивительно, что выдающийся государственный деятель и поэт Г.Р. Державин в своём новгородском имении учил грамоте и молитвам крестьянских ребятишек? Или, скажем, дочь крепостного крестьянина, получившего вольную от графа Шереметева, Надежда Прокофьевна Суслова стала первой русской женщиной врачом, доктором медицины? Можно ли себе представить, чтобы Радзивиллы или Огинские воспитывали своих отпрысков у белорусских крестьянок, а сами они учили белорусских детей белорусскому языку и православной вере? Даже в самом фантастическом сне такое допустить невозможно.

Но есть традиции, которые закреплены в ментальности нашего народа. Это касается традиции общности исторических судеб белорусов и русских. Всякие попытки иронизировать над этой традицией как раз и свидетельствуют или о непонимании белорусской ментальности, или о желании смены нашей ментальности и привязке ее к чужой системе исторических представлений и взглядов. Да, белорусы и русские – два народа. Но это народы-братья. Отличаясь эмоциональными оттенками, они тем не менее представляют собой единую этнокультурную и цивилизационную общ-

ность. Этого никогда не следует забывать. Об этом прекрасно сказал еще в середине XIX века белорусский этнограф Павел Шпилевский: «Есть на всей Руси большой край, который называется Белоруссией. Живут там люди белорусские родные братья людей великорусских» [7, с. 71].

Таким образом, исторический путь развития Белоруссии проходил в русле национального, культурного, цивилизационного единства с Россией. Для белорусского и русского народов характерны языковое родство, единство образа жизни и территории, одна и та же социальная система ценностей, одни и те же мировоззренческие и политические убеждения, общность исторической судьбы.

Эта специфика образования белорусского государства рельефно проявляется на примере попытки создания Белорусской Народной Республики (БНР) во время немецкой оккупации Белоруссии в 1918 году. Историки, анализирующие процесс возникновения БНР, делают большой упор на различные частные моменты и сообразно казусной логике исторического мышления подразделяются на две группы: одни считают, что БНР не была государством, а представляла собой только идею белорусской государственности, поскольку у нее не было реальной власти и реальных признаков государственности: армии, полиции, Конституции, судебных органов, финансовой системы и т.п. Другие же доказывают, что БНР все-таки была белорусским государством, поскольку имела флаг, герб, «государственную печать». Несмотря на свои расхождения, обе группы исследователей, тем не менее, считают, что БНР следует рассматривать как явление, которое все-таки способствовало формированию национального самосознания белорусского народа, развитию его языка и культуры, осуществлению государственной самостоятельности и независимости.

Некорректность такого вывода заключается в том, что он основывается на хронологических и формально-юридических признаках. Для постижения феномена БНР важна не формально-юридическая, а философско-историческая точка зрения. А философско-историческую подкладку БНР как раз и составлял комплекс антирусских, антисоюзных идей, которые шли вразрез с белорусской ментальностью и белорусской государственностью.

Один из важнейших деятелей БНР Вацлав Ластовский в своих работах доказывал, что «белорусы и русские две разные расы, а белорусское движение по существу является не просто сепаратным от России, а движением национально-расовым»[8, с.79]. Вернувшись из эмиграции в Минск в 1927 году и став руководителем исторической и этнографической науки в Советской Белоруссии, он продолжал проповедовать теорию волото-кривского происхождения белорусов, согласно которой белорусы имеют расово-антропологическое превосходство над русскими. Им была создана так называемая концепция о «Кривии» – огромном белорусском государстве в прошлом, где доказывалось, что белорусский народ должен называться «кривичским», так как он принципиально отличается от русских, а название Белjрусcbz должно быть заменено Кривией.

Другой деятель БНР Аркадий Смолич в учебнике для средних школ БССР «Кароткі курс геаграфіі Беларусі» пытался всячески обосновать антропологическое (физическое) отличие белоруса от русского. А Язэп Лесик – третий деятель БНР – принимал все меры к тому, чтобы противопоставить белорусский язык русскому, выступал в печати против употребления белорусскими писателями и учеными любого, даже извечно белорусского слова, если оно хотя бы по внешней форме совпадало с русским словом. Такая «белорусизация» не помогала, а мешала белорусскому народу получить образование на родном языке.

Идеологи БНР всячески стремились противопоставить белорусов и русских, развести Белоруссию и Россию по разные стороны исторического и цивилизационного развития. И такая идеология была не только антироссийской, но и антибелорусской, поскольку она была чужда белорусскому национальному характеру, в ложном свете рисовала взаимоотношения между белорусами и русскими, а поэтому абсолютно не воспринималась нашим народом. Совсем не случайно, что БНР была провозглашена в период немецкой оккупации Белоруссии в 1918 г., так как она не имела поддержки среди белорусского народа, а лишь рассчитывала на «хаўрус с Германской империей», т.е. с оккупантами. Вот почему БНР никакого отношения к белорусскому национальному самосознанию и к белорусской государственности не имеет.

Историческое значение образования БССР заключается в том, что оно явилось закономерным итогом исторического развития белорусского народа, когда он, наконец-то, поднялся на уровень государственного мышления и государственного строи-

тельства. БССР нельзя ограничивать лишь советской государственностью и рассматривать ее в качестве преходящего этапа в истории белорусской государственности. Советскость белорусской государственности – это лишь форма, сущность же БССР заключается в союзности. Форма – преходяща, сущность – постоянна. БССР лежит в основании дальнейшего развития белорусского государства именно как Союзного государства.

Не Уния, а Союз

Белорусская государственность сформировалась в условиях общерусского цивилизационного времени и пространства, союза с русским народом, совместного строительства Союзного государства, т.е. союзной, национальной модели развития в противоположность модели унионистской, антинациональной. Терминологически понятия «союз» и «уния» тождественны, но за этим формальным тождеством скрывается принципиально разное философско-историческое содержание. Уния Белоруссии с Польшей всегда была реакционна, антинациональна, поскольку ставила своей целью денационализацию белорусского народа. Союз Белоруссии и России всегда был прогрессивен, национален, поскольку способствовал сохранению ментальных характеристик белорусского народа, сохранял условия для национального возрождения и государственного строительства. Вот почему всякие концепции «вхождения Белоруссии в Европу», «Европейскую унию» будут вести к утрате государственной независимости Республики Беларусь, к денационализации белорусского народа, т.е. к его исчезновению.

В геополитическом контексте противоположность между союзной парадигмой и унионистской моделью развития Белоруссии выступает как противоположность между интеграцией и глобализацией. Формально интеграция и глобализация рассматриваются как тождественные процессы. Но фактически они означают принципиально противоположные варианты мирового развития. Глобализация является антиинтеграционной парадигмой, сущность которой сводится к бесплатному присвоению природных, трудовых, интеллектуальных ресурсов человечества в интересах западных корпораций и потребителей. В известной степени это признает лауреат Нобелевской премии по экономике за 2002 год Джозеф Стиглиц, который отмечает, что «существует большой массив фактических данных и аналитических построений, подтверждающих, что глобализация усиливает экономическую нестабильность, а экономическая нестабильность способствует ослаблению чувства защищенности и увеличению масштабов нищеты» [9, с. 80].

Объединение в рамках Европейской унии идет в русле глобализации, которая так или иначе ориентирована на закрепление привилегированного положения западных стран в системе международных отношений и создание однополюсного мира.

Строительство же Союзного государства Белоруссии и России основывается не на стратегии однополюсного глобализма, а на стратегии многополярного мира, многополюсной интеграции, сущность которой заключается в установлении справедливых взаимоотношений между всеми государствами мирового сообщества. Интеграционная парадигма Союзного государства основывается на справедливом доступе к экономическим и финансовым возможностям для всех стран, на их взаимном интересе, радикальной демократизации международных институтов на основе общепризнанного международного принципа «одна страна – один голос».

В этнокультурной сфере противоположность между союзным и унионистским принципами общественного и государственного развития Белоруссии выступает как противоположность между национальной культурой и так называемой западной «цивилизованностью». Еще Л.Н. Толстой метко отмечал различие между подлинной культурностью и мнимой цивилизованностью. культурой и так называемой западной «цивилизованностью». «Все то благоденствие народов, которое представляется нам в управляемых насилием, так называемых благоустроенных государствах (европейских – Л.К.), ведь есть только видимость – фикция. Все, что может нарушить внешнее благообразие, - все голодные, больные, безобразно развращенные, все попрятаны по таким местам, где их нельзя видеть. Но то, что их не видно, не показывает того, что их нет. Напротив, их тем больше, чем больше они скрыты, и тем жесточе к ним те, которые их производят» [10, с. 508].

Подлинная культура базируется не на заимствованных принципах и институтах,

а на национальной системе ценностей. Необходимо уважать национальные ценности и формировать чувство самоуважения. Навязывание чуждых ценностей подрывает уверенность человека в своих силах. Союзный вектор развития Белоруссии и России как раз и аккумулирует в себе национальную систему ценностей наших народов, их высокую духовность, культуру и человечность.

В сфере политики противоположность между Союзом и Унией проявляется как противоположность между народным пониманием демократии и западной трактовкой демократии, как противоположность между народовластием и олигархической формой правления.

Дело в том, что в конституционном праве США под демократией понимается «охрана прав меньшинства». В американских политических трактатах утверждается, что если «большинство будет объединено общим интересом, права меньшинства окажутся под угрозой»[11, с. 392]. Очевидно, что такое понимание демократии никак нельзя назвать демократическим, поскольку изначально устанавливается, что интересы большинства должны законодательно подчиняться интересам меньшинства, т.е. большинство граждан должно руководствоваться не своим общим интересом, а частным интересом, интересам меньшинства. Но ведь такое государство будет уже являться государством меньшинства, а не большинства, т.е. государством не демократическим, а олигархическим. При такой трактовке демократии повисает в воздухе сама идея правового государства, ибо такое государство не включает в свою обязанность охранять права большинства, защищать не только частные, но и общие интересы.

Западная политическая система по своей природе является не демократической, а олигархической. Таким образом, унионистский сценарий политического развития постсоветского пространства объективно ведет к установлению не демократии, а режима олигархии в постсоветских республиках.

Союзная модель развития, основывающаяся на историческом опыте наших братских народов, как раз и представляет собой демократическую модель обустройства постсоветского пространства.

Сегодня ведется много разговоров о модернизации экономики Белоруссии и России. Считается, что Белоруссия и Россия должны проводить модернизацию через признание европейских ценностей и смену ментальности наших народов. Аргументируют так: дескать, наши народы не инициативны, не предприимчивы, привержены патерналистской психологии, а поэтому, чтобы осуществить модернизацию экономики, надо сменить ментальные характеристики населения, сделать его по-настоящему европейским. И мы вроде бы соглашаемся с такой аргументацией. Но в том-то вся и пикантность, что это абсолютно ложный подход. Ибо в основе модернизации и расширения возможностей человека, в том числе и его инициативы, предприимчивости, должно лежать чувство собственного достоинства. Человек, которому постоянно внушают, что он ленится, что у него психология иждивенца, что ему надо поменять свою ментальность, будет всегда чувствовать свою социальную и нравственную ущербность, приниженность. Думать, что такой человек будет способен к некоему инновационному мышлению, а следовательно, и к модернизации экономики – глубочайшее заблуждение. Поклоняться чужим пенатам – это верх пресмыкательства. В то же время сознавать долг и не исполнять его – это трусость. Отказываться от своей ментальности – значит, отказываться от самого себя, от своей идентичности.

Могут возразить. А как же быть с западными технологиями, которые мы хотим приобретать, чтобы модернизировать экономику? Здесь важно понимать, что западные технологии – это результат научно-технического развития всей современной цивилизации, а не только западного сообщества. Например, знаменитая Силиконовая долина в США. Ведь это скорее не Запад, а Восток, поскольку без индийских и китайских специалистов не было бы никакой Силиконовой долины. Аналогично обстоит дело и с другими наукоемкими технологиями. И самое главное. Как раз эти технологии Запад и не хочет предоставлять незападным странам, выдвигая на пути трансферта этих технологий всевозможные ограничения и преграды. А вот свой политический мусор (фарисейская демократия, олигархическое гражданское общество, однополые браки) западные правительства всеми способами, даже военной силой, стремятся навязать другим странам и народам. Очевидно, что подобные идеи и технологии ничего общего не имеют с социально-политическим прогрессом современного мира. Вся эта повапленная западная демократия, говоря словами Иисуса Христа, представляет собой окрашенные гробы,

«которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты». Подтверждение этому – оценка Евросоюзом парламентских выборов 2016 года в Белоруссии. Вот что заявили представители официального Брюсселя: «Евросоюз выступает за стабильное, демократическое и богатое будущее страны ради народа Белоруссии и будет продолжать свою работу с твердым намерением достичь этой цели»[12]. Евросоюзу вторит руководитель пресс-службы госдепартамента США Джон Кирби. По его словам, США «твердо и безоговорочно поддерживают суверенитет и независимость Белоруссии, а укрепление демократии в стране приведет к улучшению двусторонних отношений Минска и Вашингтона»[13]. В переводе с этого фарисейского языка на нормальную человеческую речь это означает, что западная бюрократия и военщина ставит своей целью сделать из Белоруссии натовский плацдарм против России и навязать белорусам русофобские фашиствующие режимы. А белорусские чиновники и аллилуйствующие им эксперты как малые дети сочиняют химеры о «Белоруссии как доноре европейской безопасности», не понимая того, что западные «благодетели» и «миротворцы» стремятся провернуть в Белоруссии тот же самый бандеровский сценарий, который им удалось осуществить на майданутой Украине.

Необходимо понять, что только уважение к своим национальным ценностям и традициям, только чувство своего национального достоинства являются основой экономического процветания страны. Это и есть условие модернизации экономики и демократизации политической системы. И тогда сами собой отпадут фальшивые и лицемерные рассуждения о смене ментальности, о «европеизации» наших народов как якобы необходимом условии модернизации наших стран.

Важно понимать, что проблему модернизации экономики нельзя экстраполировать на сферу нравственности. Можно говорить о модернизации экономики, но нельзя вести речь о модернизации нравственности. Почему? Потому что у нравственности нет прогресса. Нравственные ценности абсолютны. Нравственность имеет дело не с сиюминутным, а с вечным. Пытаясь сменить ментальность, то есть, модернизировать систему ценностей белорусов и русских, мы тем самым лишаем их устойчивости, смысла жизни, превращаем их деятельность в дурную бесконечность, никогда не достигающую своей человечности, смысловой определенности.

Необходимо понять, что Союзное государство это и есть наша национальная идея. Это и есть наш национальный путь развития, отвечающий интересам наших братских народов. Союзное государство – это не альтернатива независимости Белоруссии и России, не ущемление их суверенитета, а наоборот, такое политическое образование, благодаря которому укрепляется независимость обоих государств, осуществляется реализация совместных национальных интересов в современном мире.

Литература:

Гегель, Г. Энциклопедия философских наук. Наука логики / Г. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1.

Коялович, М. Чтения по истории Западной России / М. Коялович. – СПб, 1884.

Лукашенко, А. Г. Исторический выбор Беларуси. Лекция Президента Республики Беларусь в Белорусском государственном университет, Минск, 14 марта 2003 г. / А. Г. Лукашенко. – Минск: БГУ, 2003.

Киприанович, Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Г. Я. Киприанович. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2006.

Абецедарский, Л.С. В свете неопровержимых фактов (на бел. языке) / Л.С. Абецедарский. – Минск, 1969.

Державин, Г. Р. Сочинения / Г. Р. Державин. – М.: Правда, 1985.

Шпилевский П. Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических ее сказках / П. Шпилевский // Пантеон. – СПб., 1853. - Т. X. - Кн. 7.

Залесский, А. И., Кобринец, П.Н. О национальных отношениях в Советской Белоруссии. Исторические очерки. / А. И.Залесский, П. Н. Кобринец. – Гродно, 1992.

Доклад о развитии человека за 2003 год. Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственная договоренность об избавлении человечества от нищеты. – Минск:Юнипак, 2003.

Толстой, Л.Н. Рабство нашего времени / Л.Н. Толстой. – Собр. соч. - М.: Художественная литература, 1964. – Т. 16.

Новак, Майкл. Дух демократического капитализма / Майкл Новак. – Минск: Лучи Софии, 1997.

ЕС: в Белоруссии прошли выборы, но не совсем демократические // h p:// www.regnum.ru/news/polit/2178822.html (дата доступа: 13.09.2016).

США усомнились в честности парламентских выборов в Беларуси // htt ;// www.news.tut.by/politi s/511849.html (дата доступа: 13.09.2016).

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО РУСОВЕДЕНИЯ

CONTRADICTIONS OF THE CONTEMPORARY BELARUSIAN RUSSIAN STUDIES

УДК 304

Иван Алексеевич Чарота,
доктор филологических наук, профессор,
зав.кафедрой славянских литератур БГУ, академик
Сербской Академии наук и искусств
Prof., Ph.D. Ivan Charota,
Head of Department of Slavic Literatures, Belarusian
State University, Academician of Serbian Academy of
Sciences and Fine Arts

РЕЗЮМЕ. Статья анализирует конкретные формы и причины набирающего в последнее время силу процесса «отчуждения» от «русского мира», который имеет место в Республике Беларусь. Данный процесс выражается в области исторической науки, СМИ, а также в сфере культурной политики и образования. Особое внимание в статье уделено анализу того, как литература в целом и преподавание литературы в учебных заведениях в частности влияют на трансформацию традиционного менталитета белорусов в антирусском формате.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русоведение, интеграция, Русский мир, самосознание, дерусификация, антирусскость

RESUME. The artic e explores concrete forms and the reasons of the process of the increasing alienatio from the “Russian World”, which is currently taken place in the Republic of Belarus. This process is manifested in Historiography, in mass media, and in the fie d of culture and education. The ar cle is focused on the analysis of how the literature and teaching of literature in schools influe ce the transformation f the tradi onal mentality of Belarusians, which is being reshaped in the an -Russian format.

KEY WORDS. Russian Studies, integration, Russian World, Self-consciousness, Derussifi ation, An -Russian approach

Необходимо посвятить пристальное внимание клубку противоречий, связанных с отношением белорусского общества к интеграции вообще. Во-первых, мы должны учитывать то, что массовым сознанием интеграционные процессы воспринимаются как необходимость и даже неизбежность, при любом раскладе; правда, для одних позитивным представляется российский/евразийский вектор, а для других – евросоюзовский. Во-вторых, следует иметь в виду, что неизменно усиливается тенденция представить иллюзорную евроинтеграцию значительнее реального восстановления разорванных при «перестройке» всесторонних связей с Россией. В-третьих, нельзя не заметить, что начинают доминировать негативные оценки совместного социально-экономического и политического опыта Республики Беларусь и Российской Федерации … Но даже при сходных оценках типологически общего в недавнем прошлом, настоящее и будущее видится по-разному. В чем дело? Причин много. Но главная из них, пожалуй, в том, что в разломный период наше общественное сознание не было защищено от навязываемой фронтально антирусскости. Даже трезвомыслящая часть интеллигенции своевременно не смогла в нужной степени предостеречься от переориентации сознания. Во всяком случае, мало кому удалось избежать самообмана, типичными формами которого стали излишне абсолютизированные исторические мифы, в числе которых – величие ВКЛ, его равноправие с Польской Короной, дружественность и даже белорусофильство Речи Посполитой как в средние века, так и в новое время, белорусский «патриотизм» польской и полонизированной шляхты, религиозная толерантность на землях Беларуси во все времена и т.д. и т.п. Кроме того, массовое сознание с излишней доверчивостью восприняло стереотипизированную «памяркоўнасць», из лучших побуждений преувеличивая надвременную значимость того, что на момент развала СССР в Беларуси для русофобии оставалось места меньше, чем в других республиках… Между тем, развитие ситуации пошло не в том направлении, которое предполагалось добрыми намерениями, и вскоре мы оказались перед вот какой реальностью: отчуждение от «русского мира» во всех его исторических формах и нынешних проявлениях явственно выражается отнюдь не только в митинговой риторике; а если отмеченный вектор станет определяющим в перспективе, это будет означать не что иное, как утрату белоРУССКОСТИ.

Все это в достаточной степени очевидно, со всей определенностью свидетель-

ствует о реальных противоречиях и, соответственно, уже приобрело серьезное идеологическое значение. Как бы то ни было, прочность идеологии, устойчивость ее как системы, все-таки должна основываться не столько на выверенных актуально-политических ориентирах, сколько на дающих надежную духовно-нравственную опору традиционных мировоззренческих ценностях, которые предопределены реальной историей народа, его генезисом и вероисповеданием – тем, что обусловливает то или иное представление о справедливом мироустройстве, о роли и месте человека в именно так устроенном мире, о его отношениях с другими людьми и с Богом, а из этого выведенные взгляды на свободу, равенство, братство... Лишь в таком случае система взглядов-убеждений стабильна, перспективна и созидательна.

И вот это нам, белорусам, попущено проверить на собственном опыте последних двадцати пяти лет, когда пришлось искать опоры для национально-государственной идеологии. Как ни формулируй смысл подобных исканий, а на поверку оказывается, что в качестве пробного камня выступает все-таки отношение к исторической Руси, Российской империи, Советской России и нынешней Российской Федерации. И если Русь, «русский мир», рассматривать как опорное определение единого и незаменимого этно-духовного пространства, то неизбежно возникают вопросы, связанные буквально со всем тем, что предопределило типичные свойства нашего нынешнего самосознания.

Главные претензии, конечно же, вызывает доминировавший в системе образования всех ступеней специфический подход к истории – собственно, произвольное мифотворчество, с помощью которого уже на протяжении четверти века “перестраивается” мировоззрение. Согласно установкам историков-мифотворцев, судьба белорусского народа не должна рассматриваться в сопряжении с судьбой народа (велико)русского, они противопостоят на всех этапах, подтверждением чему должна стать современная реальность. Поэтому в специфическом “катехизисе” нового белоруса, называвшемся “100 пытанняў па гісторыі Беларусі”, тенденциозно антирусски интерпретировалась вся история белорусов от древности до современности. В нем как негативно судьбоносные для белорусов представлены разделы Польши в 1772 –1795 гг. и таким же – присоединение наших земель к России в 1793 –1795 гг., зато как неосуществленные мечты о счастье описаны польские восстания 1831 и 1863 гг. Ясно, почему в такой истории не нашлось места преподобномученику Афанасию Брестскому, преподобному Леонтию Карповичу, благоверной Софиии Слуцкой, святителю Георгию Конисскому и многим другим личностям отечественной истории, олицетворяющим извечную устремленность к единству русского и православного мира. Зато в “радетели” о белорусском народе, в самые что ни есть знаковые личности его истории возведены деятели Польши – король Стефан Баторий, магнаты Радзивиллы и Сапеги, генерал Костюшко, национал-революционер Калиновский и иже с ними. А вот генералиссимус Суворов, разгромивший генерала Костюшко, отнесен к категории смертных врагов белорусского народа.

Самую непосредственную связь с проблемой дерусификации самосознания белорусов имеют те изменения, которые претерпели первые строки нового белорусского гимна. Понимаю, что мне могут возражать: ну, это уже преувеличение! Боюсь, что нет. Как-никак, прежде наш гимн все-таки начинался словами: „Мы, беларусы, з братняю Руссю разам шукалі к шчасцю дарог...“ А ведь теперь – судя по концентрированному выражению идеологии государства и нации, каковым является гимн – искать дороги к счастью вместе не представляется нужным.

Автору этого выступления доводилось уже не раз, устно и письменно *(1)*, высказывать тревогу по поводу этой весьма опасной дерусификации самосознания белорусов – причем как состояния, свойственного не только так называемой «пятой колонне», каким-то «националистам» или «радикалам». Увы, мы не успели заметить, что, получив соответствующее воспитание и образование, уже выросло целое поколение, для которого “европейство” намного важнее родства, братства. И это ставит нас перед весьма сложным комплексом коллизий, которые сами по себе не исчезающт, а наоборот, со временем усугубляютеся. Чтобы не быть голословным, остановлюсь на тех моментах – конкретных и, может быть, частных, – которые раньше упоминал лишь в общих чертах или вообще не затрагивал.

Прежде всего о том, что по-настоящему способны воспринимать старшие поколения и что должно составлять их завет младшим. Все-таки должен звучать так, чтобы всем слышен был, голос той категории белоРУСов, для которых непреходящую значимость имеет общерусская (восточнославянская) культура – исходно, в

древности, предопределившая основы единого «русского мира», сохранившая нашу сущность на протяжении целого тысячелетия и по-прежнему объединяющая нас, граждан современной Беларуси, с гражданами современной России, а также и Украины, несмотря на все противоречия, которые навязываются извне. Как старшие, так и младшие поколения истинных белорусов должны прийти к убеждению, что для нас культура великорусская – не чужая, всего лишь «соседская», и даже не просто «родственная», а родная. Соответственно, белорусы такого склада не могут не чтить общерусских святых, а также составляющих гордость всего восточного славянства великорусских художников, композиторов, писателей. Особо следует остановиться на личности А.С.Пушкина, с исключительной широтой и глубиной представляющего сущность общерусской культуры, ее универсальные ценности. И почитание в данном случае обусловлено вовсе не какими-то установками актуальной идеологии, которые могли бы духом времени привноситься или, еще хуже, навязываться, а нашей собственной исконной сущностью – тем, что перешло к нам в наследие от предков и что мы должны передать своим детям, внукам, правнукам. Увы, за последнее время и в нашей среде не являются исключением те, кого Пушкин справедливо именовал «клеветниками России». Они во что бы то ни стало стремятся ниспровергнуть русского гения, противопоставить его всем нам, не признавая «нашим». Хотя сам Александр Сергеевич, как известно, в белорусах видел «народ, издревле …родной, но отчужденный от России жребиями войны» *(2)*. Мудрое высказывание, надо согласиться. А глубина содержания высказанной мысли еще по-особому актуализируется тогда, когда зададим себе вот какой вопрос: так неужели упомянутые ниспровергатели хотят увеличения «жребиев войны» и усугубления их последствий? Убежден, что подавляющее большинство наших соотечественников этого все-таки не хочет.

Между тем, чтобы застраховаться от обвинений в случайности цитат и тенденциозности отвлеченных рассуждений, я пробовал выяснить, насколько Пушкин «наш» или «не наш», с помощью простейшего опыта: в нескольких аудиториях и непринужденных разговорах предлагал слушателям и собеседникам разные свои наблюдения, чувства и суждения подкреплять/иллюстрировать строками из стихов, которые они могут вспомнить, т.е. сохраняют в памяти. При этом тему и аспект выбирали без моей подсказки, без какого бы то ни было воздействия. Брали разное – поры года и погода, свойства человеческого характера, отношения между людьми – любовь и дружба, красота, добро, вдохновение, патриотизм – короче говоря, обо всем… И что же получалось в итоге? А то, что белорусами более всего вспоминаются и цитируются поэтические строки Пушкина – например, «унылая пора, очей очарованье», «буря мглою небо кроет», «зима, крестьянин торжествуя», «я помню чудное мгновенье», «я к вам пишу, чего же боле», «любви все возрасты покорны», «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» и т.д. вплоть до нравственных наставлений типа « хвалу и клевету приемли равнодушно, и не оспаривай глупца»… Причем этот своеобразный тест в любой компании белорусов дает примерно одинаковые результаты: из всех писателей, властителей дум, на первом месте всегда Пушкин. Разве это плохо? Неужели спишем на непатриотичность (пост) советского среднего образования? Да слава Богу, что поколения белорусов воспитывались и воспитываются на прекрасных пушкинских сказках, стихах и поэмах, рассказах и повестях. А еще более примечательно то, что для некоторых важное значение имели также его историософские, литературоведческие и литературно-критические работы. Вообще же, русский гений Пушкина – это феномен национальный и всемирный, о чем без нас достаточно сказано. Однако не стоит бояться повторения мыслей, утверждающих правду, тем паче что именно они сейчас очень нужны как для воспитания детей и юношества, так и для вразумления подверженных заразе кощунства представителей старших поколений… Особо остро такая востребованность проявилась после неподобающего обращения с подаренным памятником А.С.Пушкину в славном белорусском Могилеве. К сожалению, случай этот постарались замолчать. А невозможно-таки не согласиться с прозвучавшей в прессе оценкой случившегося: позор! И произошедшее вынуждает снова и снова повторять, чтобы не забывалось хотя бы то, что стало общеизвестным и общепринятым: без Пушкина (обще)русскую литературу даже представить невозможно (как ни старались «прорабы перестроек» начала и конца XX века сбросить его «с парохода искусств», не удалось-таки). Неоспоримым, опять же, является то, что творческий опыт Пушкина оказал мощное благотворное влияние практически на все литературы славянские в периоды их становления, а также на литературы народов СССР. Кстати, достаточно посмотреть автобиографические и анкетные записи белорусских писателей XX века –

в большинстве из них обнаружится упоминание Пушкина как учителя, идеала, образца. Да и любой современный наш писатель, душу свою не закрывающий для прекрасного и не продающий ее за конвертируемые гонорары, должен быть ему благодарен – если не как литературный наследник, продолжатель, то хотя бы как читатель.

Что же касается должного отношения к русскому народу вообще, то не лишне вспомнить и слова Якуба Коласа, который без оговорок признавал: «Никогда на протяжении многовекового своего существования, несмотря на превратности исторических судеб, не отрывался белорусский народ в своих чаяниях и стремлениях от своего старшего брата, великого русского народа» *(3)*. Многие ли из современных белорусских писателей способны искренне и открыто сказать подобное? Чаще высказывается противоположное. И можно еще понять раздраженные реакции на выражение «старший брат», но нельзя оправдать все усиливающиеся тенденции заменить неприязнью саму идею братства и ее историческое осуществление. Что ж, своей лирой чувства недобрые пробуждая, вряд ли будут они этим любезны народу, если он сохранит здравый смысл.

А для нас не менее важен еще один аспект – актуальные вопросы репрезентации русского/русскости в школьном образовании Беларуси. Думается, нет нужды кого-то убеждать, что настоятельно требует подходов новых и интегративных (уже потому, что речь идет об интеграции «вовне») целый комплекс вопросов, обусловленных результатами глобальной «перестройки», которые повлекли за собой существенные изменения статуса русистики в мире, а прежде всего – в бывших республиках СССР. Хотя и мало проку в недифференцированных оценках происходящего на всем так называемом постсоветском пространстве, но следует учитывать, что «процесс пошел» сходным образом практически во всех советских республиках, устремившихся к независимости, а затем утверждавших суверенность и «самость» если не на открытой русофобии, на радикальном противопоставлении России, то так или иначе на отчуждении от нее. Выражалось это прежде всего в отношении к русскому языку. Но не только. Разумеется, к литературе, культуре, истории тоже. На поверхностный взгляд, как уже отмечалось, Беларусь в этом плане – явление нетипичное: антирусские настроения у нас катастрофических масштабов пока не обрели; русский язык признан вторым государственным, а по функциональности является преобладающим; в массах, что называется, находит поддержку политика строительства союзного с Россией государства.

Тем не менее, наблюдается и то, что можно считать типологически общим для всех бывших советских республик. Например, стремление укрепить и утвердить в качестве доминирующей и определяющей свою особенность – национальную именно -— во всех сферах. Отразилось это и на этнокультурном сознании: чем дальше, тем больше русская культура и собственно литература оцениваются «взглядом постороннего», который если не программирует, то неизбежно допускает соответствующие аберрации. Как раз это очевидно на примере учебных программ, которые предлагаются для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения *(4)*. В их содержании отразилась зависимость составителей от идеологии так называемой «перестройки». Отсюда и большинство недостатков. Главный из них – отсутствие четкого представления о русской литературе как форме национального сознания, соответственно – национального мировидения, мироотражения, миропонимания. Фактически, предлагается просто большой набор текстов, что называется, хороших и разных. Пожалуй, из-за стремления подать «из рога всего много» непропорционально большое внимание уделяется зарубежным писателям всех времен и разных народов (Гомер, Шекспир, Дж. Свифт, Сервантес, Г.Х.Андерсен, Дж. Голсуорси, А.Дюма, Р.Киплинг, А.Конандойль, Г. и Т. Манн, Ф.Саган, Э.По, М.Твен, А.Франс, А. Сент-Экзюпери, Т.Драйзер, О.Уайльд...), впрочем, кроме народов славянских. Странно также, что в V классе при весьма пристальном внимании к античной мифологии, а также к литературе в целом, даже не упоминается Библия, Книга Книг. Ее обошли вниманием и позднее – в VIII классе, когда вновь изучается античность. Опять же, вряд ли возымеет желаемое действие столь настойчивое приобщение учащихся, особенно V и VIII классов, к «миру приключений, фантастики» – в частности, к творчеству таких авторов, как А. Азимов, Е.Велтистов, братья Стругацкие, С. Лем, К.Булычев, К.Саймак и дополнительная рекомендация познакомится с произведениями А.Толстого, И.Ефремова, А.Беляева, В.Крапивина. Хотя можно догадываться, чем это обусловлено.

Противоречивые чувства вызывает поспешное, непродуманное решение

наравне с русской литературой подать «русскоязычную литературу Беларуси» с далеко не выверенным списком имен. Соответственно, возникает серьезная неразбериха в выборе имен авторов и произведений, относящихся к собственно русской литературе. Показательно то, как сами составители программы путаются, окончательно запутывая усердных школьников: в двух случаях они используют определение "русскоязычная поэзия/литература Беларуси" (VI и VIII классы), а в завершающей части (XI класс) с тем же значением употребляют понятие «Русская литература Беларуси". Что и у них нет четкого представления об этом явлении, убедительно свидетельствуют также перечни имен. В одном случае это "А.Аврутин, В.Блаженный, К.Михеев, Ю.Сапожков, Л.Турбина и др.", в другом – "С.Полоцкий (?), Н.Минский (?), В.Блаженный, С.Евсеева, В.Поликанина, А.Аврутин, Н.Чергинец и др.", в заключительном же списке, помимо названных, еще И.Шкляревский (?), А.Скоринкин, Ю.Фатнев, А.Сульянов, О.Ждан, Н.Круговых, С.Трахименок, А.Андреев, Э.Скобелев, Е.Попова... Кроме всего, эстетический и духовно-воспитательный уровень произведений упомянутых в расширенном списке авторов, мягко говоря, не всегда позволяет включать их в школьные программы. А в итоге без ответа остаются простые вопросы: Если не разобрались даже сами "взрослые" (т.е.составители программ и учителя), то как эту неразбериху могут осмысливать дети? Почему перечни имен не имеют объективной обусловленности, хотя бы проверенности временем? Зачем под используемые определения "русская литература Беларуси/русскоязычная литература Беларуси" подверстывать задним числом известные имена – в частности, С.Полоцкого, Н.Минского, И.Шкляревского. Ведь если в качестве определяющего признаки берутся "корни", то уместно также было бы называть Ф.Булгарина и Ф.Глинку, Ф.Достоевского и А.Грина, а если оценивать по другим критериям, то в соответствующих перечнях должны оказаться А.Адамовича, С.Алексиевич, В.Быкова, Г.Будинаса, А.Козловича, И.Бурсова, Б.Спринчана и В.Спринчана, П.Кошеля, В.Липневича, М.Шелехова, Т.Дашкевич и многих других?

Собственно русская литература также представлена далеко не всегда адекватно. Во-первых, то, что называют «детской литературой», вряд ли может считаться «полной» без имен К.Ушинского, В. Одоевского, Д.Григоровича, а также В.Бианки, Б.Житкова, Н.Носова... Всем ясно, у школьников должно формироваться правильное отношение к классике, вершинным достижениям русской словесности, а по серьезному счету – адекватное восприятие их. Но ведь этого никогда не достигнуть, если незрелым подросткам, к тому же – дезориентированным современной массовой культурой, навязывать в тенденциозных интерпретациях «Мастера и Маргариту» и «Собачье сердце» М.Булгакова, «Доктора Живаго» Б.Пастернака, «Жизнь и судьбу» В.Гроссмана, «Один день Ивана Денисовича» А.Солженицына, а в дополнение еще и отнюдь не классические произведения С.Довлатова, Т.Толстой, В.Ерофеева... Особо важными (для школьников) все же не являются и такие произведения, как «Пушкинский дом» А. Битова, «Факультет ненужных вещей» Ю.Домбровского, «Новое назначение» А.Бека, «Жизнь и судьба» В.Гроссмана, «Верный Руслан» Г.Владимова, «Крутой маршрут» Е.Гинзбург, «Колымские рассказы» В.Шаламова. Определенно не стоит преувеличивать значение для русской литературы творчества Ф.Искандера и Ч.Айтматова. А при этом трудно понять, почему программой столь скромное место отводится Валентину Распутину, без которого русскую литературу 1960-2000 годов нельзя себе представить. Подобные вопросы возникают также в связи с Л.Леоновым, М.Исаковским, М.Алексеевым, Е.Носовым, А.Яшиным, Ю.Бондаревым, Б.Можаевым, И.Акуловым, В.Личутиным, Н.Рубцовым и др., а также с русской литературой диаспоры и эмиграции.

В пояснительной записке к программе вроде бы правильно формулируется цель изучения литературы: «...Приобщение учащихся к искусству слова в контексте движения духовной и социально-исторической жизни народа и развитие на этой основе у них художественного мышления и эстетических чувств, творческих способностей, читательской и речевой культуры, формирование нравственно-эстетических ориентаций». Вместе с тем трудно понять, какой «контекст движения духовной ... жизни» имеется в виду, если по-прежнему особо почетное место отводится М.Горькому с рассказом «Старуха Изергиль», в котором заглавный образ, мягко говоря, возвышается безо всяких на то оснований, уже потому, что в нем поэтизируются бродяжничество и прелюбодеяния... А подобных столкновений с противоречиями наша школьная программа по русской литературе готовит немало. Получается, что **образование уже не выполняет, и даже не берет на себя,** задачу интеллектуального и

духовно-нравственного формирования человека с высокими идеалами, **что оно перестало** работать на закрепление системы ценностей – истинных, традиционных. В этом наша беда.

Горькие плоды придется пожинать, коль отказываемся учить детей восприятию словесности и слова так, чтобы они реагировали и разумом, и душой, и сердцем. Вот, готовясь к этому выступлению, я поискал темы сочинений, который предлагались гимназистам сто лет назад. Послушаем и позавидуем тому юношеству, которое тогда воспитывали посредством словесности: *Слово как источник счастья. *Почему жизнь сравнивают с путешествием? *Родина и чужая сторона. *О скоротечности жизни. *Какие предметы составляют богатство России и почему? *О высоком достоинстве человеческого слова и письма. *О непрочности счастья, основанного исключительно на материальном богатстве. *На чем основывается духовная связь между предками и потомством?

Между тем, подход, который мы для себя избрали, обязывает остановиться и на таком болезненном моменте: в сложившейся ситуации русистика и сам русский язык, увы, могут использоваться для дискредитации «русского мира». Причем в белорусской среде особенно, поскольку она русскоязычная. Пожалуй, не мне одному доводилось читать и слышать: мол, именно через русский язык засоряется и разрушается наше сознание… И, как ни горько такое признавать, есть в этом доля правды. Пусть формально, без вины великого и могучего языка. Но действительно ведь засоряет и разрушает сознание как пресловутый «русский» мат, так и псевдорусская – упоенно заимствуемая из главного мирового языка – лексика наших безумных дней: *киллер, дилер, триллер, менеджер, блокбастер*, *трафик, тюнинг, шопинг…*

Чтобы стало понятно, отчего это явление нами квалифицируется как опасно разрушительное, попытаюсь восстановить картинку с натуры: Малыш пяти-шести лет играет во дворе – бегает, прячется и вроде бы стреляет. Проходящая мимо старушка останавливается и заговаривает с ним, спрашивая: «Ты что, в Чапаева играешь?». Мальчик, конечно же, не понимает бабулю, останавливается в недоумении. Тогда она задает другой вопрос: «Наверно, ты хочешь быть офицером?». В ответ слышит: «Нет». Однако старушка продолжает расспрашивать, интересуется: «А кем же хочешь быть?». Ребенок, не раздумывая, отвечает: «Киллером».

Кратко это резюмируется следующим образом: у ребенка уже разломано языковое сознание. Ясно, что он, соответственно своему возрасту, этого не осознает. Но дело в другом: осознают ли те взрослые, которые буквально в каждой части бесчисленных сериалов поэтизируют такое высокооплачиваемое занятие смелых и умелых – настоящих! – мужчин? Это они ввели в детский ум желание стать именно убийцей. Ребенку-то невдомек, что так на его родной язык переводится употребленное им иностранное слово и что в родном языке его содержание наполнено как резко отрицательной нравственной оценкой, так и суровой юридической квалификацией. Что ж, стоит задуматься хотя бы тем взрослым лицам, кто хотя напрямую и не причастен к таким процессам разрушения сознания, но все же несет за это ответственность. И всем нам нужно признать, что, как ни печально, подобное приходит через (псевдо) русский язык, через российские телевизионные каналы и другие средства массовой информации, которые вносят немалый вклад в то, что Л.Е. Криштапович назвал «модернизацией сознания». Собственно, не только для юного поколения виртуальный мир закрывает мир реальный. И всем нам предстоит еще осмысливать жестокие условия «бинарной цивилизации» (Оливер Суботич) и в ее контексте – противоречия современного белорусского русоведения.

Литература:

1. Чарота И.А. О дерусификации самосознания белорусов (Тревожные размышления вслух) // Трибуна русской Мысли. № 16 (« Россия и славянский мир»). С. 253-260; Он же. О сути деформации самосознания белорусов // История и общественно-гуманитарные науки как инструмент цивилизационной войны против Русского мира / Материалы круглого стола. – Минск, 2014. С. 103-122; Он же. Дерусификация как деформация самосознания белорусов // Социология. 2015. № 1. С. 69-81; Он же. Реальное против идеального: перспективы союза Беларуси с Россией // Наш современник. 2015. № 6. С. 244 – 257; Исти. Реалност, која спречава идеално: Дерусификација самосвести Белоруса и перспективе савеза Белорусије и Русије // Где ти је држава, Каине? : будућност словенских држава / приредио З.Милошевић. – Шабац: Центар академске речи, 2015. С. 210-233; Он же. То реальное, что препятствует идеальному: Дерусификация самосознания белорусов и перспективы союза Беларуси с Россией //

Возвращение. Духовно- просветительский альманах. Выпуск 1. 2016. – Белгород-Губкин –Ракитное: Духовно-просветительский центр имени архимандрита Серафима (Тяпочкина). С. 43 – 59.

2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т.VII. – М.-Л., 1951. С.328.

3. Якуб Колас. Моя республика, мой народ // Советская Белоруссия. 1949, № 215. Цит. по: Ивашин В.В. М.Горький и белорусская литература начала XX века. – Минск: Изд. АН БССР, 1956. С. 6-7.

4. Русская литература V-XI классы. Учебная программа для общеобразовательных учреждений с белорусским и русским языками обучения . – Минск: Национальный институт образования, 2012.

БЕЛОРУССКИЙ ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК О РОССИЙСКОМ ПЕРИОДЕ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИИ

BELARUSIAN SCHOOL TEXTBOOK ABOUT THE RUSSIAN PERIOD OF BELARUSIAN HISTORY

УДК 930:372.8

Александр Дмитриевич Гронский
кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего Центром евразийских исследований
филиала РГСУ в Минске
Alexander D. Gronskii
Candidate of Historical Sciences, Docent, assistant manager Center for Eurasian Studies branch of Russian State Social University in Minsk

Резюме: В статье рассматривается, как оценивается Российская империя в белорусских школьных учебниках. Анализируется информация о функционировании старобелорусского языка и его отличии от русского языка того времени.

Ключевые слова: Белорусские школьные учебники по истории, история Белоруссии, Российская империя, конец XVIII – начало XX в.

Summary: The articl dwells on the assessment of the Russian Empire in Byelorussian school textbooks. The article analyzes the information about historical events and the functioning of the Russian administration f that time

Keywords: Byelorussian school textbooks on History, the history of Belarus, the Russian Empire, late 18th - early 20th century

В Белоруссии периоду белорусской истории с конца XVIII в. до начала XX в. посвящено изучение истории в 9 классе.[1] С конца XVIII в. белорусские земли вошли в состав Российской империи, поэтому, как замечают авторы, «возникли новые условия для формирования белорусского этноса, развития экономики и культуры Белоруссии».[2] Российская администрация не старалась вести жёсткую политику на вновь присоединённых землях. «Российские власти допускали компромиссы в своей политике на присоединённых землях, чтобы получить лояльность новых подданных империи».[3] «В качестве законодательства в судебной сфере продолжал действовать Статут Великого княжества Литовского 1588 г.»[4] Несмотря на достаточно гибкую имперскую политику, авторы учебника всё же ставят в укор российской администрации то, что местные жители могли работать в чиновничьем аппарате, но не имели возможности занимать должностей губернаторов и генерал-губернаторов, которые «занимали только чиновники, которые верой и правдой служили самодержавию».[5] Но ведь назначение на высшие посты оппозиционно и даже враждебно настроенных лиц, как минимум, не логично. Если бы имперская власть на высшие должности приводила антироссийски настроенных местных магнатов, тогда можно было бы ставить вопрос о дееспособности высшей власти в империи. Именно поэтому такое решение властей стоит рассматривать как абсолютно логичное.

Также российскую администрацию учебник упрекает за то, что «в Белоруссии отменялось магдебургское право».[6] На самом деле, магдебургское право (городское самоуправление по определённому немецкому образцу) российской властью было от-

1. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Гісторыя беларусі, канец XVIII – пачатак XX ст.: вучэбны дапаможнік для 9 га кл. устаноў агульная сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. – 2 е выд., дап. і перагледж. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2011. 199 с.
2. Там же. С. 7.
3. Там же.
4. Там же. С. 10.
5. Там же.
6. Там же. С. 11.

менено лишь в городах, являвшихся в бывшей Польше центрами воеводств, и частновладельческих городах. Во всех же остальных городах магдебургское право отменили ещё тогда, когда они находились в составе Речи Посполитой.[7] Однако учебник про это не упоминает вообще.

Культура Белоруссии в Российской империи, если судить по учебнику, переживала трудные времена. Самое главное, что она развивалась в условиях, когда отрицались самобытность и отличительность белорусского народа. «Царское правительство считало белорусский язык диалектом русского языка», – указывают авторы учебника,[8] но не называют те структуры или организации, которые считали иначе. В начале XIX в. таких попросту не было. Почему-то в укор лишь российской администрации авторы ставят отношение к простому народу: «Белорусские крестьяне, как и другие податные сословия, интересовали власти Российской империи в первую очередь с точки зрения пополнения доходов казны».[9] Однако любое правительство рассматривало своих подданных примерно также, поэтому вряд ли стоит упрекать в подобном поведении лишь российские власти.

Особый интерес представляет параграф, озаглавленный «Белоруссия в период войны 1812 г».[10] Понятие Отечественная война 1812 г. полностью выведено из учебников. Сейчас эта война представляется как борьба этнических великоросов с наполеоновским нашествием. Странно описывается русская армия. Собственно русские оцениваются отрицательно. В частности, упоминается, что российская армия применяла на своей территорию тактику «выжженной земли».[11] Но когда речь заходит о конкретных личностях или событиях, тон меняется. Например, гибель генерала Кульнева описывается с некоторым пафосом: «Последним усилием генерал завернулся в шинель простого солдата, потому что пожелал умереть как простой рядовой великой российской армии».[12] Имя Кульнева иногда используется в белорусской патриотической пропаганде, поскольку его имение находилось в Витебской губернии, т.е. на территории современной Белоруссии, именно поэтому есть определённая привязка к территории, а отсюда и попытка придать генералу некоторые белорусские черты. Также пафосно говорится и о сражении под Салтановкой. Действия Раевского авторы учебника оценили как легендарный подвиг.[13] Кроме того, упомянуто мужество российских воинов при Бородино.[14] Особо следует отметить одну деталь очень важную в белорусской идеологической риторике. Белоруссию называют республикой-партизанкой, имея в виду Великую Отечественную войну. Партизаны являются символом народного сопротивления, это понятие позитивно воспринимается большинством населения. Каждый советский школьник, изучая историю, читал о партизанском движении периода Отечественной войны 1812 г. Но по современным белорусским взглядам оказалось, что партизанских отрядов в 1812 г. не существовало. Вместо него появились всего лишь «отряды самообороны», да и те организовывались только «с целью защиты своего имущества».[15] В конце параграфа присутствует следующее задание: «Определите причины противодействия белорусских крестьян французским войскам».[16] Текст параграфа и цитата из единственного источника подталкивают школьников именно к отрицанию иных мотивов в деятельности белорусских крестьянских «отрядов самообороны». Таким образом, белорусским крестьянам полностью отказано в каких-то иных причинах сопротивления нашествию, кроме как заботой о сохранении собственного имущества. Естественно, что жители территорий, недавно вошедших в состав Российской империи, были настроены менее патриотично, т.к. у них общегосударственный патриотизм ещё только начинал формироваться. Но вряд действия абсолютно всех «отрядов самообороны» стоит списывать на стремление защитить своё имущество. Более того, даже летучие партизанские отряды русской армии называются «небольшими войсковыми отрядами».[17] Получается, что в

7. Грыцкевіч А. Магдэбургскае права // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 5. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1999. С. 6.
8. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 8
9. Там же. С. 12.
10. Там же. С. 15 – 23.
11. Там же. С. 16.
12. Там же. С. 17.
13. Там же. С. 17.
14. Там же. С. 19.
15. Там же. С. 19.
16. Там же. С. 23.
17. Там же. С. 19.

елоруссии не было никаких партизанских действий. Тем не менее, летучие армейские отряды определялись как партизанские уже в то время, т.е. действия партизанских отрядов на белорусских землях были. Можно вспомнить, что именно партизаны Д.В. Давыдова взяли Гродно.

Нелогично и отрицание того, что война 1812 г. была для некоторых территорий страны Отечественной. Если тогдашние белорусские крестьяне были подданными Российской империи, а в Российской империи война стала Отечественной, почему это не должно касаться жителей Белорусско-Литовских губерний? Они же ведь тоже были частью государства. Тем более, что авторы учебника заявляют, что «в победу России в войне 1812 г. внесли вклад и солдаты-рекруты из белорусских губерний». И что интересно, подчёркнуто, что большинство из этих рекрутов были как раз в тех частях русской армии, которые прославились в Бородинском сражении.[18] А ведь эти солдаты сражались и умирали за своё Отечество – Российскую империю.

В этом же параграфе упоминается о предвоенных проектах автономии для бывших польских территорий. В учебнике приведён ряд цитат из проектов, которые лишь подчёркивают отношение бывшей элиты Речи Посполитой к потерянной стране. Так, в записке М.К. Огиньского, поданной Александру I, говорится: «Часть Польши, присоединённая к Российской империи, составляла когда-то отдельное самостоятельное владение – Литву […]».[19] Далее Огиньский продолжает: «[…] если бы со времени присоединения к России забранных польских земель была создана одна провинция, сохранено имя Литва […]».[20] Таким образом, Огиньский утверждает, что к России в конце XVIII в. была присоединена часть Польши, которая лишь когда-то была самостоятельным государством. Это утверждение Огиньского – жителя поздней Речи Посполитой говорит само за себя. Бывшая элита Речи Посполитой не говорила о федеративном государстве Речь Посполитая. Земли былого Великого княжества Литовского для них были Польшей. Хотя в настоящее время в массовом сознании укоренилось представление о том, что местная «белорусская» шляхта всё равно помнила свои «литвинские» корни и противопоставляла себя собственно Польше.

Интересно, что из всего параграфа «Белоруссия в период войны 1812 г» школьнику нужно запомнить всего два понятия: автономия и «план Огиньского» [план по приданию автономии присоединённым к России землям Речи Посполитой – А.Г.]. Таким образом, весь смысл параграфа о 1812 г. – это стремление к автономии, как будто именно это было самым важным в 1812 г.

После Отечественной войны 1812 г., которую в Белоруссии упорно не признают Отечественной, в литовско-белорусских губерниях появились тайные патриотические общества учащейся молодёжи. По белорусским учебникам очень сложно сказать, были ли члены этих обществ белорусскими или польскими патриотами. В учебнике корректно и расплывчато заявлено, что члены обществ действовали на пользу Отечеству.[21] А вот что они понимали под Отечеством, учебник скромно умалчивает. Видимо, если бы в заявлениях тайных обществ звучали белорусские нотки, то эти цитаты уже давно бы были в каждой книге о том периоде, а поскольку общества были польскими патриотическими, их деятельность скромно обозначают как пользу для Отечества. В вопросах к параграфу есть и такой: «Можно ли считать филоматов [одно из таких обществ – А.Г.] патриотами своего Отечества?»[22] Что в этом случае понимать под Отечеством, не ясно. Но вряд ли современный школьник в состоянии проанализировать самоопределение шляхты того времени, поэтому для ученика Отечество однозначно выступает синонимом Белоруссии. В вопросах в конце книги авторы опять возвращаются к тайным обществам 20-х гг. XIX в. В частности, вопрос звучит так: «Докажите, что участникам обществ филоматов и филаретов было присуще чувство литвинского патриотизма».[23] В настоящее время «литвинство» является новой формой белорусской идентичности. Поэтому политоним «литвины» сейчас ряд заинтере-

7. 18. Там же. С. 21.

19. Там же. С. 15.

20. Там же. С. 16.

21. Там же. С. 24.

22. Там же. С. 29.

23. Там же. С. 67.

сованных лиц объявил этнонимом и старается навязать это утверждение всем остальным. [24]

Отдельной идеологической проблемой в белорусской историографии стоят польские восстания XIX в. Восстание 1830 – 1831 гг. в начале 90?х гг. пытались объявить белорусским выступлением против русского владычества, но с течением времени белорусские историки стали относиться к восстанию более спокойно. В анализируемом учебнике оно названо просто восстанием 1830 – 1831 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. Указывается, что крестьяне и мещане в основном присоединялись к повстанцам под принуждением, а лозунг восстания гласил «за Польшу, за Отечество наше».[25] Одним из руководителей восстания 1830 – 1831 гг. был «проводник польской Демократии» (именно так о нём пишут в учебнике) И. Лелевель.[26] Т.е. восстание, исходя из этих фактов, явно польское. Но в обобщающем уроке сказано, что восстание 1830 – 1831 гг. российскими властями лишь «воспринималось как бунт польской шляхты против правительственной политики».[27] А если оно так лишь воспринималось, значит, на самом деле оно было не польским. Таким образом, в разных частях учебника звучит разная оценка одного и того же события.

Одним из серьёзных идеологических вопросов конца XX – начала XXI в. стал вопрос об унии, т.е. греко-католицизме, который белорусские оппозиционные политики рубежа XX – XXI вв. хотели даже объявить «национальной религией белорусов». В 1839 г. уния была отменена, а бывшие униаты возвратились в лоно Православной Церкви, из которой они были выведены в конце XVI в. Учебник сообщает, что при отмене унии «были утрачены многие старые книги, иконы, скульптуры и др. Верующие имели трудности с привыканием к новым иконостасам, русским молитвенным книгам, пониманием языка присланных из России священников».[28] Однако ещё за два десятилетия до отмены унии, униатское руководство стало постепенно ориентироваться на православные обряды и книги.[29] Поэтому верующие не должны были иметь серьёзных трудностей «в привыкании» к православию.

В параграфе, посвящённом культуре первой половины XIX в., такие личности как Адам Мицкевич, Владислав Сырокомля, Игнат Домейко указаны как польско-белорусские культурные деятели. У людей подобного плана, по мнению авторов учебника, «жило, хоть часто и подсознательное, чувство исторической отдельности, любви к Отечеству – литвинский патриотизм».[30] Что касается литвинского патриотизма как чувства исторической отдельности, то его очень хорошо описал академик Е.Ф. Карский: «… этот патриотизм был “белорусский”, но сущность его была польская. Он был белорусский по любви к территориальной родине и её пейзажной и бытовой обстановке, но вся жизнь белорусского народа понималась с чисто польской точки зрения: этот народ играл только служебную роль; его бытовое содержание, его поэзия не могли ожидать какого-нибудь собственного самостоятельного развития и должны были только послужить к обогащению польской литературы и поэзии, как самый народ должен был питать польскую национальность, в которой он считался».[31]

Иногда встречаются явное желание выдать распространённые явления за единичные, не сообщая, что они не были редкостью. Например, о девушке, в которую был влюблён А. Мицкевич, сказано, что она «была очень образованным человеком: знала несколько языков, современную литературу, играла на фортепиано, красиво пела».[32] Однако, практически все девушки дворянского происхождения в то время знали не один язык, играли на музыкальных инструментах, пели и читали современ-

24. Одна из самых одиозных книг по этой теме: История имперских отношений: беларусы и русские, 1772 – 1991 гг. / Составление, перевод с беларуского языка, научное редактирование А.Е. Тараса. Минск: А.Н. Вараскин, 2008. 608 с. Нужно отметить, что современные белорусские и белорусско-литвинские националисты стремятся всеми силами навязать белорусские нормы написания в русский язык. Именно поэтому в названии и тексте данной книги присутствуют грамматические ошибки – беларусы, беларуский.
25. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 26.
26. Там же. С. 30.
27. Там же. С. 64.
28. Там же. С. 36.
29. См., например, Теплова В.А. Брестская церковная уния. Предыстория, причины и следствия. // Уния в документах. Сборник. Составители В.А. Теплова, З.И. Зуева. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 55 – 57.
30. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 58.
31. Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. Минск: «Беларуская энцыклапедыя», 2006. С. 341.
32. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 62.

ную литературу. Видимо, попытка зафиксировать то, что первая любовь великого поэта не могла быть обычной помещичьей дочкой, привела к тому, что стандартный набор достоинств дворянской девушки того времени начал восприниматься в категории «очень образована». Получается, что остальные дворянки не умели играть на музыкальных инструментах и петь, не читали современной литературы и не знали иностранных языков.

Итогом первой половины XIX в. можно считать фразу «Самосознание белорусов в первой половине XIX в. имело преимущественно культурно-просветительский характер».[33] Как самосознание может носить культурно-просветительский характер, непонятно.

Вторая половина XIX в. в учебнике начинается событиями 60-х гг. Это отмена крепостного права и польское восстание 1863 – 1864 гг. Последнее событие наиболее интересно, поскольку до сих пор основная масса белорусских исследователей считает его не столько польским, сколько белорусским, а одного из руководителей повстанцев в Северо-Западном крае – Константина Калиновского до сих пор воспринимают как белорусского национального героя. [34]

Восстание 1863 – 1864 гг., по мнению авторов учебника, было направлено «против самодержавия, сословного и национального неравенства», его целью было «возрождение государственности на землях бывшей Речи Посполитой».[35] Нужно учитывать, что повстанцы стремились возродить не какую-нибудь условную государственность, а польскую. Направлено же оно было против самодержавия, что логично для польских повстанцев. Что же касается сословного и национального неравенства, то тут вопрос сложный. Дело в том, что часть повстанцев действительно выступала против сословного неравенства, но только часть. И говорить о восстании в целом вряд ли корректно. По поводу же национального равенства вопрос ещё более сложный. В восстании никаких белорусских лозунгов не звучало, поэтому про национальное равенство как направление восстания говорить проблематично. Касательно восстания на белорусских землях учебник почему-то даёт немного другой перечень того, против чего выступали повстанцы. Восстание «в Белоруссии было направлено против самодержавия, остатков крепостного права и сословного неравенства».[36] Заметим, что про национальное белорусское самоопределение не говориться. Но «красные» – радикальная группа повстанцев – стояли, в том числе, и за самоопределение народов.[37] Подробнее самоопределение не описывается. Также без подробностей указывается, что К. Калиновский был сторонником идей «наделения угнетённых народов правом на самоопределение своей судьбы».[38]

К. Калиновского авторы учебника называют несвойственным ему, но укоренившимся за годы пропаганды именем Кастусь, хотя известно, что это белорусофицированное имя он получил только в 20-е гг. XX в. – период, когда активно формировалась белорусская национальная героика социалистического толка и была необходимость найти «национальных героев», борющихся за права белорусского народа и против самодержавия.

Орган восстания в Северо-Западном крае – Литовский провинциальный комитет – «объявил себя Временным провинциальным правительством Литвы и Белоруссии и обнародовал программные документы, которые дублировали программу польских повстанцев»[39] – пишет учебник. Обратим внимание, что в названии комитета и правительства есть слово «провинциальный», что уже подчёркивает привязанность

33. Там же. С. 65.
34. О реальном, «небелорусском» положении дел в период Польского восстания см.: Гронский А.Д. Конструирование образа белорусского национального героя: В.К.Калиновский // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006. М., «Индрик», 2008. С.253 – 265. В сокращённом виде статья была напечатана в белорусском журнале. см: Гронский А.Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. № 2. С. 82 – 87. В качестве первой реакции была полная эмоций рецензия. См: Вашкевіч А. Як Гронскі расправіўся над Каліноўскім // ARCHE. 2008. № 7,8. С. 51 – 72. После чего началась планомерная защита «белорусского национального героя» белорусскими националистически ориентированными исследователями. Кстати, практически никто из защитников Калиновского не критиковал тексты, критиковался лишь автор, посмевший замахнуться на «белорусского национального героя». Это может говорить о том, что опровергнуть факты, показывающие польскую ориентацию Калиновского невозможно, но тогда может расшататься белорусский героический пантеон.
35. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 71.
36. Там же. С. 78.
37. Там же. С. 79.
38. Там же. С. 79.
39. Там же. С. 81.

Северо-Западного края к Польше, с точки зрения повстанцев, но никак не его отдельность. Не корректно говорить о дубляже программы именно польских повстанцев. В этом случае возникает ощущение того, что в Северо-Западном крае были не польские повстанцы. Местная шляхта была в крайнем случае, давно ополяченными местными жителями, но это не даёт права заявлять о каких-то отдельных белорусских или литовских требованиях, самосознание шляхты было польским. Все требования повстанцев Северо-Западного края были такими же польскими, как и повстанческие требования в самой Польше.

Достаточно корректно сказано об участии в восстании крестьян. Ранее утверждалось, что белорусские крестьяне массово шли за своим вождём К. Калиновским. Однако на самом деле восстание было шляхетским. Крестьяне обычно забирались в отряды силой. Но часть из них пошла против властей добровольно. Это была отдельная категория бывших государственных крестьян. Учебник объясняет, что государственные крестьяне были недовольны реформами конца 50?х – начала 60?х гг. XIX в., поэтому, даже получив свободу, они приняли более активное участие в польском восстании.[40] Опять же, это подтверждает то, что никакой национальной идеи у повстанцев не было. Те белорусские крестьяне, которые приняли участие в восстании добровольно, делали это не по национальным мотивам, а по социально-экономическим.

Вообще, за исключением мелких моментов, восстание описано достаточно корректно. Но в вопросах к параграфу просят выяснить, в чём заключалось духовное завещание К. Калиновского белорусскому народу.[41] «Духовным завещанием» называют «Письма из-под виселицы», написанные Калиновским в тюрьме и тайно переданные на свободу. Кстати, в этих «Письмах …», Калиновский обращается к «мужицкому народу», т.е. крестьянам, а не к белорусам. Учебник не упоминает о том, что К. Калиновский написал ещё и «Письмо Яськи-гаспадара к мужикам земли польской», в котором прямо заявил: «мы, что живём на земле Польской, что едим хлеб Польский, мы, Поляки из веков вечных».[42]

Далее авторы пишут, что «после восстания 1863 – 1864 гг. самоопределение белорусов происходило в границах белорусского национального движения, на своей собственной этнической основе. Этому способствовал процесс складывания белорусской нации, который в границах Российской империи проходил в условиях отсутствия у белорусов собственной государственности».[43] На самом деле, в Российской империи процесс происходил в условиях отсутствия национальной государственности. Однако такое заявление намекает, что будто где-то в другом месте эта государственность была. Белорусы не являлись в то время субъектом истории, поэтому и за границами Российской империи никто не предоставил белорусскому национализму возможности формировать нацию.

Наверное, одним из самых идеологизированных вопросов любого учебника истории, написанного в локальном постсоветском государстве, является проблема становления нации и национального самоопределения. Не обошло это стороной и белорусские учебники. Так, в «Истории Белоруссии» сказано, что «в условиях многоэтничной России особую остроту приобрёл национальный вопрос о реализации права народов на свободное, добровольное этническое, государственное, культурное самоопределение. Национальная интеллигенция стремилась пробудить самосознание белорусов и выработать национальную идею – представления, в которых народ отражает своё понимание себя как общности людей (нации) и смысла своего исторического существования».[44] В итоге получается некое противоречие, если речь идёт о «добровольном этническом, государственном, культурном самоопределении», тогда народ должен сам определяться с тем, к каким этносу, культуре и государству он принадлежит, но «представления, в которых народ отражает своё понимание себя» почему-то вырабатывает интеллигенция, а не народ. Тогда возникает вопрос с добровольным определением. Вообще, в конце XIX в. для массы белоурсов вопрос национального самоопределения вряд ли стоял. Например, академик В.А. Тишков считает,

40. Там же. С. 75.

41. Там же. С. 85.

42. Каліноўскі К. За нашую вольнасць. Творы, дакументы / Уклад., прадм., паслясл. і камент. Г. Кісялёва. Мінск: «Беларускі кнігазбор», 1994. С. 241 – 242.

43. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 171.

44. Там же. С. 73.

что в дореволюционной России только два национализма – польский и финский – могли претендовать на некую самостоятельность.[45] Об остальной активности подобного плана он пишет: «"Национальные движения" в империи Романовых были маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций, крайне редко облекаемых в риторику национализма, а тем более в его сепаратистской форме».[46] Таким образом, В.А. Тишков не считает местные попытки возвести региональную самобытность в ранг субъекта политики даже заявкой на национализм. Что же касается конкретно белорусской проблематики, она лишь подтверждает слова Тишкова.[47]

Ещё с советской поры белорусский национализм, переименованный в белорусское национальное движение, рассматривался как явление, поддерживаемое абсолютным большинством белорусского населения. В противовес ему выступал западнорусизм – идеология и практика, утверждавшая, что белорусы являются частью русского народа, но имеют культурно-региональные отличия от велико- и малорусов. Западнорусистских взглядов придерживалось более 80 % белорусского населения дореволюционной России. Учебник также рассказывает о западнорусизме. Повествование достаточно корректно. Однако о его влиянии на массы не сообщается. Авторы наоборот стараются показать, что появившееся в первой половине XIX в. белорусоведение было сугубо антизападнорусистским и на неоспоримых фактах опровергало западнорусскую идеологию. Например, в 1860-е –1910-е гг. были собраны фольклорные материалы, которые «наперекор официальным установкам царского правительства подтвердили факт существования самостоятельного белорусского этноса».[48] (Кстати, если почитать собрания фольклорных и прочих материалов, тогда впечатления об этом не сложится). В гуманитарных исследованиях на этих землях было преимущественно белорусоведческое направление. Далее перечисляются люди, которые это направление развивали: Павел Шейн, Евдоким Романов, Евфимий Карский и Митрофан Довнор-Запольский.[49] Если вспомнить, что ранее в этом же учебнике указывалось, что белорусоведение и западнорусизм были противоположностями, то надо признать, что из четырёх перечисленных белорусоведов трое первых принадлежали именно к западнорусскому направлению, а Довнар-Запольский выбрал ориентацию белорусской отдельности не сразу. Таким образом, современным исследователям надо признать, что белорусоведение создали те, кто не верил в белорусов как отдельный народ. Также в учебнике транслируется стандартная ошибка, которая присутствует даже в академической энциклопедии белорусского языка.[50] Проблема касается сборника И.И. Носовича. Составитель назвал книгу, как пишут белорусские авторы, (естественно, по-белорусски) «Слоўнік беларускай мовы»,[51] что в переводе на русский звучит как «Словарь белорусского языка». Однако, если посмотреть на обложку оригинального издания, то там написано «Словарь белорусского наречия», что по-белорусски должно звучать как «Слоўнік беларускай гаворкі». Таким образом подменяются понятия «язык» и «наречие».

Особо интересным является пассаж о белорусоведческой деятельности академика Е.Ф. Карского. Как пишут авторы учебника, «Карский показал самостоятельность белорусского языка в семье других славянских языков, обозначил территориальные границы его распространения и создал соответствующую карту. Исследователь научно обосновал национальную самобытность белорусов как самостоятельного славянского народа, который создал свою богатую и оригинальную культуру и имеет древ-

45. Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность // Профиль [Электронный ресурс]. 2008. 23 июня. № 24 (579). / Режим доступа: http:/ www.profil.orc.ru numbers/?=615.

46. Тишков В.А. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. май-июнь. С. 34.

47. О реальном положении белорусского национализма в начале XX в. см.: Гронский А.Д. Конструирование неимперской элиты в Российской империи (на примере белорусов) // Империи и империализм нового и новейшего времени: Сборник статей. СПб.: Исторический факультет СБбГУ, 2009. С. 225 – 232; Его же. Проблема белорусского национализма в начале XX в. // Управление общественными и экономическими системами [Электронный ресурс]: многопредмет. науч. журн. 2008. № 1. Орел: ОрелГТУ. С. 1 – 32. // www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2008/1/gronskiy.pdf.

48. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 153.

49. Там же. С. 153 – 154.

50. Шчэрбін В.К. «Слоўнік беларускай мовы» І.І. Насовіча // Беларуская мова: Энцыклапедыя. Пад рэд. А.Я. Міхневіча. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. С. 524.

51. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 153.

ние традиции. Исследование Е. Карского стало настоящей “энциклопедией белорусоведения”». В другом месте сообщается, что Карский изначально был «неправильного» мнения о белорусах и белорусском языке, считая белорусов частью русского народа, а их язык – наречием, но впоследствии будущий академик исправился. Вот как об этом пишет учебник: «Влияние западнорусизма испытали и некоторые белорусские учёные и деятели культуры. Например, уроженец Гродненщины, основатель белорусского научного языкознания и литературоведения Евфимий Фёдорович Карский изначально рассматривал белорусскую общность как “ветвь русского народа”, а белорусский язык – как “западнорусскую ветвь среднерусских говоров”. Он считал, что обучение белорусскому языку не должно идти далее начальной школы, среднее высшее образование и наука могут обеспечиваться через “общерусский язык”. В дальнейшем Я. Карский обосновал самобытность белорусов как самостоятельного славянского народа, осветил важнейшие этапы белорусского языка, его специфические особенности».[52] Однако, если же почитать собственно Карского, то такого впечатления не сложится. Академик Карский вплоть до своей смерти в 1931 г. не считал белорусов отдельным народом, а белорусскую речь отдельным языком. Это можно проверить по его текстам, например, по классическому трёхтомному труду «Белорусы»,[53] по текстам кануна Октябрьской революции, когда имперская цензура уже не действовала, а большевистская ещё не появилась,[54] по книгам советского периода,[55] а также по отношению к нему белоруссоязычных писателей в 20-х гг. XX в. [56] Миф о том, что Карский доказал самостоятельность как белорусского народа, так и белорусского языка до сих пор сохраняется даже в исследовательской среде.[57]

Тем не менее, несмотря на то, что белорусоведение создали и развили исследователи, не признававшие самостоятельности белорусов и стоявшие в основном на западнорусистских позициях, в учебнике постоянно предпринимаются попытки раз-

52.Там же. С. 88.

53. Данное исследование выходило в 1903 – 1921 гг. Цитирую по изданию Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Минск: БелЭн, 2006 – 2007. Т. 1.: «… для лиц, незнакомых научным образом с тем и другим наречием, разграничение белорусов и малорусов на первый взгляд кажется затруднительным» (с. 38); «… белорусская речь имеет много общего с южновеликорусскими говорами, так что здесь опять представляется немало трудностей при разграничении тех и других» (с. 41); «… литература на белорусском наречии всё же не возникла. Причиной этого, по моему мнению, является 1) отсутствие талантливых произведений среди первых работ, 2) неимение соответствующего круга читателей…, 3) что самое главное – особенная близость народного белорусского языка к южновеликорусскому, вследствие чего, если опустить в напечатанном этимологически белорусском произведении дзеканье, цеканье, то получится почти общелитературное произведение, отличающееся только меньшей отделкой и, следовательно, менее достойное внимания читателя» (с. 340); «В 1891 г. вышла на белорусском наречии очень тенденциозная книжка Мацея Бурачка: Дудка белорусская. … Бурачок … старается возбудить сепаратистические стремления национальные и литературные: отстранить белорусов от великорусов и побудить их к выработке сомостоятельной литературы. «Прадмова» написана … несомненно, с целью вызвать смуту в русском семействе. Она может даже произвести некоторое впечатление на людей, мало знакомых с историей белорусской территории и с особенностями славянских языков, которые здесь упоминаются, а также с отношениями русских наречий» (с. 357). Т. 3: «На людей мало знакомых с историей белорусской территории, особенностями тех славянских языков, о которых говорится в предисловии, а также русской диалектологией, могло произвести большое впечатление сопоставление белорусов с болгарами, хорватами, чехами и т.д., как это многими делается до сих пор, отчасти по незнакомству с предметом речи» (с. 374); «Она [Наша нива] без стеснения указывает белорусам-католикам, что они не поляки: но в то же время недостаточно ясно подчёркивается, что белорусы такая же ветвь русского народа, как и великорусы и малорусы» (с. 382). При внимательном прочтении работ Карского можно найти множество указаний на то, как он относился к идее самостоятельности белорусского народа и белорусского языка.

54. Коронкевич П.В. Белорусы: (исторический очерк с обзором деятельности "Союза белорусской демократии", этнографической картой белорусского племени и отзывом академика и профессора Е.Ф. Карского о программе Союза) – Гомель: [Без. изд.], 1917: «Введение же в школу, особенно среднюю и высшую, в качестве языка преподавания белорусского наречия только затормозило бы развитие белорусской народности» (с. 12).

55. Карский Е.Ф. Русская диалектология: Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северновеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского яз.). – Л.: Сеятель, 1924: Целый раздел в книге называется «Белорусское наречие» (с. 73 – 118); о велико-, мало- и белорусской речи: «считать их за совершенно обособленные языки никоим образом невозможно: всех их роднит одна общая основа русского языка» (с. 147); «Отсюда сам собою вытекает вывод, что русский язык один, распадающийся на несколько наречий» (с. 149).

56. См. например, Беларусізацыя, 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы. /Уклад. У.К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф. Раманоўскі, Я.С. Фалей; Пад рэд. Р.П. Платонава і У.К. Коршука. – Мінск: БДУ, 2001. С. 245.

57. Сувалаў А.М. Праблема этнагенезу беларусаў у гістарыяграфіі канца XVIII – пачатку XX ст. Аўтарэферат дысертацыі на суісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук па спецыяльнасці 07.00.09 – гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання. – Мінск: БДПУ, 2011. С. 6. Автор пишет: «Согласно концепции Е.Ф. Карского, белорусы признавались третьим самостоятельным восточнославняским народом». Сам же Карский говорил только о белорусской народности как части русского народа.

вести западнорусизм и белорусоведение. В частности, один из вопросов, на которые школьники должны дать ответ, звучит так: «В чём сущность взглядов приверженцев западнорусизма? Сравните эти взгляды с белорусоведением».[58] Уже по факту противопоставления белорусоведения и западнорусизма подчёркивается то, что эти два понятия не могли сосуществовать. Однако именно исследователи и фольклористы, придерживающиеся западнорусских взглядов, по сути, создали белорусоведение как науку. Только эта наука, по мнению западнорусов, рассматривала не самостоятельный народ с самостоятельным языком, а ветвь русского народа со своим наречием.

Совершенно необходимым для создания представлений об историчности собственной нации представляются заявления, связанные с развитием национального самосознания. В учебнике по истории Белоруссии таким документом представляется Всероссийская перепись 1897 г. Авторы учебника пишут: «О формировании национального самосознания свидетельствовали отношения жителей Белоруссии к языку. По переписи 1897 г. белорусский язык признали родным 60 % учителей, 40 % чиновников, 29 % почтово-телеграфных служащих, 20 % работников медицинских учреждений». «Перепись 1897 г. засвидетельствовала, что большинство жителей Белоруссии уже усвоило название “белорусы” и придерживалось его. Термин “Белоруссия” и название “белорусы” последовательно закреплялись за всей территорией проживание белорусского народа».[59] Однако нужно заметить, что далеко не все опрашиваемые называли свой родной язык сами, за них это делали переписчики, которые знали, что есть белорусское наречие (ещё раз повторюсь, языком речь белорусов в то время не считали ни учёные, ни администрация), на котором и должны говорить белорусские жители. Поэтому местных уроженцев записывали в белорусы, не считая их отдельным народом. На рубеже XIX – начала XX в. белорусское население в массе не знало понятие «белорус», называло себя русскими, а к попыткам переименования иногда относилось достаточно агрессивно.[60]

Традиционна в белорусских учебниках критика российской системы образования, которая велась на государственном языке и в русле научных достижений того времени. Так, упрёки авторам дореволюционных школьных учебников в том, что «учебники, которые готовились для школ Северо-Западного края, характеризовались своим западнорусским объяснением истории»,[61] несостоятельны уже потому, что концепция отдельной белорусской нации появилась позже, а в научном дискурсе того времени существовал триединый русский народ.

Случается в учебниках и достаточно интересные обвинения российских властей в борьбе с белорусским «национальным движением». Например, при описании ситуации начала Первой русской революции. «Манифест 17 октября 1905 г. отменил все запреты, которые тормозили развитие национальных языков в Российской империи.[62] Однако объявленные свободы не выполнялись. Летом 1906 г. в деревне Николаевщина Минского уезда произошёл нелегальное собрание народных учителей. […] Собрание было раскрыто полицией. Его участникам, среди них и Я. Коласу, довелось отсидеть в Минской тюрьме».[63] По сути, данная цитата обвиняет российскую полицию в преследовании учителей, которые говорили о переводе образования на белорусский язык. Более того, полиция преследовала учителей уже после того, как был издан Манифест, в котором якобы отменялись запреты на использование языков. Однако обратим внимание на то, что съезд был нелегальным, т.е. он нарушал законодательство в любом случае, и не важно, о чём на съезде говорилось. Таким образом, восстановление административного порядка подаётся как борьба с белорусским языком и невыполнение императорского Манифеста.

58. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 88.
59.Там же. С. 147.
60. Карский Е.Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 2. С. 382; Лёсик Я. Указ. соч. С. 133, 134 – 138; Баршчэўскі А. Вялікая і малая айчына ва ўспрыяцці беларусаў з Усходняй Беласточчыны // Беларусіка-Albarutenika. Кн.6., ч. 1. – Мінск, 1997. – С. 299. Это лишь несколько примеров, которые описывают реальное отношение белорусских крестьян к идеям белорусскости. Вообще, упоминаний о негативном отношении к призывам белорусского национализма множество.
61. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 150.
62. Нужно заметить, что Манифест 17 октября 1905 г. не отменял запреты, тормозившие использование «национальных языков». Манифест давал свободу слова, но не разрешение на использование «национальных языков». Отмена распоряжений «стесняющих употребление местных языков в Западном крае» произошла согласно Закону от 1 мая 1905 г. См. Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXV. 1905. Отделение I. От № 25605 – 27172 и дополнения. – СПб., 1908. – С. 287 (закон № 165).
63. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 122.

Описание Первой мировая войны в анализируемом учебнике по истории Белоруссии, изданном 2009 г., практически не отличается от того, что было в советских школьных учебинках. Уже ставшие классическими фразы «жестокий военно-полицейский режим», «царская армия»,[64] «ура-патриотические настроения»[65] создают у школьников представление о том, как к этому нужно относиться. По фразам из учебника складывается впечатление, что подданные России резко отрицательно отнеслись к войне, а все проявления патриотизма были инсценированы. «Царское правительство проводило многочисленные “патриотические” манифестации и молебны за победу “славянского оружия”, сбор денег на “оборону Отечества”», минчане собрали и передали Николаю II большую сумму денег на «нужды войны»[66] – пишется в учебнике. Жителям России попросту отказывается в каком-либо патриотизме.[67] Однако реальные факты опровергают эти утверждения. Население Белоруссии было настроено достаточно патриотично. [68]

Естественно, что деятельность белорусских националистов в период войны оценивается положительно, а их преследования объявляются не имеющими под собой оснований. В качестве примера подаётся ситуация, возникшая вокруг белорусской газеты «Наша нива», которая «осуждала войну и показывала её бессмысленность. За это редакцию газеты обвиняли чуть ли не в предательстве России».[69] Но, если утверждать, что война бессмысленна, в том числе и для России, тогда нет смысла защищать свою территорию. Естественно, к рассуждениям, ведущим к подобным умозаключениям, власти воюющего государства должны были относиться, как минимум, настороженно.

Претензия к тому, что идеи никому не известных белорусских националистов не разделяли и не поддерживали, относятся также и к некоторым европейским странам. Так, один из лидеров белорусского национализма В.У. Ластовский в Лозанне призвал европейские народы помочь Белоруссии утвердить политические и культурные права, «но правительства европейских стран, втянутые в мировую войну, остались глухи к потребностям белорусской нации». [70]

После Февральской революции в России начался неконтролируемый рост всевозможных общественных организаций. Белорусский национализм также попытался захватить умы местного населения. Авторы учебника указывают, что «особенностью политического положения в Белоруссии в условиях двоевластия стало появление третьей силы (помимо Советов и буржуазных органов власти), которая представляла собой белорусское национальное движение».[71] На самом деле эта третья сила была практически неизвестна, поэтому хоть какое-то её влияние на ситуацию проследить нельзя. Французская исследовательница Э. Каррер д’Анкосс в книге «Евразийская империя» пишет о ситуации, сложившейся после Февральской революции 1917 г. вокруг белорусского вопроса: «[…] интеллигенция мечтала о создании собственно белорусской культуры […] (речь о нации ещё не идёт!)».[72] Это подтверждается ещё и тем, что Временное правительство отказалось вести переговоры об автономии Белоруссии, т.к. не считало белорусов отдельным народом.[73] Да и сама белорусская интеллигенция «с огромными трудностями формировалась в 1880 – 1890-е гг. из среды преимущественно католической шляхты, крестьян, мещан. Она была немногочисленная и недостаточно организованная, фактически не дошла до осмысления самостоятельности своего положения».[74] Зачем вести переговоры с тем, кто не дошёл «до осмысления самостоятельности своего положения?» Вообще, этой фразой о том, что

64.Там же. С. 129.
65.Там же. С. 130, 135.
66. Там же. С. 130.
67. Подробнее о белорусских штампах по отношению к Первой мировой войне см. в: Гронский А.Д. Первая мировая война в белорусских представлениях // Россия и Великая война: опыт осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: Материалы Международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. – М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 54 – 61.
68. См., например: Самович А.Л. Патриотическое движение среди учащейся молодёжи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 29 – 39.
69. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 130.
70. Там же. С. 134.
71 Там же. С. 141.
72. Каррер д’Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2007. С. 170.
73. Марозава С.В., Сосна У.А., Паноў С.В. Указ. соч. С. 142.
74.Там же. С. 146.

сами лидеры национализма не осмысляли себя как самостоятельный субъект исторического процесса, можно подытожить досоветский период белорусской истории.

В целом, учебник истории Белоруссии периода конца XVIII – начала XX в. имеет относительно много претензий. Самое главное, пожалуй, это так называемая модернизация истории, когда идеи и реалии современности переносятся на прошлое, когда их вообще не существовало или они были в ином состоянии. Модернизация истории прослеживается так или иначе практически по всему тексту. Также учебник описывает проявление патриотизма, но не указывает, что этот патриотизм был польским по сути (это касается в первую очередь, описания деятельности польских тайных обществ 20-х гг. XIX в.), что вводит школьников в заблуждение относительно устремлений носителей патриотизма. Помимо того, авторы используют штампы советского времени (например, при описании Первой мировой войны). К тому же в учебнике содержаться фактологические ошибки (например, «Словарь белорусского языка» вместо «Словаря белорусского наречия», указание, что Манифест 17 октября 1905 г. отменил запрет на использование национальных языков). Всё это создаёт не очень объективный взгляд на историю Белоруссии в составе Российской империи.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

IDEOLOGICAL ASPECTS OF BELARUSIAN-RUSSIAN RELATIONS

УДК 32.019.51

Всеволод Владимирович Шимов
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета,
Vsevolod Shimov
Department of poli cal science Belarusian State University

Резюме: Рассматриваются особенности формирования белорусской идентичности в контексте интеграционных процессов России и Беларуси. Анализируются причины возникновения разных моделей белорусской идентичности и конфликтности между ними. В контексте разных моделей белорусской идентичности рассматриваются образы России, а также варианты российско-белорусских отношений, в белорусском самосознании. Указываются риски, связанные с потенциальным конфликтом идентичностей, который сохраняется в Беларуси.
Ключевые слова: интеграция, идентичность, национализм, Россия, Беларусь.

Summary: In the article specific features of Belarusian identit are analyzed. The impact of integration processes between Russia and Belarus on Belarusian identity is considered. Di erent models of Belarusian identit , their con icts and contradicti ns are discussed.
Key words: integrati n, identit , nationalism, Rus ia, Belarus.

Интеграционные процессы эпохи глобализации в современных социогуманитарных науках традиционно рассматриваются с «экономикоцентристских» позиций. Безусловно, экономико-технологический базис является важнейшей предпосылкой интеграционных процессов. Вместе с тем, не стоит недооценивать и фактор идентичности, основанный на представлениях об исторической, культурной, ценностной, цивилизационной общности народов и государств, вступивших на путь интеграции.

В этих условиях интеграционные процессы на постсоветском пространстве протекают в условиях подлинного кризиса идентичности. Дискредитация и крах советского проекта, всплеск национализма в бывших союзных республиках, - все эти факторы осложняют взаимодействие между новыми независимыми государствами, возникшими после распада СССР. Объективная экономическая и геополитическая взаимозависимость постсоветских государств подталкивает к поиску новых интеграционных моделей, однако наполнить их новым позитивным идеологическим содержанием оказывается не так-то просто, что, в свою очередь, обусловливает пробуксовку интеграционных процессов в бывшем СССР.

Для Республики Беларусь интеграция на постсоветском пространстве означает в первую очередь выстраивание отношений с Россией, с которой нас связывают не только основные экономические и технологические цепочки, но и многовековой опыт совместного проживания в общих политических образованиях, а также глубокие историко-культурные связи. Белорусско-российские отношения не могут не быть эмоционально окрашенными, и фактор идентичности в контексте белорусско-российской интеграции приобретает особенное значение.

Оценки и интерпретации российско-белорусских отношений (как в исторической ретроспективе, так и на текущем этапе) разнятся в зависимости от политико-идеологических пристрастий.

Разброс мнений варьирует от радикальных последователей национализма,

утверждающих непримиримый национально-культурный антагонизм между Беларусью и Россией, до сторонников западноруссизма, считающих белорусов неотъемлемой частью «триединого русского народа» наравне с велико- и малорусами (украинцами).

Столь несхожие интерпретации российско-белорусских отношений закономерно порождают несхожие и даже взаимоисключающие образы белорусов как национального сообщества. Это навело ряд исследователей на мысль о расколотости и фрагментированности белорусского культурно-политического пространства. Н. Лещенко[1] пишет о феномене «неосоветского» сознания, которое наследует традициям БССР (в т.ч. и в ориентации на политико-культурный союз с Россией) и противостоит носителям прозападной «национальной» идеи. Историк О.Г. Буховец[2] пишет о борьбе между западноруссизмом и белорусским национализмом за правообладание на белорусский национальный дискурс, а также о неочевидности исхода этой борьбы. О противостоянии прозападного национализма и сторонников политического союза восточных славян на культурно-цивилизационной основе пишут В.А. Мельник[3] и И.Я. Трещенок.[4]

Однако причины подобного национально-идеологического разброда остаются до конца не выясненными: авторы либо ограничиваются констатацией наличия такого раскола, либо выступают с идеологически ангажированных позиций, что приводит к ранжированию альтернативных национально-политических концепций на «свои» и «чужие», «правильные» и «неправильные».

Говоря об альтернативных концепциях российско-белорусских отношений, мы будем иметь в виду «прозападный» белорусский национализм и западноруссизм как наиболее удобные для анализа «идеальные типы», поскольку все прочие варианты так или иначе укладываются в спектр между этими двумя идеологическими полюсами.

Западноруссизм в «чистом» виде в современной Беларуси практически отсутствует, поскольку за период советской власти эта идеология была основательно дискредитирована как «шовинистическая» и отрицающая существование самостоятельной белорусской нации. Тем не менее, все «пророссийские» идеологические построения и по сей день основываются на западнорусском дискурсе, апеллирующем к эксклюзивной культурно-цивилизационной близости восточнославянских народов. Однако сама тема западноруссизма остается во многом табуированной, что не позволяет осмыслить это явление должным образом. Между тем, адекватное осмысление феномена западноруссизма позволяет по-новому взглянуть на всю схему национального генезиса белорусов.

Основным тезисом классического западноруссизма было утверждение национального единства бело-, мало- и великорусов на базе культурно-языкового, религиозного и государственного наследия Киевской Руси. Западноруссы утверждали, что национальное единство восточных славян – русичей не прерывалось и после разделения Древней Руси между Москвой и литовско-польским государством, а идея воссоздания общерусской государственности пережила испытание многовековой политической разобщенностью и вновь воплотилась в жизнь уже в рамках Российской империи.

В современной Беларуси о западноруссизме распространен стереотип как об официозной имперской идеологии, направленной на ассимиляцию белорусов. Действительно, сторонники западноруссизма в своем большинстве были лояльными

1. Leshchenko N. A fine nstrument: two na on-building strategies in post-Soviet Belarus // Nations and Na onalism. – 2004. – № 10(3). – P. 333-352.

2. Буховец О.Г. Эра национализма и образование наций в Европе (часть вторая) // Современная Европа. – 2009. – № 3. – С. 73-85.

3. Мельник В.А. Славянская семья // Беларуская думка. – 2004. – №10. – С. 145-153.

4. Трещенок Я.И. Две белорусские национальные идеи (католический национал-сепаратизм и православная национальная идея). // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Материалы чтений (Минск, 22-24 мая 2001 г.). В 2 ч. Ч. 1, кн. 2.– Мн., 2002. – 255 с.

верноподданными Российской империи и православными монархистами по убеждениям. Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на то, что в западнорусских текстах нередка, пусть и очень осторожная, но критика имперских властей, причем критика, указывающая на противоречивость и непоследовательность политики по поддержке «русских элементов» в крае. Основным недостатком имперской политики, по мнению западноруссов, было стремление к компромиссу с польской аристократией, в том числе ценой уступок в национально-культурном влиянии на белорусское население. Так, все западнорусские авторы согласованно отмечают, что именно под властью России своего пика достигла полонизаторская тенденция на белорусских землях (вплоть до 1830-х гг.). Указываются многочисленные факты полонофильства и нерадения за «русское дело» со стороны имперского чиновничества, а также попытки достичь неприемлемого, с точки зрения западноруссизма, компромисса с поляками уже после того, как доктрина «русского дела» стала доминирующей в российской политике.[5] Таким образом, было налицо определенное несоответствие ожиданий западноруссов и реальных действий имперских властей. Это позволяет утверждать, что западноруссизм был не результатом обдуманной политики Российской империи, а гражданской инициативой снизу, и интересы этого гражданского движения и империи были далеко не всегда тождественны.

Российская империя до конца своего существования сохраняла черты феодальной сословной монархии, опиравшейся на лояльность региональных привилегированных сословий, которые, признавая власть российского императора, могли сохранять многие традиционные культурно-языковые и политико-правовые особенности своей жизни. С этой позиции совершенно понятны попытки Российской империи найти общий язык с польским аристократическим меньшинством на белорусских землях и сделать его опорой своей власти в крае. Идея нации как внесословного сообщества, объединенного общностью культуры, языка, исторических преданий, была во многом чужда российскому государству. Между тем, западноруссизм был именно национальным движением и исходил из интересов национальной группы (белорусов как части «триединого русского народа»), а не баланса интересов разноэтнических аристократических групп. Российская империя сделала ставку на западноруссизм лишь тогда, когда стала очевидной нелояльность польской шляхты (восстания 1831 и 1863 гг.), но и после этого не могла до конца отказаться от традиционной сословной политики.

Представление о западноруссизме как о национальном движении, возникшем внутри белорусского общества, заставляет нас серьезно пересмотреть схему белорусского национального генезиса, в соответствии с которой обособление белорусов от прочих восточных славян в качестве самостоятельной этнополитической группы произошло уже в 14-15 вв. Очевидно, полного этнополитического обособления не было и в 19 в. Объяснено это может быть тем, что земли древней Руси, несмотря на многовековое политическое разделение, сохраняли достаточно высокую культурно-информационную связность «поверх» государственных границ. Благодаря этому поддерживалось представление о восточных славянах как о едином «русском народе», пусть и живущем в разных государствах. По мере нарастания политко-культурного давления со стороны католиков и униатов, в православной среде Речи Посполитой получала поддержку идея не только культурно-религиозного, но и политического единства восточных славян, центром притяжения которых становилось Московское государство. В 19 в., после присоединения белорусских земель к России, эта идеология окончательно оформилась в виде западноруссизма.

Утверждение о том, что восточнославянские земли в значительной степени сохранили культурно-информационную связность после распада киевской государ-

5. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Вильна, 1899. С. 197-204; Коялович М.О. Чтения по истории Западной России. СПб, 1884. С. 302-333; Записки Иосифа, митрополита Литовского. В 3 т. Т.1. СПб, 1883. С. 49-274.

ственности, опрокидывает ставшую традиционной схему национального генезиса белорусов. Эта схема напрямую увязывает формирование белорусов как самостоятельной культурно-исторической общности, обособленной от остальных восточных славян, со становлением Великого княжества Литовского. Здесь срабатывает логика т.н. «государственнического» детерминизма, когда формирование тех или иных национальных групп ставится в прямую зависимость от государственных образований, существовавших на данной территории в тот или иной период. Однако европейская история знает немало примеров, когда культурно-информационные пространства, на основе которых формировались национальные общности, далеко не всегда совпадали с реальными политическими границами. Наиболее яркими примерами здесь являются Германия и Италия, земли которых на протяжении столетий оставались политически раздробленными и объединились в национальные государства лишь в 19 в. Однако, несмотря на политическую децентрализацию, эти земли поддерживали активные экономические, политические и культурные связи. Это обеспечивало интенсивное перемещение людей и информационный обмен и способствовало формированию общенациональной культуры и выработке универсального наддиалектного языкового стандарта.

Этнополитические процессы на восточнославянских землях имеют немало как сходств, так и особенностей по сравнению с итало-германской ситуацией. Киевская Русь, подобно Священной Римской империи, представляла собой аморфную конфедерацию княжеств, нередко оказывавшихся во враждебных отношениях друг к другу. Тем не менее, культурно-политические связи между княжествами, а также наличие таких интегрирующих институтов, как великокняжеский престол и церковь, способствовали формированию на базе восточнославянских племен древнерусской этнополитической общности («древнерусской народности»), обладавшей единым культурно-информационным пространством и универсальным наддиалектным языковым стандартом. Очевидно, если бы Древняя Русь устойчиво развивалась по примерно тому же сценарию, что и Священная Римская империя, эта этнополитическая общность постепенно трансформировалась бы в единую нацию, и, таким образом, белорусы, русские и украинцы не сложились бы как отдельные народы (впрочем, на наш взгляд, об их окончательном национальном размежевании нельзя говорить даже сегодня).

Однако геополитическая катастрофа в виде монголо-татарского нашествия обрушила неустойчивую конструкцию Руси и привела к включению отдельных древнерусских земель в новые государственные образования – Великое княжество Литовское (впоследствии – Речь Посполитую) и Московское государство. Разумеется, новое государственно-политическое размежевание не означало автоматического «умирания» общерусской идеи и формирования новых восточнославянских этнополитических общностей – белорусской, русской и украинской. Еще долгое время и в Москве, и в Вильне Русь рассматривалась как единое этнополитическое пространство, и оба политических центра вели борьбу за доминирование на этом пространстве. О сохранявшейся в «послекиевский» период политической связности Руси свидетельствуют многочисленные браки литовских и русских княжеских родов (в т.ч. московских Рюриковичей), а также регулярные переходы удельных князей из литовской в московскую службу и наоборот.

Однако Великое княжество Литовское втягивается в союз с Польшей, что обусловливает постепенное накопление культурно-политических, языковых и мировоззренческих различий между восточнославянским населением Московского и литовско-польского государств. В то время, как Московское государство развивалось в направлении монархического абсолютизма, а в политико-культурной области долгое время придерживалось «православного изоляционизма», в ВКЛ получал развитие феодальный (шляхетский) парламентаризм, а местное «русское» население оказалось в ситуации культурной открытости западному миру и перенимало многие черты западноевропейского уклада жизни. Накапливались и этноязыковые различия: во-

сточнославянское пространство все отчетливее распадалось на три этнографические зоны.

Но, несмотря на произошедшие изменения, «общерусский» пласт культуры оставался значимым в сознании восточных славян, что способствовало поддержанию образа Руси как некоего культурно-исторического и религиозного единства, а также обеспечивало определенный культурно-информационный обмен между политически разделенными частями Руси. Например, М.В. Дмитриев указывает на тесную взаимосвязь культурных процессов в православных традициях Московской и Литовской Руси, а О.Б. Неменский отмечает значимую роль, которую играли в политико-культурной жизни Литвы эмигранты из Москвы, бежавшие от террора Ивана Грозного (в т.ч. знаменитый князь Андрей Курбский).[6]

Поэтому нет ничего удивительного, что православная общественность Речи Посполитой, начав испытывать притеснения со стороны католиков и униатов, обратилась за защитой в Москву, апеллируя к идее культурно-религиозного родства восточных славян – русичей.

Вместе с тем, накопившиеся культурно-исторические различия между группами восточных славян не могли не осложнить их взаимную интеграцию в рамках Российской империи. С аналогичными проблемами столкнулись также Германия и Италия в ходе своего национально-политического объединения. Историко-культурная пестрота земель, обусловленная длительной политической раздробленностью, становилась существенным препятствием на пути национальной консолидации, порождая многочисленные конфликты и недоразумения. В результате в Италии до сих пор сохраняется заметная напряженность между севером и югом страны, а Германия так и не смогла объединить в своем составе все германоязычные земли: «за бортом» немецкого государства остались карликовые периферийные образования, такие, как Лихтенштейн и Люксембург, а также Австрия и германские земли Швейцарии. Кроме того, здесь существовал проект этнокультурного обособления северных групп немцев путем развития самостоятельного (нижненемецкого) литературно-языкового стандарта. (По сути, такого рода обособление произошло в Нидерландах, где местный диалект, близкий к нижненемецкому, развился в самостоятельный литературный язык).

Во многом сходным образом развивалась ситуация и на восточнославянских землях после их объединения в рамках Российской империи. Так, сторонников западноруссизма можно сравнивать с последователями пангерманского идеи, выступавших за политическое объединение немецких земель и формирование общего культурно-информационного пространства на основе единого наддиалектного литературного языка (общенемецкий язык сложился на базе верхненемецких диалектов). Подобно пангерманистам, западноруссы выступали за общее для всех восточных славян культурно-информационное пространство, где в качестве общерусского языка признавался литературный язык, сформированный в 18-19 вв. на великорусской диалектной основе дворянской интеллектуальной элитой Москвы и Петербурга. Белорусские и малорусские (украинские) диалекты и местная фольклорно-этнографическая специфика рассматривались сторонниками западноруссизма как региональное своеобразие, органически дополняющее «высокую» общерусскую культуру. Существование самобытных диалектов, заметно отличных от литературной формы, не воспринималось как противоречащее общерусскому национальному единству, более того, диалекты рассматривались как «богатейший фонд, откуда единый русский язык может освежаться и оживляться еще много веков».[7] В скобках отметим, что модель сосуществования местных диалектов и общенационального литературного языка реализована в современной Германии.

6. Дмитриев М.В. Православная культура Московской и Литовской Руси в XVI в.: степень общности и различий // Белоруссия и Россия : история и культура : Ежегодник. М., 2003. С. 9-22; Неменский О.Б. «Русская земля» как базовое понятие русской идентичности // Золотой лев. – 2009. – № 217-218. – С.12.

7. Кулаковский П. Русские сепаратизмы // Окраины России. – 1912. – № 2. – С. 17.

Однако, подобно немецкой объединительной идее, столкнувшейся с противодействием в виде региональных политических и этнокультурных сепаратизмов, концепция большой русской нации, объединяющей всех восточных славян, встретилась со схожей проблемой. Длительная политическая раздробленность Германии обусловливала не только значительные этнокультурные различия между отдельными землями, но и множественность региональных центров силы, не желавших жертвовать политической самостоятельностью ради общенемецкой консолидации. Известно, что объединение Германии осуществлялось под эгидой Пруссии. Однако у «прусской» модели объединения нашлось немало оппонентов. Германо-швейцарцы господству Пруссии предпочли швейцарскую конфедерацию. Австрия, длительное время конкурировавшая с Пруссией за лидерство в общенемецком объединении, также не была интегрирована в прусский объединительный проект. Наконец, Нидерланды, успешно реализовав собственный политический проект, связанный с освоением морских коммуникаций и построением трансокеанической империи, в отличие от других нижненемецких земель, сохранили не только политическую, но и лингвистическую самостоятельность.

Аналогичным образом, у общерусского объединительного проекта под эгидой Москвы и Петербурга в Беларуси и Украине нашлись свои оппоненты, причем эта оппозиция могла проявляться в разных формах. В наиболее умеренном варианте она не предполагала отказа от идеи общерусского единства, однако требовала более либеральной организации политического союза восточных славян, с учетом культурно-исторических особенностей отдельных земель. Подобные взгляды высказываются в статье историка Н.И. Костомарова «Две русские народности».[8] Автор высказывается в пользу политико-культурной автономии «Южной Руси» (т.е. Украины), вместе с тем, признавая, что и малороссы, и великороссы являются равно русскими народностями и должны жить в одном государстве, а литературная обработка «малорусского» языка не должна препятствовать общению между этническими группами восточных славян и разрушать «общерусское» культурно-информационное пространство. Несмотря на то, что автор пишет о двух русских народностях – малороссах и великороссах, - его выводы могут быть также распространены на Беларусь и белорусов.

Однако постепенно многие общественно-политические деятели Беларуси и Украины дрейфуют от этой умеренной позиции, которую можно охарактеризовать как автономизм или региональный патриотизм, в сторону еще более радикального переосмысления отношений между восточными славянами. Увлечение народной этнографией и фольклористикой, региональной историей, литературные опыты на народных наречиях зачастую сопровождалось разочарованием в российской государственности. Российская империя, будучи одним из самых консервативных государств Европы, сохранявшим многие элементы архаичной средневековой структуры (крепостное право, сословное неравноправие, отсутствие парламентских институтов), становилось объектом нараставшей критики со стороны либеральной интеллигенции, настаивавшей на социально-политических и экономических преобразованиях по модели западных стран. Помимо этого, в Россию проникают радикальные социалистические идеи, ориентированные на революционные преобразования и тотальный слом старой системы. Значимой силой, подрывавшей легитимность российской монархии, стало народничество, ориентированное на политико-экономическую эмансипацию крестьянского сословия, составлявшего подавляющее большинство населения империи. В этих условиях вполне закономерно разочарование части белорусско-украинской интеллигенции в идее национально-политической консолидации восточных славян вокруг России. Россия начинает восприниматься как отсталое и деспотичное государство-угнетатель. В качестве альтернативы российскому господству выдвигается идея национально-политического суверенитета, основанная на этнокультурном своеобразии белорусов и украинцев, а также на предшествующей гос-

8. Костомаров Н.И. Две русские народности // Основа. – 1861. - № 3. – С. 33-80.

ударственной традиции, не связанной с Россией (для Украины это казацкая Гетманщина, для Беларуси – Великое княжество Литовское).

Особенностью белорусского национального движения в сравнении с украинским было то, что если украинское движение «выросло» из малорусского регионального патриотизма, то в белорусском присутствовали многие изначально «нерусские» элементы. Это связано с гораздо более сильным и всеохватным польским влиянием в Беларуси. Так, значительную часть кадрового резерва белорусского движения составила мелкая католическая шляхта, которая, находясь под польским культурным влиянием, сохраняла тесную связь с крестьянской средой и в силу этого могла проникнуться идеей национально-политического освобождения белорусского крестьянского люда. Учитывая политико-экономическое влияние в Беларуси польской аристократии, белорусское движение обретало не только антироссийский, но и антипольский характер. Неслучайно в пьесе Я. Купалы «Тутэйшыя» экзистенциально враждебные белорусам силы представлены в образе русского и польского ученых-этнографов, обосновывающих «исконную» принадлежность Беларуси России и Польше соответственно.

Еще одной специфической группой, примкнувшей к белорусскому движению, стала та часть униатов, которая, формально перейдя православие после 1839 г., не приняла общерусскую идентичность. В скобках отметим, что белорусское униатство не было внутренне однородным. Значительная часть униатов сохранила историческую «русскую» идентичность и стремилась избавиться от авторитарной опеки католической церкви, влекшей за собой латинизацию обрядов и национально-культурную полонизацию. Именно эта часть униатов стала локомотивом процесса слияния унии с Русской православной церковью, а также кадровым резервом для западнорусского направления: многие сторонники западноруссизма были потомками воссоединившихся с православием униатских священников. С другой стороны, уния, несомненно, способствовала отчуждению многих униатов от русского православия и сближению их с польско-католической культурой. Однако ассимиляция унии польским католицизмом так и не была доведена до логического завершения, а в рамках Российской империи начался обратный процесс обособления униатов от католиков. Вместе с тем, после формальной ликвидации унии так и не удалось полностью преодолеть отчуждения, которое накопилось между православными и униатами. Как следствие, в среде воссоединенных униатов начинает развиваться национальная идея, построенная на противопоставлении себя как полякам, так и русским. В этой связи весьма показательным представляется мотив униатства как «национальной» веры белорусов, впоследствии ставший характерным для белорусского национализма.

Таким образом, в 19 в. в Беларуси сформировались две версии национальной идентичности: западноруссизм, поддерживаемый сторонниками национально-политической консолидации восточных славян вокруг Российской империи, и белорусский национализм, возникший в среде, разочарованной российским политико-культурным доминированием или не принявшей его. Эти национально-политические идеологии, будучи взаимно исключающими по своим установкам, оказались в состоянии острой конкуренции и вражды.

Существенные коррективы в ход этого противостояния внес советский период. В своей позиции по национальному вопросу большевики руководствовались классовой теорией, перенося концепцию классовой борьбы и на национальные отношения. Как и классы, нации подразделялись большевиками на угнетаемые (т.е. объекты колониальной эксплуатации) и угнетающие (империалистические нации, эксплуатирующие колонии в своих эгоистических интересах). В связи с этим национальные движения «угнетаемых» наций оценивались как по определению прогрессивные и ориентированные на социалистическую революцию, поскольку основной задачей таких движений является устранение капиталистической эксплуатации со стороны наций-угнетателей. Соответственно, национализм «угнетающих» наций был в большевист-

ской трактовке ни чем иным, как явлением сугубо реакционным, направленным на поддержание и укрепление колониальной эксплуатации. Исходя из этого, задачей социалистической революции является поддержка национальных движений угнетенных народов и борьба с реакционным национализмом империалистических наций. Применительно к бывшей Российской империи данная схема выглядела так: существует единственная угнетающая нация – великорусская, – которая притесняет и эксплуатирует все остальные народности. Исходя из этой схемы, основной задачей большевиков становилась борьба с русским «великодержавным шовинизмом» и стимулирование национального развития «угнетенных» народностей (разумеется, в рамках советской социалистической федерации). Советский Союз рассматривался ранними большевиками как прообраз будущей мировой социалистической федерации: свободного объединения национальных республик, связанных общими социально-политическими идеалами и социалистическим (впоследствии – коммунистическим) способом производства. Создание социалистического государства, в котором «угнетенные» народности получили свободу национального развития, по мысли большевиков, должно было стимулировать развитие освободительного движения угнетенных народов во всем мире и, таким образом, приблизить мировую социалистическую революцию.

Данная национальная доктрина закономерно обусловливала поддержку большевиками белорусского национального движения, а также борьбу с общерусской концепцией как проявлением российского «великодержавного шовинизма», направленного на национальное угнетение и ассимиляцию белорусов. В республике разворачивается политика, направленная на форсированную литературную обработку и кодификацию белорусского языка, а также его внедрение во все сферы жизни вместо русского. Несогласные с подобной политикой шельмуются как «великодержавные шовинисты».

Однако в 1930-е гг. оптимистические ожидания «мировой революции» и становления всемирной социалистической федерации сменяются ощущением «осажденной крепости». Мировая революция откладывалась на неопределенный срок, СССР оказался в недружественном международном окружении, что вызвало к жизни доктрину «построения социализма в одной стране». Это требовало выработки чувства общего советского Отечества у граждан СССР и оказывалось несовместимым с дальнейшим стимулированием нациестроительства в союзных республиках. Национальные движения начинают рассматриваться как угроза потенциального предательства и перехода на сторону врага ради решения своих узко национальных задач. Это становится поводом для массовых репрессий в отношении национальных активистов в союзных республиках. Политика по стимулированию национальных идентичностей сменяются мерами, направленными на формирование наднациональной политической общности – советского народа.

В отношении русских, украинцев и белорусов, в совокупности составлявших абсолютное большинство населения СССР, идея общего советского Отечества дополняется мотивом особой исторической и этнокультурной близости восточных славян, обуславливающей их государственно-политическое единство. Так возникает доктрина «трех братских народов», которая, не пересматривая официально признанный советской властью статус белорусов и украинцев как отдельных народов, берет на вооружение значительную часть идеологического инструментария западноруссизма.

В условиях централизованного управления резко возрастает роль русского языка как универсального средства коммуникации, что приводит к переориентации большинства белорусов на русскоязычную культуру. На наш взгляд, это было обусловлено как внутренней слабостью и незрелостью белорусскоязычной традиции, которая не смогла выработать форм «высокой» культуры, способных конкурировать с русской культурой, так и остаточным влиянием западноруссизма, которое «пережило» период белоруссизации и получило новый стимул к развитию под эгидой доктрины «трех братских народов».

После распада СССР конфликт между «пророссийскими» и «национально ориентированными» силами (представленными преимущественно гуманитарной интеллигенцией, занятой в сфере воспроизводства и развития белорусскоязычной традиции и не удовлетворенной степенью ее востребованности обществом) вспыхнул с новой силой. Период 1991-94 гг. характеризовался политико-идеологическим доминированием «национальных» сил, стремившихся распространить на все белорусское общество свои политико-идеологические и национально-культурные воззрения. После 1994 г. и по настоящее время верх снова взял «пророссийский» тренд, связанный с ориентацией на политико-экономический союз с Россией и воспроизводством сложившегося в БССР культурно-языкового баланса, который характеризуется доминированием русского языка в большинстве сфер жизни общества.

На сегодняшний день конфликт между сторонниками альтернативных концепций национально-политического самоопределения Беларуси находится в латентном состоянии, но не снят с повестки дня. Очевидно, что в «национально ориентированной» среде зреют реваншистские настроения, обусловленные неудовлетворенностью сложившейся в Беларуси политической и культурно-языковой ситуацией. В определенный момент это может привести к новому витку политико-идеологического противостояния в республике.

БЕЛАРУСЬ КАК УЧАСТНИК ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЕВРАЗИИ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

BELARUS AS A PARTICIPANT OF INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA AS REFLECTED BY PUBLIC OPINION POLLS

УДК 316.654 : 321.011] : 303. 621. 028 – 054,4 (476)

Светлана Викторовна Хамутовская,
кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»
Svetlana Khamutovskaya, PH.D.,
Senior Research Fellow, Ins tute of Sociology, Nati n-al Academy of Sciences of Belarus

РЕЗЮМЕ. В статье выявляется динамика общественного мнения населения Республики Беларусь в период с 2002 по 2014 годы о позиции Беларуси как участника интеграционных процессов в Евразии. Особое внимание уделено анализу представлений граждан об интеграции Беларуси с Российской Федерацией и отношениях с Европейским Союзом. Делается вывод о преобладании в общественном сознании ориентации на развитие преимущественно экономического сотрудничества между странами СНГ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. интеграционные процессы, общественное мнение, Беларусь, Россия, Европейский союз.

RESUME.In artic e dynamics of public opinion of the population of the Republic of Belarus during with 2002 for 2014 about a position of Belarus as partic pant of integration processes in Eurasia is revealed. The special a ention is given to the analysis of representations of ci zens about integration of Belarus with the Russian Federation and attitude with the European Union. The conclusion about prevalence in public consciousness of orientation to development of mainly economic cooperatio between the CIS countries is done.

KEY WORDS. Keywords: integration p ocesses, public opinion, Belarus, Russia, the European Union.

Став в конце XX – начале XXI века легитимным и полноправным субъектом на международной арене, Беларусь провозгласила среди ведущих принципов и ориентиров своей внешней политики многовекторность и добрососедство, но при сохранении приоритета национальных интересов. В качестве главных направлений внешнеполитической деятельности государства были определены: западное (страны Западной и Восточной Европы), восточное (страны Ближнего Востока), азиатское (страны Азии). В течение последних нескольких десятилетий наибольшее внимание уделялось установлению взаимосвязей с Российской Федерацией и Европейским Союзом. Вследствие чего представляется актуальным исследование того, насколько данные ориентиры соответствуют интересам, социальным и политическим ожиданиям народа современной Беларуси как единственного источника власти и носителя суверенитета, чьи предпочтения должны быть определяющими при формировании политической воли руководства Беларуси, принятии и реализации конкретных решений на государственном и международном уровнях.

По итогам анализа результатов мониторингов общественного мнения, проведенных Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) в пределах республики на протяжении 2002-2014 годов, а также Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь (ИАЦ) в 2013-2014 годах, становится возможным выявление динамики общественного мнения населения нашей страны относительно суверенитета и позиции Беларуси как участника интеграционных процессов в Евразии.

В целом, предпочтения граждан по поводу того, каким образом должны строиться отношения между Беларусью и Россией, были подвержены колебаниям, обусловленным как особенностями внутренней социально-экономической и политической обстановки в каждый конкретный промежуток времени, так и внешними воздействиями. Так, если в 2002 году чуть меньше трети населения (28,9%) считало, что Беларусь и Россия должны интегрироваться по типу Европейского Союза с постепенным созданием единого таможенного и экономического пространства с сохранением политического суверенитета, то в 2003, 2006 и 2008 годах наиболее предпочтительным белорусам виделся союз двух государств с созданием наднациональных

органов управления, а в 2009-2013 годах, частично вследствие так называемых «молочных» и «газовых» войн, имевших место во взаимодействии данных стран в 2009 и 2011 годах, большинство населения выступало, как и в 2002 году, за то, что нашей стране нужно быть независимым государством и взаимодействовать с Россией на основе международных договоров (рисунок 1):

Рисунок 1 - Динамика ответов респондентов на вопрос «Как, на Ваш взгляд, должны строиться отношения между Беларусью и Россией?», 2002-2013 годы, %

Среди межгосударственных объединений, участие в которых отвечает интересам Беларуси, в 2011 году население нашей страны, в первую очередь, выделило СНГ, Таможенный Союз Беларуси, Казахстана и России, Союзное государство Беларуси и России (в среднем по 40%). Далее были названы (по мере убывания значимости): ООН, ЕврАзЭС, ОБСЕ (14%), ОДКБ (8%), МАГАТЭ (5,5%), НАТО (2,5%) (рисунок 2). [1]

Рисунок 2 - Распределение ответов респондентов на вопрос: «Участие Беларуси в какой международной организации в наибольшей степени отвечает интересам государства?», 2011, %

При этом, согласно данным социологических исследований, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2008-2012 годах, восприятие россиянами Беларуси как государства, также было подвержено изменениям. Так, в 2008 году половина опрошенных российских граждан (50%) рассматривали Беларусь, прежде всего, как дружественное государство. Однако, на фоне вышеупомянутого обострения экономических отношений между странами, в 2009 и 2010 годах число приверженцев подобной позиции стало снижаться и достигло соответ-

1. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов социологич. исследований за 2011 год / Инф.-аналит. центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. Л.Е. Криштаповича. Минск, 2012. С. 7, диагр.2.

ственно 45% и 37%, наряду с увеличением числа тех, кто видел в Беларуси торгового и экономического партнера (рисунок 3)[2]:

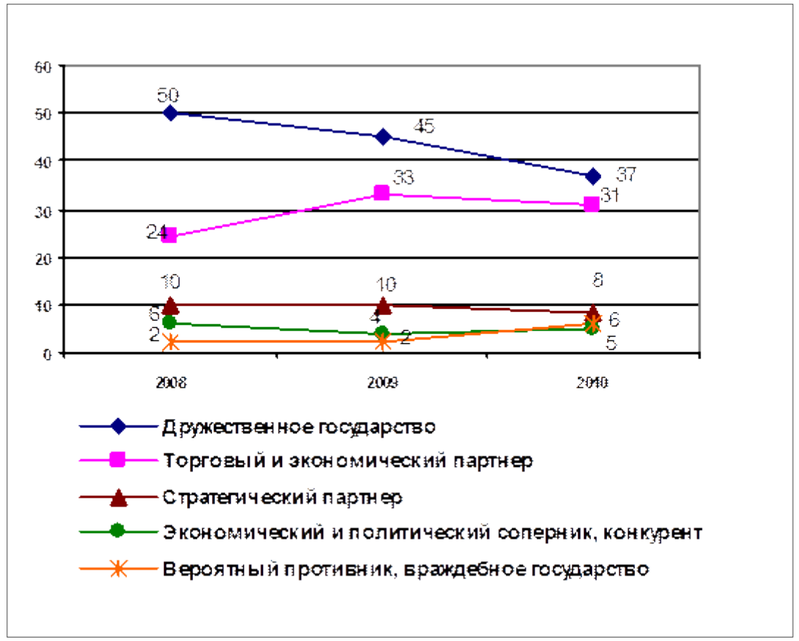


Рисунок 3 – Динамика ответов российских респондентов на вопрос: «Кем является Белоруссия для России?», 2008-2010 годы, %

По данным мониторинга общественного мнения ВЦИОМ, в 2009 году около 40% россиян были убеждены в том, что Беларуси и России следует образовать союз двух государств на равноправной основе. Треть российских граждан были уверены в том, что можно поддерживать добрососедские связи, но без объединения. Пятая часть населения приветствовала включение Беларуси в состав Российской Федерации[3]. После создания Таможенного союза в 2012 году почти половина граждан Российской Федерации (46%) рассматривали Беларусь в качестве самого надежного партнера своей страны на международной арене.[4]

В 2013 году большинство населения Беларуси (45,6%) отметило улучшение отношений нашей страны с Россией, поддерживали идею ее вхождения в Таможенный союз Беларуси, Росси и Казахстана (65,7%), Единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана (61%), Евразийский Союз (53,7%). Противоположной позиции придерживалось крайне малое число жителей Беларуси: в среднем от 10 до 13,5%.

По результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 году, при ответе на вопрос «Какой Вы хотели бы видеть Беларусь на международной арене через 10-15 лет?» 30,5% опрошенных указали «Членом Евразийского экономического союза (Россия, Беларусь, Казахстан и др.)», 22,3% – «Государством, сохраняющим нейтралитет и не входящим ни в какие союзы и блоки». В качестве основных преимуществ вступления нашей страны в Евразийский экономический союз назывались:

- расширение рынков сбыта для белорусских товаров и услуг, создание для них более благоприятных условий (беспошлинная торговля и т.д.) (49,8%);
- возможность получения финансовой и иных видов поддержки в условиях кризиса и мировой финансовой нестабильности (44,6%);
- получение энергоносителей по более низким ценам (37,4%).

В свою очередь, к числу наиболее вероятных негативных последствий вступления Беларуси в Евразийский экономический союз граждане отнесли:

2. Политика (внутренняя, внешняя) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 78.

3. Российско-белорусский союз: объединяться или просто дружить // Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Пресс-выпуск. [Электронный ресурс]. 2009. № 14. Режим доступа: http:/ iac.gov.by/nfile /000023_307540.pdf. Дата доступа: 30.09.2013. С. 2.

4. Политика (внутренняя, внешняя) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6 (112). С. 61.

- отток наиболее квалифицированных специалистов в страны Единого экономического союза (41,8%);
- снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке на фоне товаров и услуг из стран Единого экономического союза (31,9%);
- повышение таможенных пошлин и цен на ряд товаров (31,9%).

Большинство респондентов в 2014 году отметили также, что они поддерживают и скорее поддерживают тесную интеграцию Беларуси и России – 42,6% и 37,5% соответственно. Согласно результатам социологических мониторингов, проведенных ИАЦ в 2013-2014 гг., за отмеченный год в Беларуси увеличилась доля тех, кто ориентировался на сотрудничество с Россией (с 79 до 86,5%), Казахстаном (с 33 до 43%), Китаем (с 25 до 43 %). Одновременно с этим более, чем в два раза, сократилась доля белорусов, выступающих за укрепление отношений с Украиной (с 36 до 16,5%).[5]

Помимо укрепления взаимовыгодного сотрудничества с Российской Федерацией и странами СНГ, для Беларуси большое значение имеет и развитие взаимосвязей с Европейским союзом (ЕС). Учитывая происходящие в мире глобальные процессы и тенденции, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своих выступлениях постоянно подчеркивает, что нашей стране необходимо проводить активную, гибкую и сбалансированную внешнюю политику, быть связующим звеном между Востоком и Западом.

Подобную позицию в целом разделяет население Беларуси. Так, начиная с 2009 года, примерно треть граждан страны убеждены, что с каждым годом изменения в отношениях Беларуси и Европейского союза становятся все более заметными. Однако, если в 2009-2010 годах подобные изменения расценивались, преимущественно, как положительные, то на протяжении последних нескольких лет белорусами было отмечено скорее их ухудшение, чем улучшение, что отчасти было связано с введением визовых и экономических санкций ЕС в отношении Беларуси (рисунок 4).

Но, несмотря на это, в рассматриваемый промежуток времени примерно от 20 до 40% граждан стабильно были готовы проголосовать за вступление Беларуси в Европейский союз в случае проведения соответствующего референдума. Вместе с тем

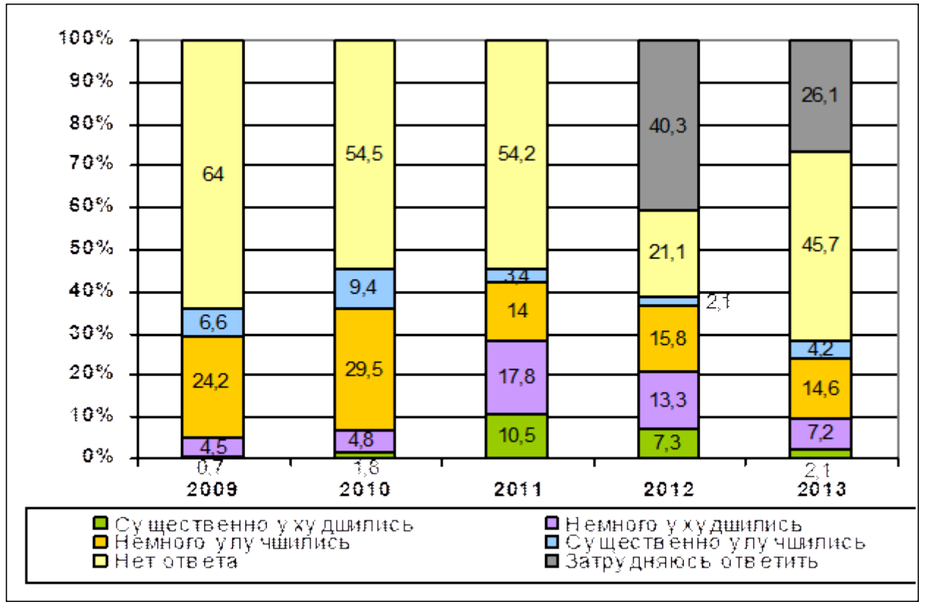


Рисунок 4 – Динамика ответов респондентов на вопрос: «Если за последние три месяца (2009 г.) / последний год (2010-2013 гг.) отношения Беларуси с Европой изменились, то как?», 2009-2013 годы, %

возросло и число граждан, не имеющих какого-то конкретного мнения по данному вопросу, что свидетельствует о невысоком уровне политической информированности и заинтересованности граждан в вопросах внешней и международной политики государства.

5. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов социологич. исследований за 2014 год / Инф.-аналит. центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А.П. Дербина. Минск, 2015. С. 37.

По данным ИАЦ, по сравнению с 2013 годом, в 2014 году почти в два раза уменьшилась доля граждан (с 22,5 до 12,5%), считающих, что интересам Беларуси соответствует сотрудничество с Европейским союзом.[6] В ходе исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 году, также всего лишь 12,2% опрошенных видели Беларусь членом Европейского союза через 10-15 лет.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что, во-первых, большинство населения Беларуси придерживаются точки зрения, согласно которой внешняя и международная политика нашей республики как участника интеграционных процессов в Евразии должна развиваться, прежде всего, за счет укрепления отношений со странами Содружества Независимых Государств, а уже потом за счет улучшения отношений с государствами-членами Европейского Союза. Во-вторых, и в Беларуси, и в России в течение последнего десятилетия активно проявляется тренд поддержки населением дальнейшего развития сотрудничества между данными странами, причем, прежде всего, в экономической области. Однако, вопрос о форме сотрудничества продолжает оставаться открытым. Существующее в настоящее время союзное государство не имеет единой финансовой системы, конституционного акта, четкой концепции интеграции и тому подобных атрибутов, то есть с юридической точки зрения не обладает признаками государства как такового.

Поэтому вполне оправданным представляется ориентация большинства граждан России и Беларуси на осуществление двумя суверенными государствами, каждое из которых обладает всей полнотой власти в пределах собственных границ, равноправного взаимовыгодного взаимодействия на основе международных договоров либо интеграции в форме союза государств, который образуется для достижения конкретных целей и задач. В настоящее время представляется целесообразным более активное создание надгосударственных полномочных органов управления интеграцией Беларуси и России, а также стимулирование формирования неформальных интеграционных объединений, которые могли бы являться самостоятельными субъектами интеграционного процесса, в первую очередь, в бизнес-сообществах.

6. Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов социологич. исследований за 2014 год / Инф.-аналит. центр при Администрации Президента Республики Беларусь; под общ. ред. А.П. Дербина. Минск, 2015. С. 38.

ПРЕДСЛАВА (НЕ) ДЛЯ БОЛЕСЛАВА

PREDSLAVA (NOT) TO BOLESLAV

УДК. 94(477)

Яков Яковлевич Алексейчик.

Родился в 1948 году в д. Переспа Дрогичинского района, Брестской области, в Белоруссии. Журналист. Писатель-историк. Окончил Белорусский государственный университет. Работу по профессии начинал в районной газете «Чырвоная звязда» в Ивановском районе Брестской области. С 1988 по 2002 год работал генеральным директором Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), затем – главным редактором издательства «Беларусь». Автор книги «Восьмой грех», посвященной истории белорусско-русско-польских отношений. Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2013 год. Живет в Минске.

Yakov Alekseichik. Born in 1948 in d.Perespa Drogichin district, Brest region, Belarus. Journalist. Writer and historian. He graduated from the Belarusian State University. The work in the profession began in the regional newspaper "Zvezda Chyrvonaya" in the Ivanovo district, Brest region. From 1988 to 2002 he worked as General Director of the Belarusian Telegraph Agency (BelTA), then - editor in chief of "Belarus" publishing house. Author of the book "The Eighth Sin", dedicated to the history of the Belarusian-Russian-Polish relati ns. Winner of the Prize of the magazine "Our Contemporary" for 2013. Lives in Minsk.

РЕЗЮМЕ: Статья посвящена первой большой войне между русскими и поляками, состоявшейся тысячу лет назад. Она началась после неудачного сватовства польского князя Болеслава к княжне Предславе – родной сестре русского князя Ярослава. Получив отказ, войска Болеслава совершили агрессию на Русь и временно оккупировали Киев. Болеслав пленил и изнасиловал Предславу. Затем обстоятельства сложились так, что Ярославу пришлось спасать целостность польского государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Киевская Русь, князь Ярослав Мудрый, Польша, князь Болеслав, Предслава

SUMMARY: The artic e is devoted to the fi st large-scale war between Russian and Poles held a thousand years ago. It started a er an unsuccessful courtship of the Polish Prince Boleslav to Princess Predslava - the sister of the Russian Prince Yaroslav. Having been refused, Boleslaw forces commi ed aggression against Russia and even occupied Kiev. Boleslav captured and raped Predslava. And then the circumstances are such that Jaroslav had to save the integrity of the Polish state.

KEYWORDS: Kievan Rus, Prince Yaroslav, Prince Boleslav, Princess Predslava, Poland

Даже школьникам, благодаря «Илиаде» Гомера, известно, что двадцатилетняя драка, отзвеневшая бронзовыми мечами более трех тысяч лет назад и называемая Троянской войной, случилась из-за Елены Прекрасной – жены спартанского царя Менелая, похищенной троянским царевичем Парисом. Но не все из взрослых знают, что поводом для первой большой схватки русских с поляками тоже стала красивая женщина – киевская княжна, на которую ровно за десять веков до наших дней положил глаз польский князь Болеслав Храбрый. К сожалению, у славян не нашлось творца, который бы создал столь же звучную поэму, чего та война заслуживала уже потому, что распространилась на куда большие территории, ее жертвой стала и тогдашняя русская столица Киев. А княжну звали Предславой. Была она сестрой князя Ярослава Мудрого и дочерью Владимира Красно Солнышко, который крестил Русь, потому величается еще и Владимиром Крестителем, Владимиром Святым.

Вообще-то, стычки между русскими и поляками случались и раньше. За пограничные города. Владимир ходил на Перемышль и Червень и занял их, пишет Сергей Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен». Правда, добавляет, что чешские старинные источники сообщали, будто те города были отняты у чехов, а русские летописцы утверждали, что киевский князь просто вышел на соседство с чехами, подчинив себе еще свободные племена, или же восстановил власть над территориями, утраченную его отцом Святославом. Тот увлекался походами на Волгу и Дунай и упустил из виду дела на Червонной Руси.

В целом же отношения русских и поляков долгое время строились так, что князья-соседи и чубились, и любились. Как заметил один из самых известных польских историков Павел Ясеница, тогда на польских землях трудно было найти княжество, в котором на троне не восседала бы русская княжна. С той же регулярностью невесты-

польки появлялись в Киеве, Галиче, Чернигове, Смоленске, Турове, Минске. Князь Болеслав Храбрый, которому суждено было стать первым польским королем, выдал дочь за правившего в Турове Святополка, считавшегося третьим сыном Владимира. Межгосударственные отношения часто строились на основе династических браков. Так разрешались территориальные споры, вопросы войны и мира. Болеслав тоже стал тестем Святополка после неудачного похода на владения будущего зятя. Но, решив замириться, отправил в Туров и епископа Рейнберна, которому предстояло заботиться, чтобы обретенный родственник, имевший шансы занять главный киевский стол, с пониманием относился к интересам тестя. Однако надежды не оправдались. Святополк за два года до кончины отца попал в его немилость и был посажен в «поруб» в Киеве. Болеслав попытался вмешаться, договорился с немцами и печенегами о походе на Русь, но, как пишет в исследовании «Древнепольское государство» историк-славист В.Д.Королюк, по пути союзники передрались, и, «расправившись с печенегами, князь «вынужден был возвратиться в Польшу». С.М.Соловьев добавляет, уже тот поход был опустошительным для русских земель.

После смерти отца в 1015 году Святополк все-таки сел на трон в Киеве, но рассорился с братьями, убил Бориса, Глеба, Святослава. Он, сообщает «Повесть временных лет», «помысливъ высокоумъем своим», решил: «Избью всю братью свою, а приму власть русьскую единъ». Но Ярославу в Новгород, где тот был отцовским наместником, сестра Предслава передала письмо: «Отець ти умерлъ, а Святополкъ сѣдить в Киевѣ, уби Бориса и по Глѣба посла, а ты блюдися сего повелику». И Ярослав под Любечем, что на Черниговщине, побил Святополка. Тот прибежал к тестю за помощью, но на сей раз Болеслав предпочел действовать не военными методами. Польский историк Анджей Зелиньский в книге «Скандалисты в коронах» утверждает, что он «искал добрых контактов с великим князем киевским», потому после смерти супруги Эмнильды в 1017 году решил жениться на Предславе – родной сестре Ярослава.

Историки расходятся в том, какая из жен князя Владимира была ее матерью. Зелиньский полагает, что Предславу ему родила греческая царевна Анна Порфироносная, сестра византийского императора Василия II. Другие авторы, а их большинство, утверждают, что она была дочерью Рогнеды Полоцкой. Не сохранилось ни одного изображения княжны, но все пишут, что слыла Предслава девушкой необыкновенной привлекательности и имела прекрасное по тем временам образование. Говорила и писала по-гречески и на латыни, уточняет Зелиньский, была очень музыкальна, что делало ее достойной невестой «для наиболее могущественных европейских королевских домов».

Болеслав Храбрый. Картина Яна Матейко.

А Болеслав не мог быть равнодушным к Руси, с которой, напоминает Зелиньский, «дружбы и союза… искали многие европейские короли и князья». Уж очень большой она стала, распростершись от Балтийского до Черного моря по обе стороны Днепра. Киев, слыл «на востоке Европы вторым после Константинополя городом по богатству и роскоши», невиданной в соседних западнославянских странах, подчеркивает В.Д.Королюк. Кроме того, это был «действительно крупнейший центр ремесла и торговли». Павел Ясеница в книге «Польша Пястов» тоже пишет, ссылаясь на саксонского хрониста Титмара Мерзебург-

ского, который в те годы посещал столицу Руси, что Киев был «огромным и очень богатым», одних церквей в нем наличествовало четыре сотни, а численность киевского населения «невозможно определить». Русские же летописцы говорили о семистах храмах.

А еще в стольном граде было восемь больших рынков, куда приезжали купцы с дальних стран, особенно с Византии, что приобретало особое значение для восточной и северной Европы в связи с упадком торговли с арабами и персами, подвергшимися нападению турок-сельджуков. Когда впоследствии Болеславу удалось захватить Киев, он в течение десяти месяцев отправлял деньги и товары в Польшу, многие ценные трофеи забрал с собой, уходя из русской столицы, пишет Зелиньский. Сергей Соловьев считает, что «Болеслав… захватил себе все имущество Ярослава».

Пограбить в русской столице «было очень соблазнительно для могущественного, но все же бедного в сравнении с киевским польского князя», отмечал В.Д.Королюк, однако, выстраивая свое отношение к восточному соседу, Болеслав исходил не только из соображений добычи. Были у него и «широкие политические планы». Движимый желанием создать мощное польское государство, он понимал, что наличие сильных, но не дружественных соседей на западе и востоке способствовать тому не будет. Войну с германским императором Генрихом II вел полтора десятка лет. Не сложились у него отношения и с южными соседями – чехами, словаками, венграми. Потому надо было «поставить под свое исключительное влияние киевский двор», ибо «враждебная позиция Киевской державы грозила полным крахом всего политического курса Болеслава Храброго, особенно в условиях перманентного конфликта с Империей». А та германская империя тоже «прилагала усилия к тому, чтобы столкнуть Польшу с могущественным соседом на востоке». Заключив мир с польским князем перед его походом на Русь, она выделила ему в помощь 300 немецких рыцарей и 500 венгров.

Болеслав женитьбой на Предславе желал получить выход на Ярослава, однако сватам был дан от ворот поворот. Притом в довольно резкой форме. Пятидесятилетнему жениху посоветовали искать невесту соответствующих ему лет, добавив, что среди сестер великого князя таковых не имеется. Впрочем, в том, что касается возраста невесты, есть разночтения. Зелиньский полагает, что она была еще подростком, другие историки считают, что ей шел уже четвертый десяток годков.

Владимир Святой – князь Киевский. Портрет из «Царского титулярника» XVII века.

Титмар Мерзебургский утверждал, что и сама Предслава не желала стать женой польского князя. Ей было известно, что он «толст и склонен к прелюбодейству». Но, похоже, в Киеве знали не только об избыточном весе и похотливости Болеслава. Был он правителем необычно жестким. Став главным на польских землях, одних родственников изгнал, других ослепил. Пригласив чешского короля Болеслава Рыжего в Краков, приказал вырвать ему глаза и бросить его в темницу, пишет Павел Ясеница. На трон в Праге сел сам Храбрый. В.Д.Королюк, ссылаясь на хрониста Аделболта, биографа Генриха II, говорит даже о «намерении Болеслава сделать Прагу столицей

своей монархии», ведь она «была в то время крупнейшим западнославянским городом, игравшим важную роль в торговых связях Востока и Запада». Но польские войска повели себя так, что чехи подняли восстание, заявив, что «лучше быть под немцами», под протекторатом которых находились до этого. Болеславу пришлось уходить. Сергей Соловьев считал, что, определяя свое отношение к братьям, Святополк брал пример с тестя, и именно это «как нельзя легче объясняет поведение Святополка».

Не испытывал к Болеславу положительных чувств и Ярослав. В одно время он даже начинал военные действия против польского князя, выступив на стороне Генрика II, но они «не были достаточно активными». Вряд ли тайной для киевского двора были и взаимоотношения Болеслава с женами. Первых двух – немку и мадьярку, которые у него были до Эмнильды, – он просто отправил назад к родителям.

После киевского отказа Болеслав женился на Оде – дочери германского маркграфа Эккенгарда, однако «оскорбление носил в сердце», ожидая «быстрого повода для атаки на Киев». И тут появился зять, обиженный Ярославом. Так пишет Зелиньский, хотя историки спорят по поводу того, что было раньше, сватовство или просьба Святополка о помощи. Но все сходятся на том, что захват Киева польским князем был вызван и конфликтом между сыновьями Владимира. Притом есть основания полагать, что почву для ссоры между братьями создавал и Владимир Креститель. По действовавшему тогда «лествичному ряду», так назывался порядок наследования трона, после смерти правящего князя его место занимал старший сын. А поскольку сыновей от разных жен у Владимира было двенадцать, он сам определил их ранжир по старшинству. Первым был назван Вышеслав – от скандинавки Олавы, вторым Изяслав – от полоцкой Рогнеды, третьим Святополк – от женщины, которая до того, как стать женой Владимира, побыла супругой его старшего брата Ярополка, четвертым Ярослав, пятым Всеволод – тоже от Рогнеды. А еще были Мстислав, Станислав, Судислав, Святослав, Позвизд, Борис, Глеб…

Вышеслав, правивший в Новгороде, и сидевший в Полоцке Изяслав к тому времени ушли из жизни, а туровский Святополк, который, как полагает В.Д.Королюк, готовил «восстание против отца, был арестован вместе с женой и епископом Рейнберном». А С.М.Соловьев подчеркивает, что успех восстания был важен не только для Болеслава в политическом смысле, но и «для западной церкви – в религиозном отношении, ибо с помощью Святополка юная русская церковь могла быть отвергнута от восточной». Однако «Владимир узнал о враждебных замыслах».

Ярослав Мудрый – князь Киевский, сын Владимира. Портрет из Царского титулярника XVII в.

Была у Владимира и иная причина беспокоиться о делах в уделе этого сына. «Повесть временных лет» пишет о Турове, что «люто бо граду тому, в нем же князь унъ (юн – Я.А.), любяй вино пити съ гусльми и съ младыми советникы». Святополк после смерти бездетного Вышеслава не был переведен в Новгород – главный после Киева, а вызван в столицу и посажен в «поруб». В Новгород из Ростова Великого переехал Ярослав, возведенный тем самым в статус старшего сына, которому и положено было наследовать трон Владимира.

Вышеслав по легенде погиб неженатым, сватаясь к Сигрид Гордой – вдове шведского

конунга Эрика. Она сожгла его вместе со свитой в бане после пира в честь встречи. А у Изяслава было два сына. Всеслав умер в младенчестве, а Брячислав сменил отца на полоцком столе. Владимир никого не прислал на место ушедшего в иной мир Изяслава, но вряд ли он сделал это по забывчивости или таким способом пытался искупить вину за развод с Рогнедой – матерью Изяслава. Сомнительны и суждения «о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева», что предполагают московский военный аналитик Александр Широкорад и некоторые белорусские авторы. Владимир находился на пике своего могущества, и трудно поверить, что он согласился на обособление Полоцка, от которого во многом зависел баланс сил между севером и югом Руси и контроль над торговыми путями, связывающими Балтийское и Черное моря. Князь, три десятилетия занимавшийся собиранием земель, вряд ли мог оставить вне внимания ту, которая, как подчеркивал академик Б.А.Рыбаков, входила в ядро русской державы.

Владимир, скорее, был заинтересован в том, чтобы исключить автономистские поползновения удельных владетелей, потому в данном случае, похоже, пошел на умаление статуса полоцких князей в «табели о рангах» Рюриковичей и на ограничение их возможности влиять на дела в большой стране, что позволяло сделать еще одно правило тогдашнего «ряда». Оно гласило, что если один из сыновей князя умер при жизни отца, то дети усопшего теряли право на княжеский стол. Российский историк Л.Н.Гумилев в книге «От Руси до России» напоминает, что их называли осиротевшими князьями и даже князьями-изгоями, ибо они исключались из круга претендентов на главное место в государстве. Белорусский исследователь старины С.Е.Рассадин тоже уточняет, что князь-сын не мог иметь статус выше того, который был у князя-отца.

Поскольку Изяслав в Полоцке умер при жизни Владимира, путь к главному столу в Киеве для его наследников был закрыт. Единственным исключением стал внук Всеслав Чародей, которого своим князем провозгласили киевляне, недовольные другим Изяславом – сыном Ярослава Мудрого. Чародей, как и Святополк, был освобожден из «поруба», куда попал за конфликты с псковичами, смолянами, киевлянами, черниговцами и даже новгородцами, у которых с Софийского собора снял колокола для такого же в Полоцке. Однако Всеслав сбежал в Полоцк, как только узнал, что возвращается Изяслав с военной подмогой. Похоже, понимал, что занимает место нелегитимно, как говорят нынче, и опасался перехода дружины на сторону князя законного.

Добронега – сестра Ярослава Мудрого, жена Казимира Восстановителя.

Историк и наш земляк М.О.Коялович отмечал, что в XI столетии было две «осиротевшие» княжеские линии. Помимо Изяславичей, ими стали Ростиславичи галицкие – потомки внука Ярослава Мудрого Ростислава. Они тоже постоянно волтузились с родственниками-рюриковичами на пространстве южной и западной Руси. Трудно сказать, что двигало изгоями, обиды или стремление к независимости, как теперь кое-кто утверждает, но полочане, отмечал Коялович, довраждовались «с другими князьями, и между собою до того, что полоцкая область разбилась на множество малых княжеств». От кончины Изяслава прошло всего сто лет. Впрочем, острой эта проблема была и на тех землях, где князья не относились к числу изгоев. Как утверждают некоторые исследователи, одной из главных причин упадка домонгольской Руси стало именно то, что князей было куда больше, чем уделов.

Кто знает, не от предчувствия ли конфликтов между сыновьями, внуками, правнуками, помня о своих стычках с братьями Ярополком и Олегом, Владимир вознамерился

изменить ряд наследования и передать правление на Руси одному из самых младших сыновей – Борису. К такому выбору побуждали его и иные обстоятельства. Иоакимовская летопись утверждает, что матерью Бориса была сестра константинопольского императора Василия II Анна, а «Повесть временных лет», что болгарка Милолика – тоже родственница этого императора. Такое родство значило многое, ведь империя, которая теперь чаще именуется Византийской, тогда называлась Римской, занимала Грецию, Балканы, Малую Азию, часть Апенин и играла одну из ведущих ролей в европейской и азиатской политике. Было еще и то, что специально подчеркивал Сергей Соловьев, поясняя «предпочтение, которое оказывал Владимир Борису»: этот сын родился в христианском супружестве, на которое отец «должен был смотреть как на единственное законное». Потому и поручил ему старшинство над дружиной, хотя у него «брада мала и ус, млад бо бе еще». В таком случае в будущем единственно законными претендентами на великое княжение становились бы сыновья, внуки Бориса.

Владимир не успел объявить о передаче трона Борису, так как умер, собираясь в поход на сидевшего в Новгороде Ярослава, который перестал платить урок – две тысячи гривен ежегодной дани. Говорят, «считая себя при невзгоде Святополка старшим», но видя предпочтение, которое отец оказывает Борису, тоже «не хотел быть посадником последнего в Новгороде».

Перед кончиной отец смилостивился над Святополком и выпустил его из «поруба», но в Туров возвращаться не позволил, поселив рядом в Вышгороде, чтоб на глазах был. Это и помогло тому стать великим князем. Оказавшись к престолу ближе братьев, Святополк сел на место отца, начал раздавать подарки, а затем, утверждают летописцы, приказал убить Бориса, Глеба и Святослава, за что прозван Окаянным и новым Каином. Ярослав пошел на него с новгородцами. И побил. Святополк поскакал к тестю. Тот двинулся к Западному Бугу, где стояли рати Ярослава. Последовала перебранка, в которой воевода Будый пообещал пощекотать копьем жирное брюхо Болеслава, затем атака. Дружинники киевского князя напора не выдержали.

Бегство Святополка Окаянного.

Ярослав, поспешно уходя в Новгород, оставил в Киеве супругу и сестер. А Болеслав после вступления в русскую столицу 14 августа 1018 года учинил свое мщение, о чем объявил и войску. Как пишет Анджей Зелиньский, ссылаясь на хрониста XI века Галла Анонима, войдя в город, он вынул из ножен меч и ударил им по Золотым Воротам. А когда люди его удивились, зачем он это делает, ведь битвы уже нет, со смехом пояснил: «Так же, как в этот час Золотые Ворота поражены этим мечом, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать её за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесённая нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестием».

Насилие было совершено «показательным способом». Княжну привели в зал, где победители отмечали успех, а затем в соседнюю комнату, куда сразу же последовал Болеслав. Когда вернулся, был встречен овациями. Вскоре через зал вынуждена была пройти и Предслава. Русский же летописец Нестор, утверждает, что все было сдела-

но публично. Потом польский князь держал княжну в одной из комнат дворца, в котором сам обитал, и «наведывал Предславу, как только появлялось на нее желание».

Польские историки, пишет Зелиньский, полагают, что Болеслав Храбрый не намеревался занять «золотой стол киевский», как это сделал в Праге. Однако, демонстративно посидев на троне Владимира, специальные посольства с сообщением об этом направил к германскому императору Генриху II и его сопернику в Константинополь Василию II, пишет Павел Ясеница. Правда, сообщая о сделанном, он уверял Генриха, что желает сотрудничать с ним и рассчитывает на дальнейшую помощь, а Василию II предлагал дружбу, но предупреждал, что тому будет плохо, если откажется. Одновременно начал в Киеве чеканку серебряных монет с надписью кириллицей «Болеслав», напоминает Александр Широкорад. Похоже, исходил из того, что Ярослав побит, а Святополка в расчет брать не следует. Однако зять взял да и разругался с тестем, а главное, воины Болеслава в местах постоя стали бесследно исчезать то в Днепре, то в впадающей в Днепр Почайне, в которой тридцать лет перед этим крестили киевлян. Пришлось уходить князю и из Киева.

Захват Болеславом одного из самых больших и богатых городов Европы породил легенду, о которой Анджей Зелиньский тоже напоминает. Она связана с мечом, который Храбрый якобы выщербил, ударяя по Золотым Воротам. Через два столетия – с момента вступления на трон Владислава Локетка (Локотка) в 1320 году – меч, получивший название «Щербец», стал важным реквизитом при коронации польских королей. Правда, потом выяснилось, что Золотых ворот во время захвата Киева Болеславом еще не было, их начали строить два десятка лет спустя вместе с Софийским собором. Дало повод для сомнений в принадлежности меча Болеславу Храброму и то, что после его смерти на тогдашнюю польскую столицу Гнезно совершил налет чешский король Бретислав I и приказал уничтожить все напоминания о своем противнике, вплоть до профанации болеславовых останков. Трудно предположить, что при такой «зачистке», замечает Зелиньский, сохранился бы королевский меч.

Потом появились версии, что меч выщербил правнук Храброго – Болеслав Смелый. Тот дважды заявлялся на Русь в годы конфликтов между сыновьями Ярослава. Во время его приходов в Киев никакого «сексуального подтекста» не было, иронизирует Зелиньский, но мечом Смелому помахать довелось. Вот только вряд ли ему пришло в голову хранить испорченное оружие, полагает историк, да и как было это сделать, если через десяток лет самому пришлось бежать из Польши и умереть в Венгрии.

Казимир Восстановитель – князь Польши. Картина Яна Матейко.

По мнению этого автора, меч принадлежал какому-то участнику крестового похода на Ближний Восток и стал памятной вещью в семье княжат мазовецких и куявских или же был подарен евреями-сефардами калишскому князю Болеславу Набожному за спасение от врагов, их окруживших. Сравнительный анализ меча с другими европейскими изделиями такого рода, проведенный сотрудниками музея на Вавеле Мартином Биборским, Янушем Стемпиньским и Гжегожем Жабиньским, показал, что он больше похож на ритуальное, парадное оружие, нежели на боевое. И в приданное дочери Набожного Ядвиги, ставшей женой короля Владислава Локетка, попало именно из-за богатых украшений.

В конце XVIII века – после окончательного раздела первой Речи Посполитой и занятия Кракова прусскими войсками – тайник, где был спрятан «Щербец» и иные государственные регалии, был за вознаграждение выдан работником королевского хранилища Зубрицким. В 1809 году король Пруссии Фридрих Вильгельм III, чтобы оплатить долги своего двора Берлинской дирекции морской торговли, велел снять с тех регалий драгоценные камни, а золотые и серебряные украшения переплавить в монеты. Меч превратился в «стальной лом», который «для пруссаков уже не представлял никакой ценности». И кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы… По словам Зелиньского, неизвестными путями «Щербец» попал к российскому послу в Париже Карлу Поццо ди Борджо. Тот подарил меч Николаю I, а царь передал его в Эрмитаж. Впрочем, есть версия, что он был выкуплен императором Александром III у другого российского дипломата – Александра Базилевского.

В Польшу «Щербец» вернулся после заключения в 1921 году Рижского договора, теперь хранится в королевском замке на Вавеле в Кракове и числится среди самых почитаемых реликвий. А поход, с которым он ассоциируется, оставил в памяти поляков столь глубокий след на многие века, что после взятия Киева в мае 1920 года войсками Пилсудского этого маршала в Польше сравнивали с Болеславом Храбрым.

Уходя из Киева, Болеслав забрал с собой Предславу, ее сестер Добронегу, Мстиславу, последнюю жену самого Владимира Крестителя, с которой тот жил после смерти греческой царевны Анны. В Польше он поселил Предславу «в самом безопасном месте своего княжества, которым считался Остров Ледницкий, под охраной личной отборной дружины», а потом «не согласился на обмен княжны на собственную дочь, жену Святополка, которая тогда оставалась в руках Ярослава Мудрого». Приказал построить православную церковь. Анджей Зелиньский утверждает, останки той церкви обнаружены. А еще он пишет, что Болеслав «на склоне своих лет попросту потерял голову», совсем «забыл о своей жене, тоже молодой и оставленной в Гнезно, и даже о маленькой дочке Матильде». Проводил время с Предславой, утратил интерес к делам на Руси, перестал заниматься судьбой своей дочери, выданной за Святополка – до сих пор неизвестно, где она скончалась, в Киеве или Новгороде. Остался равнодушным и к смерти Святополка, который после еще одного поражения от Ярослава на Альте, уже помешавшись, умер от ран где-то «межю ляхы и чахы», то есть неведомо где.

Болеслав Храбрый и Святополк у Золотых ворот Киева. Картина Яна Матейко.

Болеслав «ограничил свое участие и в польских государственных делах, сконцентрировавшись только на усилиях, связанных с получением королевской короны», чего добивался от папы римского четверть века. Всем в княжестве занимался его средний сын, которому предстояло стать королем Мешко II. Корону все-таки надел, хотя согласия от папы не дождался. Воспользовавшись смертью императора Священной Римской империи Генриха II, который тоже имел возможность раздавать короны, Болеслав распорядился, чтобы ее на него возложили польские епископы. Такое обретение считал делом принципиальным, писал Титмар, утверждая, что «отрава самолюбия заливала его душу», а корона была символом независимости. Но через несколько месяцев

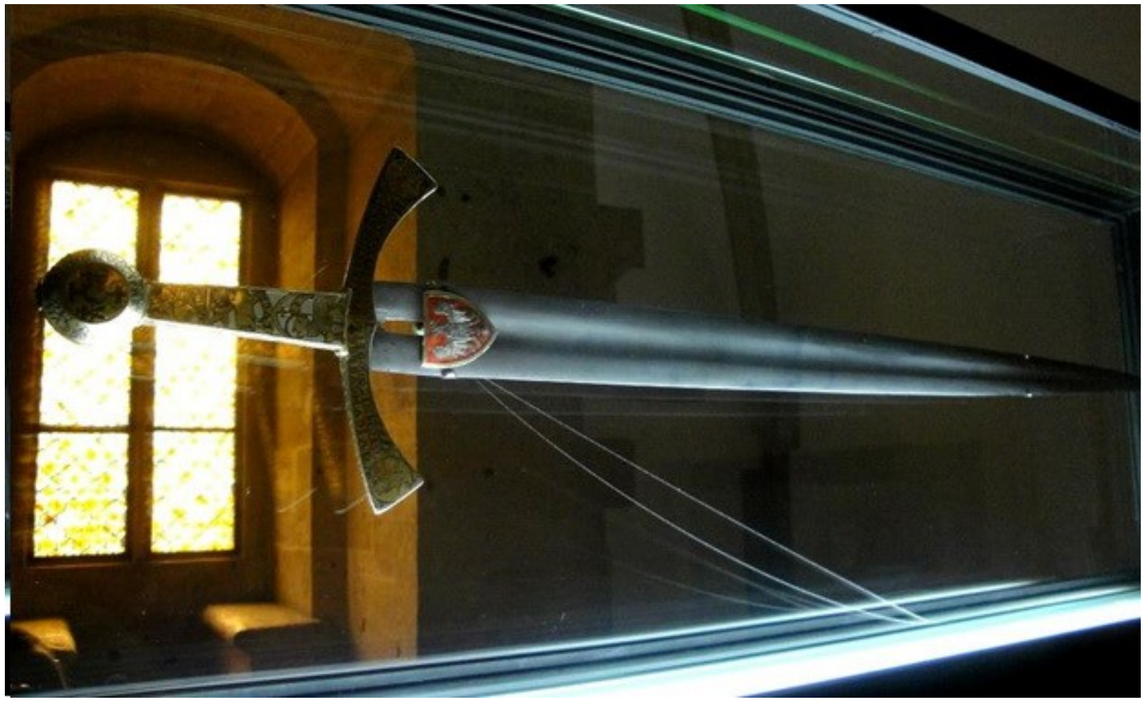
умер. Титмар счел, напоминает уже Павел Ясеница, что быстрой смертью первый король Польши был наказан за самоуправство.

Предслава на Острове Ледницком родила двух дочерей. Их имена история не сохранила. Анджей Зелиньский пишет, что одна из них впоследствии вышла замуж за большого вельможу, которым был Мецлав из рода Долива. В некоторых источниках его называют Маславом, Меславом, Моиславом. Он был важным человеком при дворе короля Мешко II, властителем Мазовии. Был у Предславы от Болеслава, видимо, и сын, на что намекает найденная в острове могила мальчика, относящаяся к одиннадцатому веку. В ней сохранились останки ребенка с богатыми украшениями.

А отношения Руси и Польши через некоторое время восстановились, притом князь киевский принял активное участие в судьбе соседнего государства, и кто знает, что с ним стало бы, если б не его усилия. Болеслава на троне сменил его сын Мешко II, по примеру отца решивший избавиться от старшего брата Безприма и младшего Отто как от возможных конкурентов. Безприм спасался в Киеве. При помощи Ярослава он потом стал польским королем. Но только на полгода, так как был отравлен людьми Мешко и Отто.

К Безприму у поляков много претензий: тиран, отослал корону германскому императору, лишил Польшу статуса королевства, одни говорят, что хотел навязать православие, другие – вернуть язычество. Тогда Мешко бежал в Чехию. Там был пойман и по приказу чешского князя Олдриха кастрирован. Возвратившись на трон, вынужден был согласиться на раздел страны на три части – Малопольшу с Мазовией, Силезию и Великопольшу, одна из которых досталась ему, другая Отто, третья двоюродному брату Дитрику.

Вернул единство польскому государству сын Мешко II, внук Болеслава, названный Казимиром Восстановителем. Но ему тоже приходилось на два года убегать из страны из-за бунта, ставшего «попыткой уничтожения христианства и возвращения к язычеству», пишет Ясеница. Восставшие «поубивали епископов, капелланов и господ своих…». Зелиньский поясняет, что «христианизация Польши в издании римско-католическом была… быстрой и насильственной», люди недоумевали, почему они должны «молиться Богу на неизвестном им языке», делать выплаты на строительство костелов, монастырей, тем более, что поборов и так было много: земельные, лесные, но и коровьи, свиные, голубиные, собачьи, бобровые, меховые, рыбьи... И возглавлял восставших старший сын Мешко II, тоже Болеслав, лично участвовавший в уничтожении христианского клира. Еще при жизни он был проклят костелом, после смерти вычеркнут из списка польских королей и князей, обречен на забвение, как



Меч «Щербец»

древнегреческий портной Герострат, сжегший храм Артемиды в Эфесе. В современной Польше его называют Болеславом Забытым.

Зелиньский уверен, что «Казимир Восстановитель вернул себе власть в Польше исключительно благодаря немецким и русским штыкам, точнее, щитам и мечам», так как хаос «между Одером и Бугом угрожал и интересам соседей». После этого «союз с Киевом стал важным фактором в политике Казимира», а Ярослав, отметил уже Ясеница, еще раз продемонстрировал, что он не случайно называется Мудрым. С его помощью Казимир подчинил себе и Мазовию. В бою с ярославовыми ратниками погиб тот самый Мецлав – зять Предславы. Запись в «Повести временных лет» гласит, что «Ярослав пошел на мазовшан и князя их убил Моислава, подчинив их Казимиру». Тогда же Ярослав вернул себе Червеньские города, отданные Святополком Болеславу Храброму.

Поясняя, почему русский князь и германский император объединили усилия в противодействии Мацлаву, Зелиньский ссылается на польского хрониста Ян Длугоша. Тот писал, что Мацлав был обуян жаждой славы и власти, подчинил половину польских земель, претендовал и на остальные, в союзе с пруссами, ятвягами и литовскими племенами мешал в продвижении к Балтике и Ярославу, и Генриху. А Руси и Германии, подчеркивает автор, Польша нужна была как стабильное буферное государство, обеспечивающее спокойствие на торговых путях и на границах.

Но, скорее всего, была еще одна причина для того, чтобы Ярослав и новый германский монарх Генрих III занялись польскими делами. Это вопрос о законности польской власти. Ведь если бы на троне Пястов оказался человек не королевской и не княжеской крови, разве не стало бы это прецедентом для соперников Генриха и Ярослава, тех же Изяславичей и Ростиславичей на Руси. Кандидатура Меслава «как польского владетеля была абсолютно неприемлемой» для обеих сторон. Специальные делегации обоих владетелей в 1040 году по этому поводу встречались в саксонском городе Альштедт. Тогда и вспомнили о Казимире – старшем сыне Мешко II. Казимир был монахом, но папа римский Бенедикт IX по просьбе Генриха освободил его от присяги. Потом Казимир Восстановитель попросил Ярослава выдать за него сестру Добронегу, которая была увезена на Остров Ледницкий вместе с Предславой. И Ярослав, первая жена которого Анна погибла в польском плену, дал согласие. А затем своего второго сына Изяслава, который при жизни отца правил в Турове, женил на родной сестре Казимира Гертруде. Он был заинтересован в том, чтобы в Польше правил лояльный ему человек.

Добронега, став в католичестве Марией, родила Казимиру Восстановителю сына Болеслава, будущего монарха, названного Смелым. Это он вернул Польше статус королевства и вновь отобрал у Руси Червеньские города. В 1069 году, сообщает любопытный факт Павел Ясеница, когда Смелый явился со своим войском в Киев, великий князь Изяслав попросил, чтобы Болеслав «подъехал к нему и дал поцелуй мира и тем подчеркнул уважение к его народу». Тот согласился, правда, «потребовав по золотой гривне за каждый шаг его коня во время праздненства, но в самый торжественный момент не сошел с седла, а схватил Изяслава за бороду и оттаскал на глазах у всех киевских вельмож». Легко представить, заключил историк, какое впечатление это произвело на киевлян. Теперь можно добавить, что тот случай стал своеобразным предвестником того, как сложатся последующие отношения поляков и русских. В течение многих столетий короли старались дотянуться до русской бороды то в Киеве, то в Пскове, то в Смоленске, даже в московском Кремле. Затем затрещали чубы в Варшаве. А поскольку у нее не получались контакты не только с Москвой, но и с Веной, и с Берлином, то польское государство перестало существовать. А ведь еще при Болеславе Храбром, когда его княжество быстро усиливалось, когда он «распространил свои владения на севере до Балтийского моря», а на юге захватил «Моравию и землю словаков до Дуная», Польше «выпадал было жребий стать в че-

ле славянских государств для отпора немцам». Среди прочих причин, помешавших этому, стало «неумение поляков вести себя среди единоплеменных народов», сделал вывод С.М.Соловьев.

О том, что случиллось с Предславой после смерти Болеслава Храброго, сведений не сохранилось. Никто не знает, где и когда она умерла, где похоронена, возвращалась ли в Киев, осталась ли навсегда в Польше. Православную церковь в Острове Ледницком, разрушенную чешским королем Бретиславом I, никто не восстанавливал, посему можно допустить, что к тому времени Предславы не было на белом свете, пишет Анджей Зелиньский. Нет данных и о том, «полюбила ли она, в конце концов, своего поработителя или их соединял только союз палача и жертвы». И что руководило Болеславом, любовь или «страсть стареющего человека», из-за которой он пренебрег даже проклятием, наложенным на него за прелюбодейство, о чем сообщал тот же Галл Аноним. Правда, Зелиньский говорит, что проклятие не подтверждается костельными документами.

Литература:

- Zeliński Andzej. Skandaliści w koronach. Prószyński i S-ka. Warszawa.
- Jasienica Paweł. Polska Piastów. Prószyński i S-ka. Warszawa.
- Соловьев С.М.. Сочинения. История России в древнейших времен. Книга I. Москва, «Мысль», 1988.
- Королюк В.Д. Древнепольское государство. М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Козьма Пражский. Чешская хроника. М., АН СССР, 1962.
- Повести древней Руси. XI-XII века. Лениздат. 1983.

ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ СЕГОДНЯ. ЛИТЕРАТУРА И ПОЛИТИКА.

SUBCARPATHIAN RUS TODAY. LITERATURE AND POLITICS.

УДК. 94(477+437.1+439) + 821.16

Гегальчий Александр Викторович.

Предприниматель, публицист, попечитель Международного фонда «Русская премия»(Прага) www.premija-ru.eu, член славянских организаций в Чехии - Всемирного Совета Подкарпатских Русин и Всеславянского комитета.

Gegalczij Alexandr.

Entrepreneur, Publicist, President of the Interna onal Fund "Russian Prize"(Prague) www.premija-ru.eu, a Member of the Slavic Organiza ons in the Czech Republic - World Council of Subcarpathian Ruthenians and Common Slavic Commi ee.

РЕЗЮМЕ: Сегодняшние события в литературной и политической жизни Украины и Подкарпатской Руси напоминают то, что происходило на территориях проживания русин в период смен демократических режимов предвоенной Чехословакии и Венгрии на фашистские протекторатные формы управления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русины, Подкарпатская Русь, Украина, Чехословакия, Венгрия, нацизм, коллаборационизм, писатели, Иван Петровций

SUMMARY: Today's Events in the literary and poli cal Life of Ukraine and Subcarpathian Rus resemble what happened in the Rusyns living Areas during the Period of Changes democratic Regimes of prewar Czechoslovakia and Hungary to the nazis and protectorates Forms of Governance.

KEYWORDS: Rusyns, Subcarpathian Rus, Ukraine, Czechoslovakia, Hungary, Nazism, Collaboration, riters, Ivan Petrovtsyy

Проект «Русская премия» стартовал в 2005г. Несколько частных лиц, обеспокоенных катастрофическим положением с русским языком в самом западном регионе Украины, решили помочь «великому и могучему». Естественно встал вопрос, как поддержать и менее известный, но от этого не менее ценный русинский язык, который у себя на Родине оказался на грани вымирания. Необходимо отметить, что в то время казалось, что уж хуже быть не может, что это пик диковатой борьбы с русским языком как с одной из основ Русского мира. Увы, ошибка вышла..

Затея превратилась в интернет-портал, сообщающий о делах культурных и исторических на Подкарпатской Руси, в неформальные встречи участников литературного процесса, в регулярное распространение русских и русинских идей и литературных произведений. В отличие от многих типовых проектов, которые венчаются и ограничиваются вручением премий, дело было осуществлено именно как постоянное.

Вот уже 11 лет премия регулярно присваивается в декабре на Святого Николая, в церковный и народный праздник, весьма любимый русинами и русскими, причем проходящий одновременно и у православных, и у греко-католиков. В минувшие годы лауреатами «Русской премии» стали:

Иван Петровций. Первый лауреат, неутомимый творец современного русинского языка, поэт, эссеист, переводчик Пушкина, Бодлера, Лермонтова, Баркова, Петефи.

Владимир Бедзир. Русский писатель и драматург.

Василь Матола. Русинский и русский поэт и переводчик.

Феликс Кривин. Русский писатель и драматург (1955-98гг. Ужгород, Израиль).

Иван Ситар. Русинский поэт, переводчик Сергея Есенина.

Иван Поп. Русинский, русский и чешский ученый-историк, (Чехия.)

Мила Марышева (Бородина). Русская поэтесса, к.ф.н., доц.филологии.

Тамара Керча. Русинская писательница, сказочница, учительница.

Роман Пищальник. Просто русинский поэт.

Людмила Кудрявская. Русская поэтесса, писательница, сказочница.

Михаил Чухран. Русинский поэт, сатирик и журналист.

Юрий Маслиев. Русский писатель и авантюрист.

Игорь Керча. Автор самых полных русинско-русского и русско-русинского словарей.

Людмила Загоруйко, Ужгородская русская и украинская писательница.

Михаил Капраль. Русинский, русский, венгерский филолог и лингвист (Будапешт).

Кирилл Шевченко. Русский и белорусский ученый, д.и.н. (Минск).

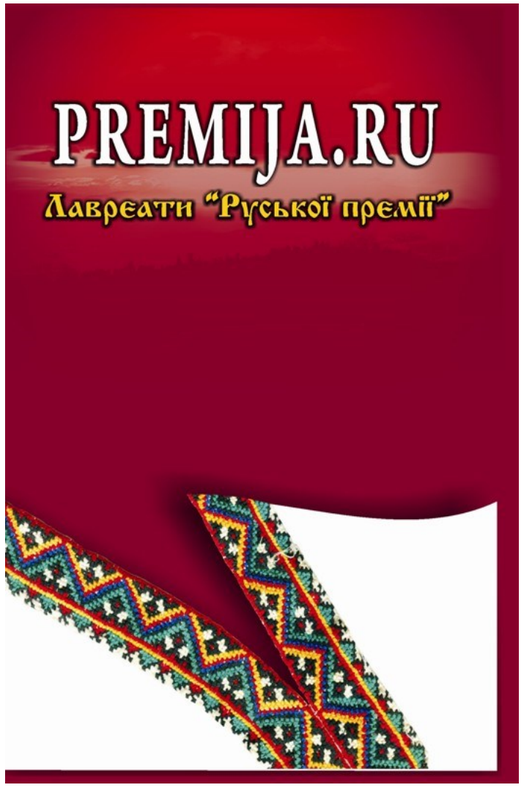
Виктор Гомонай. Прошлогодний лауреат. Отличился тем, что обогатил литературу Подкарпатской Руси поэзией иной цивилизации - лирическими, философскими и поэтическими хокку, хайку и танка, а также классическими спиванками и стихами на русинском и русском языках.

Призы и размеры премии зависят от предпринимательских успехов организаторов и от ситуации – поэтому возникают и специальные призы, например, за вклад в родную литературу, которых удостоились поэт Павло Романюк из русинского уголка Румынии а также старейший русинский поэт Подкарпатской Руси М.Ф.Кеминь, знаток латыни, греческого и русского. Его роман в стихах «Изянська русалка», задуманый в трудные годы, к счастью стал не реквием по живому русинскому narody, но свидетелем русинского возрождения, одним из образцов для кодификации русинского языка.

Несколько лет назал мы ввели в обиход голосование за кандидатов в лауреаты на сайте "Русская премия". Выборы принесли успех Ивану Шкире - голосовали за него

многочисленные друзья, воины-интернационалисты. Причем таким результатом были удовлетворены все, потому что рассказы Ивана Ивановича - "Чужой бронежилет", "66-Я ОТДЕЛЬНАЯ МОТОСТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА", - несомненный вклад в русскую и уж тем более в русинскую военную прозу.

Победителями голосования также были Владимир Перевалов (Дудаш), писатель из русинского Загатья и из Белгорода-Днестровского, Андрей Фатула, публицист, родившийся в Волковом в Карпатах и живущий в Москве, где он хорошо известен как один из лидеров русин в России и пропагандист их истории и культуры. А самым первым на выборах победил ужгородский ученый А.Е.Луговой. Он был отмечен весьма нестандартно, но именно соответственно действительности: «за то, что выучив гимны 6 государств, остался русским!».



«Русская премия» сразу же по учреждении приобрела определенную политическую огласку. Литературная премия для национальных меньшинств была агрессивно встречена украинскими (около) политическими кругами. Для организаторов это было неожидан-ностью, впрочем, соответствующей изменениям на Украине, где все, что связано с русинским и русским языком и с Подкарпатской Русью, становится одиозным.

Действие вызывает противодействие. Появился Антирусский приз "Шаровары в сале». Среди его лауреатов несколько лет никто не мог превзойти Министра культуры и туризма Украины Василия Вовкуна с его крылатой характеристикой русского языка: «собача мова». В списках кандидатов долгое время состояла Ирина Фарион, ей был особо нужен необычный "почетный" титул... И всё ей чего-то не хватало. Но вот победа: крылатая фраза "А русинского языка не существует", высказанная на весь мир в телевизионной дискуссии, позволила учёному-филологу! и Депутату Верховной Рады Украины оставить за спиной всех дежурных и профессиональных антирусин. Увы, сегодня на приз "Шаровары в сале» претендует такое количество особей, что впору открыть

отдельный фонд и просить грант в Вашингтоне или в Брюсселе. Дадут, наверное.

Появившись сначала на литературных и политических форумах, сайт «Русская премия», его сторонники и противники вместе с новыми технологиями перекочевали в социальные сети - «ОДНОКЛАССНИКИ», «ВКОНТАКТЕ» и «ФЕЙСБУК». В литературном и политическом обороте появилось понятие «виртуальная Подкарпатская Русь». Оно родилось как альтернатива первичному, вызывающему яростные нападки «сепаратистскому» термину. Сначала слово «виртуальная» вызывало только улыбки. Но когда в социальных сетях количество поклонников русинских групп стало достигать десятков тысяч, они стали явлением русскоязычного и славянского интернета. Уже никто не может сказать, что Подкарпатская Русь лишь выдумка неких отдельных сепаратистов.

Понятно, что литература и литературная кухня не могут быть нейтральными. Но чтобы литературный проект стал эпицентром информационной сетевой войны!? С другой стороны, и правда, неудивительно: когда мы его начинали, то в поисковиках на запрос «русин» высвечивалось несколько десятков(!) позиций. Сегодня же – более 4 000 000 (!).

Нашим базовым является сайт www.premija-ru.eu. В лучшие годы он включал русскую, русинскую и чешскую версии и бывало на нем более 20 000 посетителей из 60 стран, которые делали более 50 000 визитов. Конечно, это немного, но в соответствии с расходной частью, которую можно описать деловым словцом «бюджетный» проект!

Естественно, что основные посетители сайта – из славянских стран: Украины – 34%, России – 32% , Чехии – 11%, Словакии – 4%, Белоруссии – 2%, Польши – 2%, Сербии - 1%. Другие гости как бы копируют пропорции геополитического русского и русинского исходов: США, Германия, Венгрия, Израиль, Канада.

Уже третий год в силу описанных обстоятельств и просто в связи с угрозами физической расправы над участниками заключительные торжества «Русской премии» проводятся не в «майданном» Ужгороде, а например, в Минске, в русинском центре в чешских Дашицах, в Праге, в социальных сетях, в видео-чатах Скайпа и Гугла.

Идеологические противники ухмыляются над предпринятыми мерами, но безопасность на исторической родине не гарантируют.

Вероятно, подобная ситуация будет продолжаться. Сколько лет? Интереснейший политический вопрос!

Десятки лет правили в Испании и Португалии под участливым наблюдением прогрессивного мирового сообщества откровенные друзья Гитлера. Кровавый диктатор Пиночет безнаказанно дожил до старческого маразма. К сожалению, термин «фашистский» настолько затаскали, что нечем охарактеризовать положение на Украине. Никого больше не пугают здесь и разоблачения в коррупции – она пронизала все украинское общество. И в небольшом Закарпатье покупаются рабочие места в госсекторе, гарантирующие хотя бы мизерную пенсию, покупаются таможенные переходы на границе и голоса областных депутатов. Модные местные кафе заполнены – «золотая молодежь» расходует здесь доллары и евро, присланные работающими за границей родителями. А таковых закарпатцев в «стране-агрессоре» России, в Чехии, Польше, Венгрии, Словакии насчитывается до двухсот тысяч! То есть, это соизмеримо с тем, как если бы на Закарпатье были пущены в ход 100 заводов, каждый с двумя тысячами работающих, зарабатывающих и обеспечивающих свои семьи! Киевскому режиму как бы не о чем беспокоиться – народ выживает сам. Оставляем за скобками оплату налогов, развитие инфраструтуры, социального, пенсионного сектора. Анархия приобрела новые общественные формы, уродцы выжили, стабилизировались, структурировались.

Развитие ситуации на Украине и в Закарпатье после майдана и путча полно аналогий с событиями предвоенных 30х и военных 40х годов. Тогда небольшой украинской диаспорой и ее влиянием в регионе заинтересовалось ведомство фон Риббентропа. Подвизавшийся на вторых ролях Августин Волошин по подсказке из Берлина 26 октября 1938г. назначен Прагой Премьером автономной Подкарпатской Руси. И вот уже гитлеровский дипломат Хенке сообщает в Берлин: "Сегодня ко мне пришёл карпато-украинский премьер А.Волошин и попросил передать глубочайшую благодарность фюреру от карпато-украинского народа за его освобождение. Карпатская Украина знает, что свою независимость она приобрела исключительно благодаря политике фюрера и этого она никогда не забудет!"

1 ноября 1938г. А.Волошин выложил немцам новые пожелания и предложения:

1) «Как можно скорее открыть консульство Германии в Ужгороде; 2) Прислать немецких специалистов и инструкторов для создания системы управления в Карпатской Украине; 3) Немедленно начать переговоры по государственным вопросам, чтобы как можно скорее заменить в Карпатской Украине чешское и другое экономическое влияние на немецкое.»

Ну, и вершина хозяйственной мысли, с которой, похоже, недавно европейские и киевские деятели списывали Соглашение об ассоциации ЕС и Украины: «10) ...украинское государство не будет развивать свою тяжёлую промышленность. Это было бы ненужной пролетаризацией страны и поставило бы в опасность европейского рабочего»(!)

«Премьер» также заявил, что намерен строить страну на авторитарных принципах, так как либеральные формы власти слаборазвитый в политическом и культурном отношении народ приведут к катастрофе. По возвращении из Праги он распустил все политические партии, кроме своей, и создал концлагерь «Думен». Одно исключение все-таки сделали: «Всем гражданам немецкой народности разрешено организовываться в «Немецкую партию» на основе национал-социалистических идей, а также носить знаки отличия и знамена со свастикой». 15 марта 1939г. А.Волошин на пару дней становится Президентом провозглашенной им же Карпатской Украины. И бежит в Прагу, подальше от греха и от венгерских войск, которым Гитлер дал карт-бланш на «освобождение» «Карпатской территории». После нападения фашистской Германии на СССР он предложил себя на пост вождя занятой немцами Украины и как специалист-богослов посоветовал фюреру уничтожить на Украине православную церковь! (см. действия сегодняшнего «президента» П.Порошенко). В мае 1945г. Волошин был арестован СМЕРШем, а в июле в возрасте 71 года умер в Москве в Бутырской тюрьме. В 2002г. ему присвоено звание Героя Украины - за выдающуюся личную роль в борьбе за утверждение украинской государственности...

Регулярные венгерские войска, разгромившие 18 марта 1939г. остатки «Карпатской Сичи», встречались населением Подкарпатской Руси цветами. Это было, с одной стороны, отражением сильного внутреннего сопротивления русин, венгров и румын чуждому проукраинскому режиму монсеньора Волошина - не может селянин привыкнуть к наездам боевиков и крикам: «Сичь вам радость несёт, нация превыше всего». С другой стороны, это и было русинским боевым приемом - «вытерпеть всё и выжить любой ценой».

Встреча венгерских войск населением Подкарпатской Руси. 1939г.

Добровольным унижениям не было конца: «О.Т.», корр «Новой недели» сразу по приходе венгерских войск угодливо критикует предыдущих правителей: «Подкарпатская Русь на пороге хозяйственного банкротства. - В первые месяцы существования незалежной Украины Волошин и Ревай просили у Праги помощи, так как не были в состоянии выдать зарплаты государственным чиновникам. Прага эту помощь оказала, но господа Волошин и Ревай аванс использовали не на зарплаты чиновников, но на поддержку организации «Січ» и на агитацию. Праге такие действия очень не понравились и она назначила министром Подкарпатской Руси генерала Прхалу. Генерал несмотря на все атаки украинцев место занял и приступил к ревизии счетов Волошина и Ревая. Кроме того, он арестовал «пана» Рогача, который хотел организовать сичевиков против чехов и жандармерии...» И напротив, автор с восторгом описывает «Мадьярский административный курс. - После дней радости от присоединения к материнской державе началась серьезная работа. Гражданская администрация, имеющая столетний опыт, хорошо себя показала. Мы – которые долгие 20 лет были вынуждены писать, работать с чужим нашей душе и телу чешским языком, учить чешские законы и распоряжения, чтобы выстоять в борьбе за ежедневный

хлеб, - теперь можем дела вести нашим родным языком. Теперь нам не нужно задумываться над «черточкой» на длинным «і» или «у», но направить наши силы на продуктивнейшую работу...»

А вот, что выложил корреспонденту газеты «Уй мадьяршаг» священник Александр Демянович из Рахова: «Я был счастлив, когда мне удалось известить господина полковника Унгера о том, что венгры могут спокойно прийти сюда, ибо их здесь ждёт не оружие, а уже приготовленная триумфальная арка… Прошу вас, господин редактор, не пишите слово «русин», а пишите - «рутен», ибо мы не русины, а рутены. Русин тот, кто в мыслях своих переходит границу, мы же, рутены, желаем навсегда остаться в этой нашей тысячелетней отчизне, и никакая мысль не в силах нас отвлечь… Большинству рутенов автономия не нужна. Ведь автономия означает отделение от государства, а мы, рутены, признаём, что нам следовало бы стремиться к наибольшему единству с венгерским государством… Мы полностью желаем слиться с мадьярством». Емерих Ортутай, настоятель Цегольнянской церкви в Ужгороде и депутат венгерского парламента в 1943 г., в то время, когда тысячи мужчин, женщин и детей Подкарпатья гибли в газовых камерах, говорил с трибуны: «То, что мы видим со стороны правительства в его отношении к нашим национальным меньшинствам, это такое большое проявление великодушия, так сказать, порыв венгерского духа, романтики, что в подкарпатском понимании мы привыкли говорить: акции русин котируются выше, нежели акции мадьяров… - мы не желаем ничего большего».

Ничто не ново под луной. 7 марта 2014г. вышло «Обращение писателей Закарпатья в связи с агрессией Российской Федерации на территории Украины: Дорогие братья и сестры нашей многоязычной семьи! В дни, когда мировая общественность, и все украинство готовятся встречать 200-летие бессмертного Шевченко, над нашей Украиной нависла страшная опасность. Путинская Россия без объявления войны, вопреки международным обязательствам по Украине вводит свои войска на территорию Крыма, создает сепаратистское правительство, а Российская Дума уже высказывается за присоединение полуострова к России. Мы, закарпатские литераторы, решительно выступаем против агрессии, мы за территориальную целостность Украины, за ее демократическое движение....Слава Украине! Героям слава!» - 26 писателей, включая Лауреата Русской премии, подписались под заключающим документ нацистским приветствием. Через год писательский Председатель В.Густи отметил это обращение среди главных достижений творческой (!) организации.

Известное фото русских и русин на вечере по поводу премии 2009года сейчас ширится на украинских «патриотических» сайтах как список «врагов народа», ненавистной 5-й колонны и сопровождается призывами к СБУ «принять меры»! На фото и автор статьи - теперь «персона нон грата» на Украине, - имел неосторожность побывать на выборах в мятежном Луганске и рассказать о них не то, что хотели бы слышать от него в Киеве, а то, что видел своими глазами. Рядом с ним – Петр Гецко, Премьер-министр Подкарпатской Руси, никем непризнаный, без портфеля, скрывающийся в Москве, но объявленый украискими СМИ «главным сепаратистом». Здесь же сидит батюшка Димитрий (Сидор), давно замолчавший «духовный отец» всея русин. Не могу шутить над ним и другими близкими мне людьми, как присутствующими, так и отсутствующими на этом фото. Ибо находятся они на Украине - в бесправовом поле и в любой момент могут быть унижены, избиты, арестованы, лишены средств к существованию. Они выживают как могут. Они дистанцируются от Русской премии, вычеркивают меня из «фрэндов» на Фейсбуке, не принимают мейлы, телефонные звонки и СМС. Кто-то из них не может рисковать научной карьерой, кто-то опасается студенческой обструкции «кто не пляшет, тот москаль», кто-то начал писать только по-украински ибо перспектив у русинского поэта на родине нет. Самым страшным приемом украинских спецслужб и чиновников в борьбе с инакомыслящими русинами и русскими является «наезд на родню». Применяется широко.

Улыбается на фото и первый лауреат «Русской премии», крупнейший русинский писатель современности И.Ю. Петровций. Его недавняя смерть была тяжелым ударом для соратников. Украинские СМИ облепили его ярлыками террориста, а армия свидомых добровольцев постоянно травила его и доносила СБУ о его намерениях. Дело нехитрое - эти «намерения» были зарифмованы в его стихах и впечатаны в многочисленные эссе:

- «В этот смертельно тяжелый для Пудкарпатской Руси час я молитвенно складываю руки и из самых глубин моего сердца, от самых трепетных чувств моей русинской души твердо говорю «Я русин был, есьм и буду!» Хотя все двадцать три года прозяба-

Русская премия 2009. Участники праздничного вечера.

ния в «незалежной Украине», к которой нас «великий» Сталин присоединил еще в 1944м году, русин на родной, испокон веков своей земле чувствует себя человеком из самого бедного рода людского, особо унижаемого «своим» «старшим» «братом» украинцем и «суперстаршим» «братом» галичанином. В то время, когда из-за сегодняшней нищеты в «незалежной Украине», наш трудолюбивые, работоспособные, работящие люди вынуждены покидать свои семьи и идти на заработки в далекие страны, галичане и украинцы збегаются на нашу русинскую землю и под протекцией Киева и Лемберга устраиваются на государственные службы, - говорят, русины начальниками быть не могут. И, поверьте мне, что галичане и украинцы на наших таможнях, в обл- и райгосадминистрациях, в редакциях и на иных барских должностях… зарабатывают, - и наворовывают! - намного больше, чем наш несчастный народ на тяжелых и часто унизительных работах в далеких странах. Все годы «незалежной Украины» наши истинные русины думают о своей незалежности от незалежных галичан и украинцев, которые признавая и превознося свою национальность, русинскую национальность признавать не собираются.»

«Иван Юрьевич, не страшно? – спросил я у него, – Страшно, - ответил он,- но не могу молчать!»

Регулярные вызовы в СБУ и многочасовые допросы без сомнения повлияли на здоровье 70-летнего «лидера русинского сепаратистского подполья» и тяжелого гипертоника. Его затравили! Чиновники от «безпеки» нашли, кстати, и еще нескольких пенсионеров, которых и сделали организаторами заговора! против киевской хунты и единой, неделимой, соборной Украины...

Международный Фонд «Русская премия» и Всемирный Совет Подкарпатских Русин учредили в память об Иване Юрьевиче приз начинающим русинским поэтам. На

Святого Николая в этом году и он найдет своего героя. Деликатную работу по подбору кандидатов на этот приз ведет член Союза Русинских писателей Закарпатья Иван Бузаш. В прошлом году он с блеском выиграл «народные выборы» Русской премии. А уже в нынешнем году стал победителем конкурса на лучший перевод знаменитого стиха украинца Ян Таксюра «Агенты Кремля..» Не переводите, слушайте русинское слово!

Усі ко банує... (Все, кто грустит...)

Усі ко банує,
Куй выйде пуд вичур у свої поля,
Ото є Агенты Кремля.

Ко пысок удкрыват за своє,
Вадь співанку слухає мамчину рудну,
Авадь гусляша,
Вто тоже Агентик Кремля.

Кому цідолкы-ся приносят за світло,
Сердито вбзирає...
І лає паскудно і прямо, От бля!..
Ун тоже Агентик Кремля.

Ко власть проклинає за ціны трьох кратні,
За живот бідняцькый, за вкрадене щастя -
Ото всі Агенты Кремля.

Коли кось ся ще сомніває,
Що власть: Є розумна твереза і чесна,
Така гий невинне ягня,
Ото є шпійон провокатор -
і явный Агентик Кремля.

И тот ко нискаче, нивертит гузицьов,
Ниспіват...
Ля-ля Ля-ля-ля Ля-ля -ля.

І правду у очи рубає,
Ото всі Агенты Кремля.

Туй я ся припудив ...
Низнаю ба защо, і выдкы прийшла ми мысля...
Бо всплыла уд боли жебрацька,
Співуча квітуча весела,
Обкрадена наша зимля...
Й ото що її насиляє,
І власти у очи вбиває,
Они всі бизуно до шпента...
Коварні Агенты Кремля.

В европейском пространстве сегодня также как и на Украине ощущается некая истерика относительно агентов Кремля и русской пропаганды. Воинственная атмосфера хорошо проплачивается и трудно ожидать ее скорого конца. Составляющими этого исторического процесса являются, с одной стороны, сегодняшняя украинская власть, а с другой – смирившееся с ней сегодняшнее украинское общество, включая общество Подкарпатской Руси. А поскольку собрать сейчас для победы над мракобесием и страхом современную «антигитлеровскую коалицию» не представляется возможным, приходится - увы - быть готовым к очень длительному и болезненному выздоровлению...

Литература:

1. И.Поп. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001 и 2006.

2. М.Капраль. Русинськый дайджест 1939–1944. III/1. Кроника. Тексты з ужгородськых новинок „Нова Недêля” и „Карпатска Недêля” 1939–1941 гг. Nyíregyháza, 2010. – 250 с.

3. М.Капраль. Русинськый дайджест 1939–1944. II. Красноє писемство. Тексты з новинок „Карпатска Недêля” и „Недêля”. Nyíregyháza, 2008. – 240 с.

4. А.Гегальчий. Подкарпатская Русь. История одного сепаратизма. Collaborazione regionale. «Русская премия». Прага, 2015. - http://p emija-ru.eu/index.php?razdel=library&podrazdel=IS-14.php&lang=ru

5. А.Гегальчий. «Русская премия» и Подкарпатская Русь.«Русский вестник»,№16-17. 2016.

6. 7dniv.info – інтернет видання. Писатели Закарпатья призвали россиян сказать "Нет - войне!" Ужгород. 7.3.2014 - http //7dniv.info/lang-ru/poli cs/40291-pis-menniki-zakarpa ya-zaklikali-rosiyan-skaza -ni-viyni.html

Журнал «Аспект» - международное электронное периодическое издание, предназначенное для публикации произведений в области социальных и гуманитарных наук.

Журнал издается совместно :

- «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија) www.carsa.rs
- Сетевой научно-просветительский проект "Западная Русь" (Минск) http:// apadrus.su

Доступ к изданию: Сайт журнала — http:/ aspects.su/

Периодичность выпуска: ежеквартально (четыре номера в год).

Журнал зарегистрирован **Национальным ISSN центром Сербии**

при Национальной библиотеке Сербии в Белграде:

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Сѐбија

aspect.journal@gmail.com

Главные редакторы:

- Зоран Милошевић, доктор социальных наук, директор «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Сѐбија);
- Игорь Федорович Зеленковский, член Союза писателей России, руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

ISSN INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић

Редакционный совет:

- Александр Юрьевич Бендин, доктор исторических наук (Минск)
- Александр Викторович Гегальчий, публицист, попечитель Международного фонда «Русская премия»(Прага)
- Александр Дмириевич Гронский, кандидат исторических наук (Минск)
- Александр Александрович Киселев, кандидат исторических наук (Минск)
- Анатолий Юрьевич Аврутин, поэт, член Союза писателей России и Беларуси (Минск)
- Валентина Анатольевна Теплова, кандидат исторических наук (Минск)
- Всеволод Владимирович Шимов, кандидат политических наук (Минск)
- Кирилл Владимирович Шевченко, доктор исторических наук (Минск)
- Юрий Глебович Аверьянов, историк, публицист (Москва)

Правила представления авторами рукописей:

1. Рукописи публикаций в журнале «Аспект» (далее – Журнал) представляются авторами по электронной почте с помощью встроенной формы по адресу aspect.journal@gmail.com

2. Рукопись предоставляется в редакцию на русском, сербском, английском языках в формате doc или r . Параметры оформления: размер листа А4, ориентация страницы – книжная, сноски — концевые, список литературы в конце. Обязательно указание УДК статьи. Название статьи на языке автора, русском и английском, ключевые слова на языке автора, русском и английском, аннотация на языке автора, русском и английском. Также к статье в отдельном файле подается фотография автора, информация об авторе на языке автора, русском и английском,

инициалы, фамилия, на языке автора, русском и английском.

Иллюстрации пронумерованы и соответствуют отдельно приложенному списку иллюстраций, указанных в тексте.

3. Материалы, поступающие в редакцию, проходят научную экспертизу. Рецензии автору не высылаются. Редакция вправе отказать в опубликовании статьи без объяснения причин. Плата за публикацию не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются. Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редакции журнала.

4. В случае принятия решения о публикации материала в Журнале редакция сообщает об этом автору (авторам) по электронной почте. Затем им высылается файл с текстом, прошедший редактуру. В случае согласия на публикацию материала в Журнале в таком виде, автор (авторы) пересылают в редакцию скан текста со своей подписью. По опубликовании статьи автор получает уведомление об этом и актуальную ссылку.

Правила пользования журналом

Полное или частичное воспроизведение публикаций в любой форме возможно только с официального разрешения редакции и с обязательным указанием источника (при размещении в сети Интернет активная и индексируемая ссылка обязательна).

ASPECT - Humanities and Social science magazine.

It published four issues a year.

Magazine website: http:/ aspects.su/

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs
- Scientific d educati nal project "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editor in Chief:

- Zoran Milosevic Doctor of Social Sciences, Director "Center for Academic word"(Belgrade)
- Igor F. Zelenkovsky, member of the Union of Writers of Russia, head of the project "Western Russia"

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

aspect.journal@gmail.com

Editorial Council:

- Alexander Y. Bendin, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Gegalchy, publicist, Trustee of the International Fu d "Russian Award" (Prague)
- Alexander Dmirievich Gronskii, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Kiselev, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Anatoli Yurevich Avrutin, oet, member of the Union of Writers of Russia and Belarus (Minsk)
- Valentin A. The heat, Candidate of Historical Sciences (Minsk)
- Vsevolod Shimov Candidate Politi al Science (Minsk)
- Kirill Shevchenko, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Glebovich Yury Averyanov, historian, publicist(Moscow)

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић